

Несущий Слово

Как выжить в зомби-апокалипсисе?

Возглавь ЕГО!

Что даруют боги своим последователям?

Славу, силу, богатство, неистовство битвы, красоту и величие...

Прах и тлен.

Мои были честнее, вырвав из забвения аморальной изнанки человеческой цивилизации мое истинное искривленное несправедливостью нутро.

Я восставший из могилы мертвец, бродящий среди тех, кому только суждено пасть в кровавую грязь.

И последнее время меня мучает один вопрос — кто из нас больше мертв?

Я, исчадие Темных богов, мановением когтистой лапы поднимающее легионы упырей с ближайших кладбищ, или те, чье безнравственное нутро прогнило еще сильнее, чем мое изъеденное трупными червями тело?

Как выжить в зомби-апокалипсисе? Возглавь его!

21+

0. Предисловие

Имя нам — Легион.

Крови нашей — океан.

Не отступим и не сдадимся когда приказ нам дан.

Мы не титаны и не герои.

Каждый здесь простой солдат.

Мы не умираем — мы отправляемся на перегруппировку в ад!

**— Комиссар Себастьян Яррик,
"Дурной глаз", "Аднаглазый старик".**

Чилавеки все как один слабаки, достойные только топтания. Кроме Аднаглазого Яррика.

Он один знает, как правильно нада драться

— Газгкулл Маг Урук Трака

Глава 1. Самосуд

С планетой всё в порядке. ЭТО ЛЮДЯМ ПИЗДЕЦ! Людям ПИЗДЕЦ!!! В сравнении людьми, у планеты дела идут просто великолепно!

— Джордж Карлин

Стригов Виктор Анатольевич. 31 года. Служил. Сидел.

Статья 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Убийство — умышленное причинение смерти другому человеку. Лишение свободы от 6 до 15 лет с ограничением свободы на срок до 2-х лет.

Статья 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации ч. 2

Убийство — умышленное причинение смерти другому человеку. Из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом.

Статья 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации ч. 2

Убийство — умышленное причинение смерти другому человеку. Совершенное с особой жестокостью.

Статья 111 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека. Срок лишения свободы до 8-ми лет.

— Виновен.

Одно-единственное слово срывается с сухих растрескавшихся губ неожиданно легко. Словно ничего не значило. Словно от него не зависела чья-то жизнь.

Виктор Анатольевич стоит на коленях. Остекленевшие глаза смотрят в никуда. Он жив. Пока что. Но его разум витает в совершенно иных отражениях материального мира, отправленный туда убойной дозой адского коктейля купленных в аптеке препаратов. Отблески пламени танцуют на его лице. На затопленных в тени глазницах и щеках.

Узкая ладонь скрытая под тактической перчаткой осторожно, почти нежно, касается его заросшего колючей щетиной подбородка. Приподнимает голову.

Узкий нож с односторонней заточкой, балансирующий на грани отделяющий перочинную зубочистку от куска острой стали, которая пройдет между ребер, перепахает мышцы и внутренние органы после чего выйдет из спины жалом хищного насекомого. Мизерикордия. Мой личный кинжал милосердия.

Хорошее движение. С оттягом. Чуть выше кадыка и практически от уха до уха.

Кровавый рот расцветает на тщедушной шее, начиная выблевывать из себя горячие струи жизни.

Кровь.

Кровь.

Мне нравился вид чужой крови, пролитой за дело.

Кровь хлещет вниз.

На дно ямы, больше подходящей на раскрытый в беззубом оскале зев свежевыкопанной могилы. Два на два метра и столько же в глубину. Комья сырой земли слиплись от крови,

слез, слюны, желчи и дерьма. Два трупа лежат внизу, лицами в липкой грязи, лаптящейся преданным псом. Все мы вернемся в грязь.

Кровь бьет судорожными толчками.

Мои мимические мышцы корежит в подобии улыбки. Злой, ехидной, кровожадной, разделившей лицо на две половины — первая, всего лишь человек, один из многих, миллионов, миллиардов таких же представителей вида "homo sapiens", а вторая... вторая — истинный демон Темных богов, воплотившийся в смертном скафандре трепещущей души из мяса и костей. Я смерть. Я тьма. Я ненависть.

Я захохотал в небо. Пинок в спину. Окровавленное тело падает вниз, съезжает по стене ямы и затихает в крови.

Кровь.

Жгучая, тягучая, черная ярость, разгорающаяся в грудной клетке, пробирающая до самых костей, ломающихся и снова срастающихся в безумном, противоестественном танце безумца, порвавшего цепи, сковывающие тело и разум. Танец на могилах адекватности и логики. Могилах врагов. Могилах друзей. Могилах всех людей. Этот танец только для одного человека.

Звягинцев Владимир Сергеевич. 27 лет. Не служил. Не сидел.

Статья 244 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Надругательство над телами умерших и местами их захоронения.

Статья 134 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Срок лишения свободы до восьми лет.

Статья 131 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам. Срок лишения свободы от трех до шести лет.

— Виновен.

Нож входит в его шею, точно в масло. Я не резал — колол.

Металл испарывает кожу. Кромсает мышцы.

Кровь брызжет мне на пальцы, запястья и предплечья. Я чувствую ее на губах и вкусовых рецепторах кончика языка. Она поблескивает на моих зубах, смешиваясь с вязкой, горьковатой слюной.

Я бью. Снова и снова. Не считая. Он уже труп, стопроцентный, без единого шанса на выживание. Но я бью. Проворачиваю нож в ране. Это пьянит меня. Дурманит. Будоражит.

Мой хохот переходит в сдавленное, дребезжащее и полуистеричное хихиканье. Я весь в крови. Плевать чьей. Кровь.

Очередное тело летит в грязь.

Тошная фигура на фоне крохотных костерков, освещающих колеблющимися языками огня братскую могилу мертвых ублюдков. Наверное, со стороны я выглядел просто великолепно.

Мартов Петр Яковлевич. 46 лет. Не служил. Сидел.

Статья 205 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинение значительного имущественного ущерба и т. д. Лишение свободы на срок от 8 до 15 лет.

Статья 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации ч. 2

Убийство — умышленное причинение смерти другому человеку. Совершенное с особой жестокостью.

Статья 228 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ.

Статья 228 Уголовного Кодекса Российской Федерации ч.1

Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Статья 230 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ.

Статья 234 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта.

Бутылка виски. Или портвейна. Или коньяка. Этикетка соскоблена ножом. Не открутить, а буквально оторвать крышку. Я продолжал смеяться.

Я лил разъедающее своим запахом слизистую оболочку носа пошло себе на лицо, в рот и на голову. Я смеялся, давясь бухлом. Захлебывался хохотом и этой дрянью, завязывающей желудочно-кишечный тракт двойным морским узлом.

Половина в себя, вторая на голову последнего смертника. Алкоголь стекает по его черепу, полуприкрытому шелушащейся кожей и редющими волосами. Бутылка летит в лужу к трупам, прочертив в воздухе полосу горьких капель. Нож выскальзывает из пальцев, входит в землю, почти по рукоять. Ему на смену приходит топор. Скорее даже топорик, цельнометаллический с хищными углами и старательно заточенным лезвием.

— ЧЕТВЕРО!!! — я ору в небо, к звездам, к полной луне, к клочьям туч, — ПРИМИТ ИХ!!! ПРИМИТЕ МЕНЯ!!!

Холодный ветер воеет где-то вверху.

— Секс, наркотики и рок-н-ролл, — говорю почти шепотом, от крика саднит в горле и произнесенные слова приобретают зловещую хрипотцу.

Я заносу топор. Секира палача. Молот судьбы. Клинок нечестивца. Стрела еретика. Цепь раба и плеть надсмотрщика.

— ТАК ВОЗНЕСИТЕ ЖЕ МЕНЯ НАД ПЕПЛОМ СМЕРТИ!!! — я снова срываюсь крик, капли слюны слетают с губ, — ЯВИТЕ СВОЙ ЛИК!!!

Удар.

Влажный хруст. Кровь. Щербато скалящийся клюв застревает в черепной коробке.

Я смеюсь. Дико, надрывно, словно это последняя щепотка счастья во всей моей никчемной жизни. Я размазываю эту радость по своим мыслям незримыми щупальцами перекрученной в собственном чреве ненависти на самого себя и на весь окружающий мир.

Удар.

Удар.

Удар.

Я смеюсь и бью.

Бью и смеюсь.

Кровь. Много крови. Очень много крови.

Мой смех разрывает легкие ржавыми зазубренными крюками, рвет сердечную мышцу,

струится по кровеносным сосудам вместе с напалмом, в который превратилась уже моя кровь.

Кровь.

Я стою над телом.

Тяжелое дыхание.

Взгляд в небо.

Предельно прозрачный намек.

Широкий замах.

Удар.

Удар.

Изуродованная окровавленная голова держится на лоскутах кожи, ошметке мышц и пучке сухожилий.

Удар.

Пинком отправить обезглавленное тело на дно ямы.

Я подхватываю шар из костей и мертвеющего мяса.

Воздеваю его вверх вместе с топором.

— Я ЖАЖДУ ОТМЩЕНИЯ!!!

И боги ответили, разорвав пространственно-временной континуум черной молнией, перекрутившей само мироздание и навечно отпечатавшей на сетчатке моих глаз.

Где-то далеко-далеко, на самой периферии слуха, там где реальность смешивается с бредом, переходящим в иные плоскости плеяды миров, заиграла Песнь Дирижера. На этот раз это было "**Panic! At The Disco**" — "*Emperor's New Clothes*".

День определенно удался.

Примечание автора:

Для тех, кто не в теме — <https://www.youtube.com/watch?v=7qFF2v8VsaA>

Глава 2. Посланник богов

Тьма.

Ветвистая молния из чистейшей черноты, на фоне которой ночь меркла, скукоживалась и бледнела вонзилась в податливую почву копьем героев далекой седой древности. В человеческом спектре восприятия просто не хватало граней и оттенков, чтобы передать в оцепеневшее мозговое вещество через глазные нервы, сетчатку, зрачок и хрусталик все неопишное величие этого отсвета силы Великой Четверки. Я видел в этом столбе энергии перекошенные в нескончаемой муке лица тех, кто попрал заветы Четверых, решив, что с Полигоном можно шутить. Я видел в нем тьму и свет, жизнь и смерть, начало и конец, закручивающиеся в нескончаемом хороводе. Я видел в нем себя. Я видел в нем хохот одиночек и безумцев. Ярость битвы и горечь поражений. Я узрел саму суть мироздания и вряд ли после этого, останусь самым собой прежним, как бы не пошел дальше наш разговор с тем, кто откликнулся на мой зов.

Лица убитых мной часто мешают уснуть, вынуждая забыть в алкогольном и наркотическом бреду. Но это... это выжжет само понятие нормального сна из моей жизни, ибо я буду видеть это на обратной стороне век, испещренных сетью капилляров.

Кровь, грязь и дерьмо из вспоротых животов, перемешанные в чудовищный суп с сизыми лентами кишок и дряблыми мешочками внутренних органов, встали на дыбы. Вспучились Гееной Огненной, пойдя пузырями безнадежной раскрепощенности кающихся на окровавленных алтарях демонов самых мрачных и отдаленных закоулков Темного Полигона. Эта отвратительная жижа кипела и бурлила, дабы в какой-то момент не изрыгнуть из своих нечестивых недр ЕГО...

Темный ангел Темных богов.

В начале это походило на один большой пузырь, набухший среди обломков костей и раскроенных черепов. Он разрастался побегам неискоренимого греха, окутывающего души смертных. Он занял все свободное пространство могилы, но все еще рос, обламывая куски грязи с краев ямы. Кровавый волдырь на теле мироздания, готовый исторгнуть из себя то, что мало кто имел счастье узреть и остаться в живых или хотя бы остаться с окончательно не раздробленным на агонизирующие ошметки рассудком, судорожно бьющимся о стенки расходящейся по швам черепной коробки.

Он поднялся надо мной, жалким червем, рухнувшим на колени пред проявлением воли истинных владык всего когда-либо существовавшего, существующего и того, чему только предстоит в отдаленном будущем появиться где-то в бесконечных измерениях пространственно-временного континуума.

Пузырь лопнул, разбрызгивая во все стороны запекающуюся кровь и силу. Силу, названия которой еще не существовало ни в одном из языков человеческой цивилизации. Она смела костры, снесла метр грунта и повалила близлежащие деревья. Это был ураган зла. Истинного зла, а не его садистическо-извращенного подобия. У зла была честь и свои правила, аморальные и бесчеловеческие, но они были. И иногда... иногда Зло было куда лучше лицемерного и показушного Добра, выгрызающего себе место под солнцем, идущего по трупам тех, кто мыслил как-то иначе. Этот шторм мог уничтожить меня, смести, как пылинку, бросить переломанной куклой на завал из треснувших стволов, размазать тонким слоем по камням, но... он лишь освежающим бризом погладил меня по лицу и волосам,

вызвав по всему телу волну мурашек и... тепла? Полузабытого ощущения уюта и защищенности.

Свет исчез, как сам элемент физики этого мира, будто впитанный аурой Владыки. Но я видел его. Видел так, как еще никогда раньше, впечатывая в себя мельчайшую деталь.

Пророк Великой Четверки.

Несущий Слово.

Единое целое с богами.

Непостижимое существо, создавшее не имеющих начала и не имеющих конца Темных богов, и бывшее созданным ими.

Космическая сущность, чье дыхание могло перетереть в невесомый прах межгалактические империи и божков, хранящих эти пятна плесени иных форм разумной жизни.

Оно воплотилось в наиболее удобоваримом для моего мозга виде. В том виде, в котором ходило по нашей грешной земле. Пресвятой Костолом.

Заросший клочковатой бородкой человек, испещренный ритуальными шрамами и татуировками. Мутные, полубезумные глаза в чьих бездонных зрачках отражалась сама искривленная для непосвященных суть мышления, вышедшего на совершенно иной и неподвластный никому иному уровень. Спортивное телосложение и заметная сутулость. Рваные джинсы, кое-как зашнурованные разношенные берцы и грязная футболка с "Гражданской Обороной".

Точно, как на фотографиях, в книгах и документальных хрониках.

Я так и не понял в какой момент начал плакать. Слезы счастья стекали по моему лицу, срывались с подбородка, щекотали шею и ключицы. Это чувство, щемящее в грудной клетке, испытывает каждый праведник, повстречав своего бога или демона во плоти.

— Встань.

Это не был приказ или ультиматум. Негромкая и вполне вежливая просьба, которую я выполнил незамедлительно. Я видел, как с краев его одежды струился мрак. Черная вода, смешивающаяся с пролитой здесь кровью закоренелых грешников.

Отрубленная голова и окровавленный топор выскальзывают из моих рук.

— Я... я... — не было слов, которые смогли бы описать всю палитру чувств, разрывающих мое нутро изнутри.

— Знаю, — короткий кивок и легкая полуулыбка.

Слезы смешиваются с кровью. Алыми струйками, которые крошечными ручейками начинают течь из моих глазниц, ушных раковин и ноздрей. Кровавые пузыри вспухают на губах.

Эта картинка отпечатывается в подкорке моего мозга. Клянусь всеми известными мне Темными богами, духами павших и демонами я буду помнить это до своего последнего вздоха и после Второго Шанса, когда возроюсь из пепла сломанных надежд фениксом возмездия, воплотившемся в новом мире и в новом теле.

— Открой свои мертвые глаза и узри новый мир.

Щелчок пальцев. Практически неслышимый.

Я смеюсь. Не безумно, а... почти радостно.

Смотрю на свои руки. Тактические перчатки "без пальцев" исчезли. Плоть и кожу перетирало в сероватую пыль, срывающуюся с ломающихся фаланг.

Боли не было. Даже намек на дискомфорт.

Кровь сохлась в артериях и венах, а вслед за ней начали усыхать и мышцы, облепливающие каркас из опутанных нервными окончаниями костей. Глазные яблоки лопнули в глазницах, размазываясь по окровавленному лицу белесым гноем, тут же унесенным в никуда и ничто потоками ветра черной магии, о которой самые искушенные в запретном всеми мыслимыми и немыслимыми правилами колдовстве чернокнижники могли узнать лишь в жутчайших ночных кошмарах, заставляющих мелко подрагивать матерых головорезов. Этот же ветер слизнул мои мимические мышцы с лицевых костей черепа.

Я видел это словно со стороны, от третьего лица. Как мое тело, тощее и вполне неплохо сложенное, растворяется, обнажая голые, чернеющие кости. Оголенный торс, заляпанный чужой кровью, обугливается, рассыпаясь на отдельные атомы химические соединения. Грудные мышцы, мышцы пресса, бицепсы... чудовищный некроз перекидывается с кистей на предплечья и расцветает хищными бутонами смерти в разных местах, спекшиеся до состояния однородной кашицы внутренности и вытекающий из всех трещин костный мозг.

Я уже не управляю этим огрызком человека. Просто смотрю.

Плоть исчезла. Вся и без остатка.

Но... но я вижу. Слышу. Чувствую. Я жив.

— Четверо наблюдают за тобой.

И я умер.

Глава 3. Мертвец

Я очнулся в подвале.

Своем старом добром полуподвале, ставшим вторым домом, незаменимой частью меня самого и привычного образа жизни. Обшарпанная и вечно промерзлая до самого основания бетонная коробка, чуть кривовато прилепленная к боку панельной девятиэтажки, одним из трех нездорово-серых столбов, возвышающейся над заваленным металлоломом пустырем на окраинах города. Когда-то тут планировали построить магазин. Мощный такой торговый центр в несколько этажей и кучей нолей в графе прибыли. Обнесли участок работы забором из бледного профнастила, тут же утопленного под налезавшими друг на друга объявлениями купли-продажи, похабными надписями, замысловатыми граффити и ссылками на полумертвые чаты соцсетей, где мутные личности, предпочитающие сохранить хотя бы подобие анонимности занимались распространением наркотических веществ и детской порнографии, варьирующейся от можно даже сказать "лайтовой" до жесткой гуро-БДСМ-капрофилистической ереси. Возвели скелет из балок, подвезли пару грузовиков со стройматериалами, после чего растворились в небытие, забыв на месте инструмент и спецовки. Доподлинно никто не знал почему стройка приостановилась на добрых пять лет, за которые балки заржавели, а местечко облюбовали маргиналы всех видов и мастей. Время от времени, что-то тлело в этом котле несбывшихся амбиций прорабов, вспыхивала работа таджиков, поддерживаемая матершиной кряжистого бородатого дядечки в самой большой каске, но спустя пару дней все затихало, и отпугнутые шумом представители низших слоев населения их гадюшника вновь возвращались на привычное место обитания.

Стаи голодных озлобленных собак, бомжи, наркоманы, семь лично мной закопанных трупов, алкоголики и лезущая во все щели суицидально настроенная пацанва, в хаотичных скоплениях которой уже начинают пока что едва-едва проступать очертания отмороженных банд.

Кто смотрел "Бумер" и "Бригаду"? Здесь большая часть населения. Та самая часть, впитавшая с молоком матери социально несправедливую ненависть и криминальные наклонности. И не смотрела, а намертво вцементировало картинку на экране работающего с перебоями телевизора в реальную жизнь. Адский коктейль из одного металлургического завода, двух угольных шахт, винегрет из частных и многоквартирных домов, крайне напряженная обстановка в момент перестройки и еще больший упадок после нее, вкупе с осознанием сколько можно заработать честно горбатясь, а сколько в темах наиболее шустрых ребят, сваливших из более крупных и перспективных городов из-за жесткой конкуренции. Плюс, относительная отдаленность от "цивилизации", как в том анекдоте, вся остальная страна — это Подмоскowie.

Конечно, с течением времени неприкрытый беспредел затухал, сменяясь сытым урчанием отожравшегося хищника, предпочитающего не выставлять на показ все свои возможности и грязные делишки, по крайней мере не так явно, как раньше. Парни вроде деда Макара, своеобразной легенды среди сумасшедших и смешных, сумасшедших и больных, временно исчезали. Именно временно, ибо подобный тип людей никогда не вымрет. Непреклонный идеалист с замашками циничного маньяка — слишком убойное сочетание человеческих факторов. Макар любил обливать бензином людей, которые, выражаясь плюс-минус культурным языком перешли общедозволенную черту. А потом, после

патетической и безмерно пафосной речевки о насквозь прогнившем обществе... как там говаривали одни обдолбыши?.. вопящий огонек на ножках?

Таких убирали сами братки, сменившие стереотипные кожанки на деловые пиджаки и места в административном аппарате города.

Я лежу на полу. Обрывки тряпья, старые газеты, засохшая грязь, стеклянное крошево, окурки, смятые алюминиевые банки и пожухлая трава. Обшарпанные стены. Полумрак. Ржавый прямоугольник массивной двери, чьи петли и монструозный замок настолько изменились под дланью всеобщего запустения, что открыть их не представлялось возможным даже роте спецназа с ручным тараном, если они, конечно же, не знали хитрую комбинацию того что, как и где нужно дернуть в этом танковом люке, чтобы он с оглушительным скрежетом отъехал в сторону, давая шанс обдирая одежду протиснуться в щель, отделяющую верхний мир от рудимента хитросплетений канализационных и коммуникационных тоннелей.

Мышцы спины сводит от холода.

Стоп.

Этот холод пронизывает все мое тело, каждую его клеточку, судорожно вцепившуюся друг в друга. Пробирающий до самого сжавшегося в страхе нутра холод. Ледяное дыхание смерти.

Осознание того факта, что я труп далось противоестественно-легко. Как бы парадоксально это не прозвучало, но смерть — это одно из самых запоминающихся событий в жизни. Даже если ты отошел к Четверым тихо во сне, ты будешь помнить это. Первая смерть, как первое убийство и первый секс. Останутся с тобой навечно. После десятого жмура, чья кровь засыхает на твоих руках, или десятых потрахушек, когда не возникает подсознательного иррационального страха, что все идет определенно не по плану, что-то меняется в мозге. Ты привыкаешь к тому, к чему, казалось раньше, попросту невозможно привыкнуть. Но первый раз...

Боль.

Тупая ноющая боль, окутывающая каждый сустав в моем остывающем до окружающей температуры организме изъеденным трупными червями покрывалом, мешает встать. Ее жгучие очаги выкручивают и выламывают мои кости, распространяя во все стороны волны болезненных миазмов, играющих на моих нервных окончаниях жесточайший рок-н-ролльный соляк.

Но...

Боль была иной. Непривычной.

Это не была сверхновая вспышка раскаленного на огне лезвия ножа, входящего в плоть моей руки, что я проделывал время от времени, оставив на предплечьях неровный заборчик кривых рубцов.

Это походило на щекотку. Это определенно было болью, выжимающей сознание, как грязную тряпку, дабы из него вытекли все возможные мысли кроме животного желания прекратить эти мучения. Я понимал и анализировал это какой-то частью своего разума, но... диссонанс ощущаемого и улавливаемого. словно тычки иглок возобновленного кровотока в онемевшую конечность. Чувство, возникающее в кистях длительное время пробывших на лютом морозе, а потом вернувшихся в тепло.

Я чувствовал, как меняется мое тело. Как бугры мышц перекачиваются под шершавой шкурой, не кожей, а именно шкурой. Как вытягиваются мои кости, как становятся крепче,

легче и эластичнее. И я должен был лежать скрючившись в позе эмбриона, тихо поскуливая от невыносимой боли, настолько дикой, что ведром ледяной воды, сковала глотку и мечущиеся в грудной клетке легкие, не давая возможности заорать во весь голос.

Я просто лежал и смотрел в потолок, явственно ощущая, как вместе с физической оболочкой меняется и мой разум.

Глазное яблоко растекалось по главному дну. Зрачок и хрусталик вспучивался пузырями в окружении покрывающихся красно-черными пятнами белков с лопающимися капиллярами. Ушные раковины меняли форму, как и весь слуховой аппарат, волосы выпадали, смешиваясь на полу с мутной водой, мерно капающей с трещин в потолке. Мизер подкожного жира исчезал, параллельно с усыханием мышц. Четверо буквально перемешали мое старое тело в песок, дабы из него создать практически идентичное, но лучше, быстрее и сильнее — такое, которое сможет пережить грядущую метаморфозу.

Я смотрел в потолок. Я часто смотрел в него, как днем, так и ночью.

А который сейчас час? Хотя какая разница, теперь свет и тьма — одинаковы для моих обновленных способов ориентирования в пространстве.

Привычная цветовая палитра исчезла, сменившись черно-белым спектром, с бесконечным количеством оттенков серого, характеризующих ту или иную раскраску. Пока еще смутно, но я видел кровь. Я видел жизнь. Отдаленные, пульсирующие на самом краю доступного мне радиуса восприятия окурки колотящихся о реберную клетку сердечных мышц. Это было не так далеко, как казалось пока еще хромящему глазомеру, путающемуся в сантиметрах и километрах. Первый-второй этаж панельки максимум. Я видел, чувствовал, как кровь, горячая живительная кровь текла по их ветвистой системе кровеносных сосудов.

Я хотел улыбаться.

И я улыбнулся, отчего сухая корка на моем лице пошла трещинами, обнажая еще несформированную шкуру, мягкую, бледно-серую.

Я снова видел свое тело со стороны.

Кровь струилась по моим венам и артериям. Иная кровь, не имеющая ничего общего с прежней. Густая, черная, ядовитая и прожигаящая все кроме меня самого. Кровь исчадия тьмы, существа рожденного в кромешной ночи и призванного утащить все и вся в этот благословенный мрак, где часами будет наслаждаться истошными воплями и смаковать вытекающую из рваных ран жизненную суть.

И вместе с кровью во мне текла сила. Сила Великой Четверки и сила Кровавого бога. Точнее одного из неисчислимого количества получивших подобное прозвище и помешанных на насилии полубезумных божков, знакомого с Четверкой. Кровавый Дракс. Покровитель вампиров, упырей, вурдалаков и всего, что вкушает кровь живых, продлевая этим свой суррогат существования в брэнном мире или же просто выискивая в этом все доступные оттенки извращенного удовольствия.

Дракс предпочел остаться во тьме после своей смерти, нежась в ее ласковых волнах. И его знания, мысли, смазанные обрывки воспоминаний и чувства по капле, крошечной песчинке втекали в мою суть. Не все и сразу, ибо поток информации скачанный единым пакетом из разума сущности, прожившей не одну сотню лет, точно перемололо бы мой двадцати четырехлетний разум в труху, превратив в пускающий слюну овощ, слабо представляющий где он находится да и в принципе что из себя представляет. Базовые ритуалы и обращение восставших из своих могил мертвецов — микроскопический драгоценный камень где-то у меня в мозгу, переливающийся всеми оттенками старого

доброе ультранасилия. Пока мне этого хватит. Остальное придет со временем. База знаний кровожадного бога, по чьему приказу под корень вырезались города и области стран — крайне плодородная почва для дальнейших экспериментов с живой и не очень плотью.

Боль отступила.

Я медленно приподнялся с пола, скрипя сочленениями еще не закончившей процесс изменения идущим внахлест подобием чешуи, которому нужно еще несколько часов, дабы затянуться кожей, которую издали и с большой натяжкой можно будет назвать кожей очень бледного и нездорового человека, туго обтягивающей выступающие кости.

Я улыбнулся еще шире, ощутив своей преображенной сутью, можно даже сказать душой, отмеченной печатью Четверых, ток Силы. Она была во мне, в полу, в стенах, в грязной воде, в воздухе, пульсе и дыхании тех, кто жил вверху. Тех, кому уже суждено стать покойниками, ибо я восстал из неизвестности. Эмиссар Темных богов. Вестник прилива Зла. Посланник боли и ненависти. Черный Король. Бессмертный Владыка. Пожиратель Миров. Ломающий Надежду и Ввергающий В Отчаяние.

С каждым эпитетом, которым обрастал мой только начинающий постигать все открывшиеся перспективы поток самосознания, отблеск Кровавого Дракса сыто урчал, мурлыча довольной бензопилой, вгрызающейся в податливую плоть. Этот бог любил, когда его боялись и уважали. Когда его имя произносят с трепетом в голосе, словно опасаясь, что за этот набор звуков, вылетевший из глотки, по их жалкие души могут выдвинуться твари, названия которых не существовало ни в одном из языков смертных.

Когти скребут по бетону.

Когти?

Да, это определено моя конечность, только... иная.

Я не был в состоянии шока или оцепенения, которым вроде как должно было ознаменоваться вот это вот все, но все же какой-то разрыв привычного шаблона присутствовал. Даже самый хладнокровный человек в мире мягко говоря удивился и озадачился, если бы одним утром проснулся в своей постели, а вместо левой руки у него, например, было склизкое улиткоподобное щупальце. Моя же рука до такого не докатилась, но на старую хваталку со сбитыми костяшками и криво подстриженными ногтями с бледноватыми ореолами грязи, походила мало. В каждом заметно вытянувшемся и истончившемся пальце прибавилось по новому суставу, а прежние приобрели удивительную гибкость и гнулись во все стороны. Сама кисть поменяла форму, став чем-то средним между птичьей лапой и монструозным тарантулом. Бледная кожа и загнутые черные когти сантиметров по шесть-семь каждый. Я еще раз провел ими по грязному полу. Вызывающий волну неприятных мурашек вдоль всего позвоночного столба звук. Глубокие борозды.

Неплохо. Весьма неплохо.

Попытка подняться на ноги провалилась в самом зародыше. Я снова лежу пластом, не понимая почему отказали ноги. Но они работали. Я ощущал их как и прежние, работу мышц и прикосновение остатков одежды к коже. Они так же изменились, на время выбив из меня отработанные до автоматизма и вошедшие в ранг безусловных рефлексов движения.

И... мое мозговое вещество прострелила одна специфически-пугающая мысль. Я не дышал. С того самого момента, как пришел в себя. Ни единого вдоха и выдоха.

Я мертв.

Но и жив одновременно.

Щелчок.

Пробуждение памяти Кровавого бога. Какого-то единого названия для моего нового облика нет — что-то среднее между вампиром, личом и некромантом из живой крови и плоти. Несколько смазанных, обрывочных воспоминаний. А, так вот как я теперь выгляжу или буду выглядеть по завершению трансформации. Болезненно-худое и высокое бледное существо, полностью лысое с заострившимися ушами, длинными иглоподобными клыками, зубьями пилы выглядывающими из-под тонких сухих губ. К рукам и ногам прибавилось по суставу. Издалека не очень заметно, но при ближайшем рассмотрении заставляет усомниться в естественном происхождении чего-то подобного. Скорость атак, бега и нереально высокие прыжки, вкупе с возможностью взбираться по стенам и потолку. Подобного у меня пока не было, ибо для раскрытия всего потенциала подобного существа нужны были ритуальные жертвоприношения, литры выпитой крови и хотя бы несколько десятков немертвых слуг. Наиболее мощные представители моей расы достигали возможности стирать армии в порошок.

Моей расы? Как же быстро я с этим свыкся...

Сила зависела от количества и качества моих подданных. Но после их уничтожения полученные возможности все так же оставались во мне. Если я подниму сотню мертвецов, то стану сильнее, мощнее и более живучим, но после их уничтожения... я таким и останусь с возможностью вновь поднять из могил уже новую сотню, а не снова взбираясь по крутой лестнице, первая ступень которой — это разваливающийся на ходу скелет.

Кровь, сожранная плоть и энергия, выделяемая при чьей-либо смерти, лечат мое тело, усиливают способности и открывают новые знания.

Да я же... на короткий миг мое сознание смешалось с тем, что досталось от Дракса.

Я ПОРАБОЦУ ЭТОТ ЖАЛКИЙ МИР.

Наваждение отступило быстро, так же резко, как и пришло, оставив горькое послевкусие пока еще смутного осознания расслоения разума. Я сойду с ума? Стану копией Кровавого бога? Исчезну как личность? Или мы сплавимся навечно с ним в единое целое?

Я медленно поднимаюсь с земли, привыкая к новому телу.

Первый шаг. Я почти падаю, но успеваю вцепиться в стену.

Второй.

Ноги предательски дрожат. Откуда этот тремор, если я уже мертв?

Восемь ломаных шагов до двери растянулись на четырнадцать с половиной минут. Я оперся на железный лист всем своим весом. Было не заперто.

Тяжелые темные капли срывались с мрачных небес, затянутых серыми клочьями облаков, загородившими дневное светило. Они барабанили по крышам домов, грязному асфальту, скапливались в хлюпающие под подошвами лужи. Завыли собаки.

Шел кровавый дождь.

Глава 4. Голод

Занимательный факт.

Каждую секунду в мире умирает человек. Точнее, если углубиться в статистику и более точные данные, 1,78 человека. Округлим в меньшую сторону. Один человек. Чей-то отец, брат, сын, абсолютно незнакомый и ничем не примечательный тип, конченная гнида или проверенный огнем, водой, медными трубами, Адом и Израилем кореш. Плюс-минус около половины центнера мертвечины — может больше, может меньше. И где-то полтора метра ростом, общемировая планка пока что колеблется в районе ста шестидесяти двух сантиметров. С моими шпалообразными габаритами в метр девяносто три, как-то слабо верится, что большая часть человечества настолько мелкая, но тем не менее.

Вернемся к показателям смертности.

Каждую секунду в мире становится на один труп больше, опять же по статистике, не беря во внимание иные факторы. Каждый твой вздох, каждая мысль, пролетевшая в твоём черепе — и кто-то умер. По твоей вине или нет уже не важно. Он уже кусок остывающего мяса. Оптимистично, не правда ли? Мы не знаем их имен, мы не слышали их голосов, мы не видели их лиц и мы не ведаем, что творилось в их головах, но они уже мертвы.

Сто семь смертей в минуту.

Сто, мать его, семь человек. В минуту.

Сто семь человек, которые будучи учеными могли создать лекарство от до этого момента неизлечимой болезни.

Сто семь человек, которые могли растить детей или только начинать обзаводиться семьей.

Около сотни не слишком заботящихся о физическом состоянии человек, даже с банальными кухонными ножами смогут отправить на тот свет весьма впечатляющее количество себе подобных, особенно если будут грамотно координировать свои действия.

Шесть тысяч триста девяносто смертей в час.

Что могут сделать шесть с половиной тысяч человек? Пугающе много.

Сто пятьдесят три тысячи смертей каждый день. Каждый гребаный день.

Пятьдесят шесть миллионов смертей в год.

Сколько человек преданы земле?

Сколько сожжены в печах крематориев, пламени пожарниц или погребальных кострах?

Еще один крайне занимательный факт — на планете Земля по самым приблизительным и неподтвержденным расчетам умерло около ста миллиардов представителей вида "Homo Sapiens".

Вопрос. Кто-нибудь задавался мыслью, навязчивой, безумной, неосуществимой и в некоторой степени параноидально-шизофренической — что если они вернуться?

Что если в какой-то момент человеческой истории мертвецы восстанут из своих могил? Далеко не все, только те, чьи тела еще сохранили возможность передвигаться, но тем не менее это вполне ощутимо качнет более или менее устоявшийся мировой экономически-социальный баланс.

И нет, это не очередной повод травить баянистые шутейки навроде "Возвращение к жизни часто зависит от места действия. Воскрес в Иерусалиме — чудо. Воскрес в Голливуде — зомби". Когда человек умрет, его труп вскроют, выдадут справку о причине смерти,

отпоют, заколотят в деревянный ящик, после чего заруют на два метра под землю и если он после вышеперечисленного внезапно вернется к себе домой, к оплакивающим его родным... если повезет и этот случай вызовет внимание журналистов — кто-то определенно неплохо так наварится.

А если вернуться двое? Трое? Пятеро? Десяток?

Заставляющие напрягаться сенсации. Недавно упокоенные вновь начинают ходить по земле, ведомые смазанными смертью обрывками воспоминаний и раздробленной личностью. И с каждым днем на свет вылезают все новые и новые существа, когда-то бывшие людьми. Чем больше проходит времени — тем более древние останки пропитываются Тьмой, дабы гремя разохшимися костями нести ужас и смерть, и тем больше меняется "свежачок", одержимый звериной жаждой крови и плоти. Они меняют форму и размеры, теряют последние очертания чего-то человекоподобного и вызывают приступы дикого панического ужаса у каждого, кто будет иметь наглость или неосторожность воззреться на них дольше, чем на пару секунд. У некоторых будет пробуждаться разум, складываться в черепной коробке хаотичной мозаикой из бесчисленного количества фрагментов, а кто-то так и останется на уровне вечноголодного животного.

Блеклые тени себя прежних, бродящие по залитым густой тенью улицам, едва слышно шепча слова смысл большей части которых попросту не в силах понять.

Вот что такое Кровавый Ливень Носторгота. Некромантическое и черномагическое вмешательство божественного уровня в самую суть мира. Смерть целого пласта мироздания. Крайне занимательное зрелище, на мертвенный свет которого обязательно рано или поздно явятся падальщики Темных миров. Но эта смерть не будет мгновенной. Медленное угасание, стекающее кровью бессильно мечущейся в цепях жертвы на ритуальном алтаре. Живые, борющиеся за каждый новый вздох до самого конца, рано или поздно падают в кровавую грязь бездыханными трупами, дабы спустя неопределенное время восстать из нее кровожадными бестиями Преисподней, вырывающими глотки своих родственников, друзей и близких.

Капли крови, крови мертвых богов этого мира и гноя, вытекающего из злокачественных опухолей ткани материальности вперемешку с метафизическим нечто, срывались с небосвода с тихим шелестом, походящим на заупокойную молитву. Люди на всех континентах поднимали головы вверх, в недоумении. И каждый из них теперь был отмечен печатью смерти. Даже в самом глубоком и неприступном бункере, в самом глухом участке лесополосы, на Эвересте и на дне Марианской впадины. Дождь — всего лишь физическое проявление, видимое и осязаемое, того, что окутало души всех живших, живущих и будущих жить в пределах этой версии планеты Земля. Наиболее свежие мертвецы зашевелились в своих гробах. Умершие недавно вздрогнули, выгибаясь от волны судорожных сокращений мышечных волокон. А в наиболее старых останках... в египетских пирамидах, в древних гробницах и вмурованных в кладку средневековых замков костях зародилось нечто, чему технократическая наука нашего общества попросту еще не дала названия, да и вряд ли подозревала о самом факте гипотетической возможности существования чего-то подобного.

Я стоял под струями дождя, прикрыв веки.

Кровь стекала по моему черепу, шее и одежде, потертым джинсам и темной мастерке с капюшоном, растекаясь по растрескавшемуся асфальту. Я чувствовал, как наполняюсь силой, той самой силой, от которой в квартирах уже начинают покрываться сединой

наиболее впечатлительные и просто чувствительные к окружающему пространству люди.

И вместе с силой я чувствовал голод.

Вполне анатомически объяснимый голод человека не евшего несколько суток подряд и голод власти. Голод могущества. Голод возможностей.

Воспоминания Кровавого бога разжигали мой аппетит. Я знал на что сейчас был способен и знал что смогу делать, если насыщусь жизнью. Такой манящей, сладкой и отдающей расцветающим на вкусовых рецепторах непередаваемым привкусом.

Каждый шаг давался легче, чем предыдущий.

Доковылять к входу в ближайший подъезд, заново привыкая к телу.

Монолитная пластина входной двери. Оборванные объявления о покупке металлолома, старой электротехники и отключении горячей воды на несколько дней. Домофона не было уже года как три — бездонно-черное чрево, забитое пожеванными окурками самых дешманских сигарет. Напрячь мышцы, облепливающие плечевой сустав и предплечье. Такое простое движение дается с выворачивающим мозговое вещество наизнанку трудом. Подушечки пальцев бессильно соскальзывают по отполированной сотнями ладоней рукояти — круглого и тускло поблескивающего каплевидного шарика, напоследок мазнув когтями по металлу.

Вторая попытка. Уже лучше.

Дверь унизительно-медленно открывается. По до невозможности обострившемуся слуху наждаком проходится жуткий скрип. Дискомфорт тут же проходит. Усилие сравнимое со шмыганьем носа. К слову, как таковых носовых хрящей у меня не было — лишь влажная щель в центре лица, улавливающая малейшие оттенки запахов. Меня клинит от новой палитры — измененное зрение, осязание, слух и восприятие, некротические модернизации откатываются приблизительно на прежний уровень моего человеческого организма, мозговое вещество пока еще не способно выдержать постоянно скачущие нагрузки на новоприобретенные органы восприятия самого себя в определенной точке пространства и времени.

Темнота, для меня неотличимая от полуденного зноя.

Обломанные зубья ступеней, стеклянное крошево, пустые бутылки, запах мочи, блевоты и пролитого бухла. Засохшие харчки и закаменевшее дерьмо — кошачье, крысиное, собачье и человеческое. Лестничная площадка. Первый этаж. Намертво закрытые врата вертикального стального гроба, по идее должно поднимать или опускать на определенную высоту вес не превышающий две сотни килограмм. Выпотрошенный энергощиток. Две двери, первая, которая ближе к лифту заварена неизвестно кем, неизвестно зачем и непонятно когда, вторая — матово-черный ошметок танковой брони, по-другому это было просто невозможно назвать. Сжать правую конечность в кулак, когти щекочут шкуру ладони.

Удар.

Удар.

Дверь с мерным гулом подрагивает, казалось бы, до самого своего основания.

Пять.

Четыре.

Три.

Два.

Один.

Шелчок открываемого замка. Каждый раз, в любое время дня и ночи выход главного

кошмара этого дома на свет божий занимает ровно пять секунд.

— Бранных слов на вас не оберешься, хулиганье, — ворчливое дребезжание с отчетливо слышными истеричными нотками.

Адский коктейль быдла и интеллигенции. И нет, не из подвида, таких, как я, а куда более запущенный случай. Полное игнорирование самого факта существования чьих-либо личных границ, кроме своих собственных, педагогическое образование головного мозга, сквозящая в каждом слоге властность, непреклонное желание влезть туда, куда определено не стоит и попытки закосить под самого образованного среди челяди. Поздравляю, перед вами предстал приблизительный портрет завуча и учителя русского языка нашей городской школы, более известной, как Школа Три Труса — наглотававшаяся таблеток от неразделенной любви дочь директора, повесившийся глава обескровленного семейства и слесарь, попавший под машину разговаривающей по телефону курицы, точно напротив входа в корпус для начальных классов. Около несколько десятков лет выслуги, или сколько там должны работать учителя, вроде как "копеечная" зарплата и склочный характер.

Распахнутая дверь, чуть не сбившая меня с ног.

Дородная бабища. Вот другого слова не подберешь. С редкой щеткой усов под мясистым носом, выкрашенными в вырвиглазно-розовый цвет распухшими губами, дающими неудовольствие видеть неровные желтые зубы с блеклыми деснами, куча наезжающих друг на друга морщин и самый дешевый из когда-либо существовавших на планете Земля парик. То что эта освежеванная и натянутая на черепную коробку облезлая кошка может являться ее натуральными волосами, не верил никто. Сколько она весит? Под сто пятьдесят? Низкий рост и бочкообразное телосложение не давали возможность приблизительно определить на глаз. А сколько крови?

Кровь.

Она набирает в широкую грудную клетку побольше воздуха.

Вот знаете тот тип людей, которые диалог начинают с фразы "Сейчас я буду ругаться" или просто с порога начинают кидать предьявы — пыль не вытер, посуду не помыл и так далее, заставляя проглотить неродившееся в речевом аппарате "Здрасьте", медленно наполняясь ненавистью?

О Темные боги будут этому свидетелями, как же я давно хотел сделать нечто подобное!

Черная радость запоздалого отмщения за выжженные нервные клетки смешивается с голодом.

Плоть моих щек рвется сухой тряпкой, обнажая частокол иглоподобных клыков. Лоснящаяся и истекающая мутными нитями начиненной аналогом нейропаралитического препарата, не дающего крови свертываться, слюны змея моего языка выстреливает из глотки, гарпуном вонзаясь в скрытую под складками жира сонную артерию. Притянуться ближе и вцепиться в ее плоть уже клыками.

Кровь.

Горячая. Сладостная. Живительная.

Я втолкнул оцепеневшую тетку обратно в чрево ее квартиры, прикрыв за собой дверь.

Я пил ее жадными глотками. Повышенный холестерин, а так же хромающие по всем общепризнанным медицинским стандартам лейкоциты, эритроциты и тромбоциты, да и возраст далеко не тот. По меркам Кровавого Дракса — моча сумеречных нетопырей, расположенная по качеству где-то между кольчатыми червями, копошащимися в комьях сырой земли и кровью издыхающей чумной крысы, уже слишком давно отжившей

положенный природой срок.

Но мне плевать.

Блаженство. Экстаз.

Это лучше секса, лучше бухла и дури вместе взятых. Это просто великолепно. Божественно. Я внутреннее таю, счастливо растворяясь в потоке блаженства.

Мы плавно переходим в горизонтальную плоскость нашего общения, сползая вниз по стенке. Я на миг включаю нечто наподобие эхолокации своих зрачков, улавливающих малейшие течения жизненной силы пока что на коротких и сверхкоротких дистанциях. В квартире никого не было или был, но забился в самую ее далекую часть, до куда не дотягивались незримые щупальца моего восприятия.

Она не может пошевелиться, лишь бешено вращает глазами яблоками. Она усыхает. Бледнеет. Скукоживается.

Смерть.

Кровь.

Ужас.

Боль.

Я их пророк в этом мире.

Как же хорошо...

В какой-то момент в ней исчезает кровь. Вся, до последней капли. Но я не останавливаюсь. Я словно паук впрыскиваю в обмякшую тушку неведомую дрянь, тут же начинающую растворять ее внутренние органы и мышечные волокна в питательный кисель. Кожа пузырится на костях, слезая пластами.

Блаженство...

Это заняло от силы минуты две, растянувшись для моего разума на несколько часов.

Я сижу, привалившись к двери. Улыбаюсь, отчего плоть на щеках продолжает расходиться по швам, безумной ухмылкой тянись к ушам. У моих ног лежит, хотя точнее валяется оголенный скелет.

Щепотка новоприобретенной силы и чужие знания вскипают во мне. Я Король Мертвецов, мать вашу. И это станет первым бойцом моей армии. Наверное, я должен был бы затаиться в каком-нибудь темном и затхлом подвале, по одному похищая людишек и постепенно наращивая свои возможности, дабы в один прекрасный момент захватить этот жалкий мирок — тихо и незаметно, заменив своими послушными немертвыми слугами верхушку власти в большей части стран или же устроив крошечный Ад и Израиль с аналом-карнавалом и кровавыми вакханалиями под "Раммштайн", ибо только в нескончаемых потоках свежeproлитой крови может родиться истинное величие новоиспеченного Темного бога, которому суждено править ближайшими мирами и войти в обширный пантеон Четверки пока что на правах Младшего бога. Но теперь... я похож на человека у которого есть план? Кровавый дождь смыл все рамки и нормы дозволенного, стихийно восставшие мертвецы очень скоро посеят в сердцах окружающих панику, которая вскоре перерастет в жестокую ненависть. Банды головорезов, психопатов, маньяков, дезертиров, бандитов и прочего сброда будут творить все что захотят, ибо вряд ли даже все объединившиеся армии мира смогут что-то противостоять обжигающему своей загробной прохладой дыханию Смерти. По крайней мере на первых порах, когда абсолютно никому не понятно, что за дичь вокруг происходит. Времени на подготовку и многоходовые комбинации длиной в годы попросту нет. Я вырежу весь этот чертов дом, высосу жизнь из каждого ублюдка, что здесь

обитает, а затем подниму их безвольными марионетками, несущими смерть.

Глава 5. Без определенного места жительства

Чем больше я узнаю людей — тем больше я люблю зомби.

— Рэнто Барон Гарсиа "2rbina2rista"

Некромантия — один из сложнейших аспектов темного магического искусства. Это только воистину могущественные и отождившиеся на ритуальных жертвоприношениях монстры колдовства могут щелчком пальцев поднять зомби, чья омертвевшая плоть будет неуязвима для клинка и пули, чьи глаза смогут видеть сквозь метры железобетона и чьи пальцы смогут легко сминать черепные коробки, скрытые под скорлупой касок и глухих шлемов. Они отработали эти заклинания до состояния абсолютного рефлекса, превосходящего по привычности само дыхание или сокращение определенных групп мышц. Стихийно восставшие, навреде тех, что через несколько дней заполнят улицы всех крупнейших городов, уже представляют собой практически автономный конструкт, в комплекте к которому шла большая часть необходимых для дальнейшего существования модернизаций. Смерть бесконечна и многогранна во всех своих проявлениях.

Чтобы поднять труп не нужно много сил, знаний и опыта. А вот, чтобы он не сожрал твой мозг, не развалился на гниющие ошметки спустя несколько дней или не забыл как передвигаться...

Каждое хоть немного серьезное заклинание — сложная система сцепленных друг с другом более простых компонентов.

У меня есть труп. Потрепанные временем и неправильной эксплуатацией кости уже далеко не молодой женщины. Не самый лучший материал для работы.

Жизнь танцует в моей остывшей сердечной мышце в безумном хороводе с Тьмой, медленно мутируя в Смерть. Смерть, которая укрепляет мое тело и наполняет душу каким-то паранормальным спокойствием и умиротворением. Тишина и покой давно покинутых кладбищ...

Мрак скапливается в кончиках моих вытянувшихся пальцев.

В мозгу вспыхивает простейший колдовской символ, потянувший за собой жидкую цепочку наиболее тесно связанных с этим выбросом темной энергии воспоминаний Кровавого бога. Начинаящие некроманты, только ступившие на тернистый и извилистый путь служения Костлявому, одному из Великой Четверки, существу по сути придумавшему саму концепцию смерти, укрепляли этим плоть, в которой только начинали развиваться процессы разложения. Оно погружало тело в своеобразный стазис, на неопределенный срок выхватывая его из течения времени. Чем больше силы впиталось в мертвечину, тем сохраннее она пробудет.

Второй конструкт, покуда волна силы щекочет мои лопатки и наделяет опьяняющим чувством власти над жизнью и смертью. Простейшие поведенческие алгоритмы оседают в черепе моего безликого слуги. Смерть втекает в его позвоночный столб, низкочастотными колебаниями расходясь по всему опорно-двигательному аппарату.

Следующее.

Заклинания срываются с моих рук водопадом, а из щели носа начинает сочиться кровь, вперемешку с мутным гноем, оседающим на клыках.

Мышечная память. У скелета нет мышц, но его кости прекрасно помнят базовые

особенности собственного организма.

Мелкая моторика, позволяющая хоть чуть-чуть шевелить фалангами пальцев.

Зрение. Нет глазных яблок — лишь пустые глазницы. Тьма сгущается в них, чуть уплотняется, становясь подобием хрусталика, передавая черно-белое изображение точно в сконцентрированный на месте усохшего мозга кусок Смерти, координирующий действия своего вместилища.

Восприятие.

Многоступенчатый поводок подчинения.

Я тяжело дышу. Первый раз — всегда тяжело. Я дышу? Воздух перестает с хрипом вылетать из моих легких, ибо мозг вспомнил, что ему это уже не нужно и он просто бессмысленно копирует поведение прежнего тела.

Скелет медленно поднимается на ноги, придерживаясь за стену коридора. Блевотно-желтый, смехотворно маленький по сравнению со мной и в то же время до жути зловещий. В тускловатом свете лампы он пугал, вселял ужас неумолимой смерти. Тени перечерчивали череп, бесконечно скалящийся в никуда.

Это противоестественно. Это обман. Подобное не может существовать. Ложь, галлюцинация, иллюзия, голограмма, гипноз и еще что-то непонятное, а потому вызывающее неподдельные опасения. Моя человеческая часть мечется внутри грудной клетки, пытаюсь найти научное объяснение уже выпрямившемуся во весь рост суповому набору. Но вторая... не так давно зародившаяся во мне тьма лишь сыто урчала.

Я начинаю ощущать себя настоящим Темным Властелином. Это тяжело, геморройно, но... я почувствовал всеми фибрами своей оскверненной души, как возросли мои возможности после того, как это некротическое существо обрело возможность исполнять мои прихоти. Это походило на отдых после тяжелой и крайне изнурительной тренировки — непривычно легкое движение рук, если будет угодно. Я понял, что в случае повторения связки подъема мертвеца, у меня получится лучше, далеко не идеально и даже не среднего качества, но сам факт.

Как там говорилось?.. Погнали наши городских?

Есть много типов людей, которые самим фактом своего существования вызывают бешенство и желание схватиться за старый добрый топор, способный одним точным ударом избавиться от этой проблемы. Нет, здесь речь идет не про нацизм, расизм и что-то там еще. Чисто склад характера и мышления, который вызывает реакцию, по аналогии близкую к рвотному позыву.

Что меня больше всего бесит в женщинах? Ну, помимо того факта, что они люди, а я ненавижу человека, всех, без исключений, даже себя.

Абсолютное непонимание того, как работает их мозговое вещество? "Один я Д*Артаньян — все вокруг пидорасы"? Пресловутая женская логика? Послабления где только можно? Невозможность в "приличном обществе" выбить ей зубы за те поступки, за которые меня бы закопали раз семь? То, что они активно пользуются этим, наглядя до невероятной степени? Вцементированное в подкорку их мозга ничем не аргументированное высказывание, будто им кто-то что-то должен? Возможность переспать с кем-то ради достижения выгоды, когда мне придется сдохнуть на работе и не получить ничего? Высасывание денег? Манипуляции? Нескончаемые слезы и истерики, с которыми попросту непонятно что и как делать? "Ой все"? "Я обиделась"? "А ты меня любишь?" Постоянный

контроль и попытки загнать под каблук? Банальный шантаж потрапушками? Френдзона? Не давание прямого ответа на четко поставленный вопрос? Это сворачивающее уши в трубочку "в каждой женщине должна быть загадка"? Патологическая ложь? "Мои деньги — это мои деньги, а твои деньги — это наши деньги"? Отбирание зарплаты? Запреты, стирающие черту между спутником по жизни и строгими родителями с гиперопекой? Непрекращающиеся попытки затащить в ненужный тебе брак, по итогу которого у тебя отожмут половину имущества? Завести ребенка, не потому что это полностью взвешенное, обдуманное и подготовленное со всех возможных сторон решения, а что-то из разряда — все подружки уже завели/бабушка сказала, что рожать нужно рано/дал бог зайку, даст и лужайку/хочу потискать миленьких карапузиков, а ты убирай за ними дерьмо и плати за все их расходы?

Да, вообще-то, все вместе взятое.

А еще существовала некая грань, отделяющая поступки мужчины и женщины, как бы странно это не прозвучало на первый взгляд. Согласитесь, одни и те же дела от представителей разного пола воспринимаются совершенно иначе. Представьте Джокера Хита Леджера, если бы он был женщиной. Тайлер Дерден? Нар Отец Монстров? Джейм Бонд образца Дэниела Крейга? Вас Монтенегро? Терминатор? Аид из "Геркулеса"? Капитан Джек Воробей? Сид Вишес? Дарт Вейдер? Эш из "Зловещих мертвецов"? Мозг плавиться: начинает.

Когда ты бросаешь девушку — ты мудака. Когда она бросает тебя — ты мудака.

Когда женщина топит новорожденных котят — ну, кормить нечем, бывает, сложные времена. Когда тип в наколках — сотонист проклятый, ирод!

Нет, бесспорно существуют нормальные женщины и девушки, да и большую часть знакомых мной мужчин, я бы не назвал очень уж приятными собеседниками, но...

Вам когда-нибудь приходилось встречать так называемых "скульпторш"? Первый ее взгляд на тебя — это оценка. Чертов рентген, просвечивающий тебя насквозь, выявляя все особенности твоей личности. И в их головах звучит нечто из разряда "это подправим, это переделаем и можно брать". Они меняют мужчин под себя, причем иногда до неузнаваемости. Конечно, можно меняться ради любимого человека, но определенно не таким едва прикрытым насильным способом.

Вдвойне тяжело, если фактор "скульпторши" сочетается с извращенной версией "люби меня такой, какая я есть", которая в свою очередь подразумевает — "мне абсолютно начхать, как я выгляжу, но ты мне уже должен". Эгоистичный колобок на ножках с запросами на того самого "хочу парня, голубоглазого блондина, метр девяносто пять, с прессом и венами на руках".

Совсем плохо приходится, когда подобная личность встречает примерно такого же по отбитости чепушилу — какого-нибудь конченного арбузера, которого она, естественно исправит, ибо у других не получилось, но я ебучая принцесса и вообще он меня любит, вот Ъ.

Так и произошло с соседями на втором этаже.

Жил-был себе Михалыч, который по отчеству, вообще-то Павлович, но всем на это было как-то класть. А соседкой ему была Людка-Стерва, достойный наследник завуча с первого. И вот у Людки, неизвестно от кого, родилась дочь. А у Михалыча, известного на весь район своими божественными навыками разобрать, починить и собрать все проще адронного коллайдера, сын, при появлении которого в иные мира отправилась его жена. Людка, оставив в наследство квартиру и невыносимый характер, умерла от пяти ножевых ранений в область живота и спизженной сумочки, в которой покоилась большая часть зарплаты.

Михалыч, стараниями возмужавшего и оскотинившегося сыночка, загремел в дурку, дабы освободить жилплощадь. Они стали просто идеальной парой с гениальным бизнес-планом сдавать одну из квартир складывающимися штабелями на ночь выходцами из далекого Азербайджана, по смутным подозрениям как-то связанных с время от времени оседающей в наших ебнях партией афганского героина. Ультрарачистого герыча, чище, чем вода, которая течет у большинства населения города из кранов.

Двери были хлипкими, из неизвестной мне херни, плавающей где-то посередине между деревом и пластиком. Выбить с ноги можно, если, конечно, знать как. Я знал, но был не в состоянии, а скелет, гремящий пятками по ступеням, был не того уровня, чтобы обладать физическими кондициями среднестатистического человека, да и сам мертвец при всех моих хиленьких изощрениях пока что просто не выдержал бы даже отработанного удара в челюсть — нижнюю снесло бы вместе с частью зубов верхней, а череп слишком резко мотнуло, переломав временно хрупкие шейные позвонки, нарушая ток смерти ко всем конечностям. Зомби, способные функционировать после того, как их порубят в капусту и прокрутят через ржавую мясорубку еще впереди.

Когти проникают в щель, отделяющую дверь от дверного косяка. Жалобный всхлип сминаемого под напитанными некротической энергией костяными пластинками механизма замка. Мешок костей предусмотрительно входит первым.

Микроконтроль, Четверо пожри эту ересь. Слишком слабые навыки некромантии не давали возможности понукать своими покрытыми трупными пятнами холопами в режиме более подходящем какой-нибудь стратегии в реальном времени. Скорее РПГ-шка. Мозг какое-то время буксовал, когда передаваемая в него картинка разделилась на две абсолютно разные точки мировосприятия, к тому же заметно отличающиеся друг от друга.

Вы когда-нибудь смотрели на себя чужими глазами? Незабываемое зрелище. Я смотрю на скелет, скелет смотрит на меня, и то что запечатывают в себе наши зрительные рецепторы пересылается ко мне нон-стопом. Можно отключить это, но тогда координация движения нежити падает на порядок. По ощущениям передвижение собственного тела в пространстве и времени с более сложным контролем, чем отдавание простейших приказов, походило на попытку разными руками нарисовать в воздухе квадрат и треугольник одновременно.

Обои в веселенький цветочек. Обувная полка с туфлями и кедами. Крючки с куртками. Переход уже моих глаз в режим тепловизора. Два расплывчатых и налезавших друг на друга красноватых пятна. Коридор. Поворот. Приоткрытая дверца туалета. Дальше кухня, крошечная, уставленная шкафами, холодильником, микроволновкой и раковиной, почти погребенной под завалом грязной посуды.

Я чуть прислонился к стене, закрывая глаза. Попробуем поучиться играть в кукловода. Едва тьма накрыла мои глазные яблоки, сознание перетекло в мой пока что единственный юнит. Не полностью, лишь отстранено и время от времени корректирующей движения частицей.

Довольно просторный зал. Диван, стол с компьютером, штанга, гриф, блины и гантели, перегораживающие выход на балкон.

Стоны.

Не дикие стоны боли или мольбы о помощи, а вполне тривиальные звуки, издаваемые двумя спаривающимися человеками. Завуч, не оставивший свой пост даже после смерти, ибо еще не дотянул до планки пенсионного возраста, хромает к уголку спортсмена-любителя.

Что такое гантель весом в плюс-минус пять килограмм? Для среднестатистического спортсмена — максимум для разминки или все остальное сдали на цветмет, а углубляться в теорию и практику отжимания как-то в лом. Для какого-нибудь ребенка — чертов грузовик, пусть и компактный. Для сына Михалыча, имени которого я не знал и даже не собирался узнавать, это было нечто из разряда "уже не нужно, но выкидывать в лом".

Железка в правой руке. Кости левой осторожно касаются не до конца закрытой двери. Щель дверного проема медленно расширяется, давая возможность увидеть, как два потных тела занимают тем, чем и должны заниматься взрослые люди, вместо того, чем страдаю я. Существо женского пола стоит раком, существо мужского на коленях, все действие происходит на смятых простынях двуспальной кровати с узорчатой спинкой.

Достаточно рельефная спина, широкие плечи и короткий ежик волос. Михалыч-младший находится ко мне... нам?... спиной, так что...

Практически бесшумно по ворсистому ковру мой... нужно дать этой штуке нормальное имя, Костян?... подходит к постанывающим личностям, женщина уже финишировала пару раз, а относительно мускулисту товарищу осталось еще немного.

Я на сколько мог перехватил управление над Костяном. Даже не удар, а скорее тычок. Но нанесенный под правильным углом, в правильное место и правильным образом, он привел к тому, что тело верзилы, заливая кровать кровью падает на свою супругу. Фаланги моих(наших?) мизинца и указательного пальца раскрошились до полностью недееспособного состояния. Слишком хрупкие.

Девушка еще не понимает, что произошло — резкий переход, мозг еще не успел переключиться с жесткого бурения ее месторождений, если вы понимаете о чем я, на заляпывающее волосы чем-то темным и липким тело ненаглядного, мешком наваливается на ее спину.

Она не успевает обернуться. Точно в затылок.

Кинематограф если и не открыто врет прямо в лицо, то определенно малость подвирает — человека нельзя вырубить на несколько часов. Или можно, но я с этим не сталкивался. Удар чем-то тяжелым и тупым по голове — это боль, это кровь, это сотрясение и потеря сознания на весьма непродолжительный срок, либо кома и смерть.

Я открываю глаза и прохожу к двум голым телам. Еще стоящий член, дрябловатые сиськи с нездорово распухшими сосками в окружении темных ореолов — да плевать, как-то. Так или иначе, теперь это временно дышащий биологический материал для черномагических ритуалов. Скелет — это, конечно, хорошо, но что-то весомее определенно будет лучше.

Я провожу когтями по стене, разрывая обои и оставляя глубокие борозды на бетоне.

Зомби? Кадавр? Химера? Упырь? Костяной Ужас?

Интрига, ибо я сам еще не до конца определился что мне больше нужно.

Глава 6. Жратва, бабы и вино

У каждого уважающего себя черного мага должен быть ритуальный кинжал. И в дополнение к нему, по возможности, парочка весьма специфических артефактов. Это и выглядит вполне стильно, с эдаким налетом мрачной готичности и довольно полезная в хозяйстве вещь. Вы пробовали вырезать человеческое сердце из грудной клетки еще не остывшей женщины с помощью тупого кухонного ножа? Такое себе времяпровождение, если честно.

Отрезать молочные железы. Лоскутами содрать кожу, обнажив мышечные волокна. Благо, в мозгу всплыло "Свертывание крови" — специализированное для таких случаев заклинания, когда ты весь в крови — это несомненно крайне эффективно, но отнюдь не эффективно, как хотелось бы, пальцы скользят по рукояти ножа, да и отмыть потом затруднительно. Соскоблить плоть с реберной клетки. Высовываю язык, он почти в метр длинной, и облизываю желтоватые кости. Экстаз. Вегетарианцы просто понятия не имеют что теряют, хе-хе.

Костян нашел пилу. Только начинающую сдаваться перед пятнами ржавчины ножовку, но все еще достаточно крепкую. Вообще, это можно было бы сделать когтями, через десяток трупов я без напряжения смогу вырывать сердца ничтожных смертных созданий вместе с позвоночными столбами, но тут немного другой ритуал.

Я действительно назвал людей "жалкими смертными созданиями"? Занимательно — смерть меняет...

Распилить грудину. Подцепить пальцами куски ребер. Раздвинуть их в стороны.

Брезгливости и отвращения не было.

Скорее смесь научного и гастрономического интереса.

Легкие, сердечная мышца, почки, печень и ленты кишок.

Пила летит на пол, под ноги флегматично раскачивающемуся из стороны в сторону Костяну.

Достать сердце. Слизкий комочек мяса.

Я поднимаю лапу с ним вверх, к потолку, к небу, скрытому за несколькими этажами, к звездам, к космосу и к Четверке.

— Четыре бога. Три пути. Два шанса. Одна жизнь, — молитва Темным богам, сделавшим меня исчадием Преисподней, срывается с кривящихся в улыбке губ.

Щеки рвутся. Я уже почти привык к этому.

Вытянувшийся язык и чуть выдвинувшиеся вперед челюсти. Главный орган кровоснабжения человеческого организма, заглатывается разом. Не жуя глотаю. Идет с трудом, обдирает нёбо и почти застревает в глотке. Я чувствую, как он скользит по всему моему желудочно-кишечному тракту, в конце которого практически моментально исчезает, растворившись под напором едкого желудочного сока, уподобившегося кислоте. Кстати, есть пара ритуалов, которые перестроят мое тело так, чтобы я мог плевать этой жижей. Или фонтанировать разъедающей даже металл кровью из ладоней.

Сила.

Словно скачок напряжения, на секунду выбивший меня из реальности.

А теперь приступим к десерту.

Остановился на варианте с упырем. А точнее вурдалаком.

Что представляют собой эти твари? Если верить памяти одного из адептов Кровавого Дракса, то официальное описание их вида содержит нечто наподобие этого:

Упырь — низшая разновидность материальной нежити, впрочем, более опасная, чем скелеты и зомби. Еще сильнее измененная смертью оболочка смертного, приобревшая животный разум и склонности к людоедству. Получаются из брошенных в месте сосредоточения Смерти трупов особо закоренелых преступников или же по особенному обработанных некромантами тел. Обычно они выглядят как невысокие и тощие гуманоиды с вытянутыми головами и мощными челюстями, прекрасно подходящими для разгрызания костей, как живых, так и мертвых существ. Лица плоские, волос нет, как и губ. Нос — узкая щель. Клыки — хаотически разбросанный по гноящимся деснам набор от костяных иголок до широких зазубренных ножей.

Когти у них не слишком длинные, но острые и крепкие.

Из-за крайне занимательного строения слюнных желез в области которых у стандартных видов упырей находятся крупнейшие узлы некротической энергии, циркулирующей по их телам, недоеденные трупы могут восстать новыми упырями. Кровь — черная и ядовита. Прямое попадание на открытую рану или слизистую оболочку может вызвать жесткую лихорадку, рвоту, слабость, головокружение и потерю сознания. На когтях — может находиться как любое заболевание (Вирус Хэ в том числе), так и пресловутый трупный яд, подпитанный некроэнергией приобретающей возможность разъедать мясо и в десятки раз ускорять коррозию металлов.

Регенерирует и эволюционирует только при поедании мяса. Быстрые и ловкие.

В большинстве своем обитают по двое-трое глубоко в лесах или на окраинах кладбища, разрывая могилы и питаясь трупами. Возможны нападения на людей, но крайне редко из-за крайне развитого инстинкта самосохранения, смешанного с крысиной хитростью и изворотливостью. Но при рождении вурдалака возможны их набеги на небольшие поселения и слабозащищенные караваны.

Вурдалак — следующая ступень развития упырей. Рождается так же как и упырь, но только при учете наличия гнезда и достаточного количества пищи. Крупнее, умнее и опаснее своих малых собратьев. Есть мышцы, укрепленные кости и сухожилия, шкура способна выдержать удар ножа. Занимают место вожаков упыриных стай после чего начинают усиленно пополнять свои ряды, что учитывая их способ репродукции при наличии постоянного источника свежих тел может в кратчайшие сроки привести к стихийному бедствию локального масштаба.

Так же возможна эволюция упырей в гулей. Если это, конечно же, можно назвать эволюцией.

Гуль — почти то же самое, что и упырь, практически ничем не отличаются за исключением размеров и физических характеристик. Интеллект опустился на непозволительно маленький уровень, проигрывающий даже животным, из-за чего представляют собой лишь рабочую силу, которой для эффективного выполнения поставленных задач нужен постоянный надзор с подробными инструкциями.

Старший Гуль — четырехметровая тварь, отождравшаяся на трупах. Обычно окружена небольшой свитой обычных гулей. Проявляются зачатки магии Смерти, что делает их еще более опасными. Присутствует интеллект, примерно такой же, как и у вурдалаков.

Ночной Охотник — следующая ступень развития вурдалаков. Тощие индивиды похожие на тех, кем были при жизни. Сухая бледная кожа, туго обтягивающая кости. Игообразные клыки, черные когти и красные глаза. Быстрые, ловкие и неумомимые. Интеллект, на уровне четырнадцатилетнего человека. Способны говорить и применять простейшие заклинания.

Ночной Мясник — альтернативный путь развития вурдалаков, размерами со старшего гуля, но с более деформированной внешностью. Искривленный позвоночник, конечности, когти — зазубренные серпы. Пасть — три ряда акульих клыков. Разума почти нет. Часто используют трупы или кости убитых в качестве своеобразных доспехов, буквально вплавливая их в свою плоть, из-за чего растут, как в размерах, так и в характеристиках.

Труповод — тот же Ночной Охотник, но более походящий на человека и имеющий возможность создавать всевозможную нежить.

Трупоед — ультимативное оружие упыриного гнезда или улья, настоящий колдун среднего уровня по возможностям, получающий ману от пожирания мертвечины. Способен на проведение сложных некромантских ритуалов и призыв всевозможных темных сущностей. Бледный, высушенный и с парой кожистых крыльев за плечами. Голова — голая кость без намека на нос, глазницы и рот. Пасть открывается только перед приемом пищи и представляет собой широкий провал, обрамленный загнутыми клыками.

Трупный Змей — цепные псы Трупного Короля. Шестиметровые твари из костей и сгустков плоти, способные разорвать на части все что только встретят на пути.

Трупный Король - вершина упыриного общества. Облик может колебаться, как от абсолютно человеческого, так и до чего-то по-настоящему пугающего. Полноценный разум и мощные магические способности.

Три тела как раз должно хватить на хиленького вурдалака, не в моих силах замахиваться на что-то серьезнее. Да, Костян так же пойдет в дело. Был вариант с поднятием типичных зомби — после пожраного сердца я могу контролировать примерно пятерку таких существ, жаль, что до обидного скоро рост возможностей застопорится и дальше будет продвигаться только спустя недели изучения проклятых книг-артефактов или кровавых вакханалий с числом отнятых жизней, переваливающих за тысячу. Потом, я подумал, что двух упырей со скелетом хватит за глаза для очистки квартир от человеческой плесени, но...

Человеческой плесени?.. нужно будет запомнить.

Вурдалак лучше, по всем показателям.

Это займет около часа.

Боялся ли я, что за это время кто-то неожиданно появится из небытия и оборвет зарождающийся Апокалипсис в зародыше, всадив мне пулю в затылок? Абсолютно нет. Менты у нас бывают только по праздникам, они же приезд кого-то из вышестоящих чинов, а особо я нигде не наследил. Пока что. Бабку сточил чисто. Никакой крови и прочего дерьма, даже дверь за собой закрыл. Единственное, что может насторожить — кучка тряпья на входе, ибо одежда была рассчитана на габаритную тушу из мяса и жира, и просто мешала двигаться голым костям.

А в квартире, которой сейчас нахожусь... я услышу приход незваных гостей.

Чем больше трупов — тем лучше зомби.

Глава 7. Убернагибатор

Шестнадцать с половиной попыток и около трех часов. Я себя переоценил. Определенно переоценил.

Я плевал кровью.

Я блевал кровью.

Я плакал кровью.

Я истекал кровью из большей части потовых желез на лице.

Я был этой чертовой кровью, текущей в жилах моего шедевра.

Я, возможно бы, начал ссать кровью, но так до конца и не разобрался с этим аспектом нового тела — то ли половой член, вылезал из мышечного мешка, сокрытого между тазовыми костями, только в моменты сильного сексуального возбуждения, то ли тварь, в которую я мутировал понятия не имели о том, что неплохо так было бы уединиться на белоснежном троне, перерабатывая все поступающие в нее питательные и не очень материалы без остатка. Хотя тут можно особо не возмущаться — не отсох, уже хорошо.

Выгреб все, что было в холодильнике уже сросшейся в единое целое парочки, через силу затолкав себе в глотку. Привычная еда стала до ужаса пресной, словно мокрый картон жевал. Чуть больше положительных эмоций и хоть какой-то отклик вкусовых рецепторов вызывало найденное мясо, в идеале сырое, и без химической обработки, но по сравнению с человечинной — просто земля и небо. А с высасыванием крови, параллельно с жизнью... меня начинает едва заметно потряхивать едва разум спотыкается о сладостное воспоминание, как я выпил ту бабу досуха. Как одновременная ломка по сигаретам, нормальному перепахону, алкоголю, наркотикам и психотропных веществах. В первые секунды нахождения в одном помещении с абсолютно беззащитными человеками, так одурманившие пахнувшими свежей кровью, я едва не сорвался. Я хотел выжать их до последней капли. Кровь, мясо, кишки и сама концепция жизни, теплящаяся в их хрупких телах. Слишком заманчиво. Но я устоял, с трудом, и четким осознанием, что в перспективе вурдалак — это еще больше крови, больше смертей, больше покрытого трупными пятнами материала и больше шансов на выживание. Таки перевес.

Синтез хлещущего в три окончательно потерявших прежнюю форму трупа потока Смерти, по кусочкам сжирал мой организм, не справляющийся с подобными нагрузками — атом за атомом, клетка за клеткой.

Я старался. Честно старался создать нечто, наиболее приспособленное под работу в городских условиях, ну или по крайней мере, то что я подразумевал под этим определением. Халявные знания пока что были до боли ограничены и в большинстве своем, адепты Кровавого Дракса творили крошечный Ад и Израиль в мирах представляющим собой магический аналог Средневековья. То, что убийственно эффективно в тех местах, в пределах высоток из стекла, металла и стали, к которым я планировал в скорейшем времени перебраться, заметно теряли в смертоубийственных возможностях.

Могло быть лучше, но...

У меня никогда не было сонного паралича. До момента ознакомления с весьма богатой и крайне обширной продукцией мемоделов, я в принципе не подозревал, что такое возможно, как и ночные кошмары с полным эффектом VR-погружения, максимум ванильная порнуха, обрывающаяся на самом интересном моменте из-за невозможности противиться

бессмысленным и беспощадным законам неконтролируемого сна. Я читал и слышал истории про так называемого демона сонного паралича. Видел арты, изображающие его, но одно дело породить адский коктейль большой фантазии и сбивчивой информации из вторых и третьих рук, а совсем другое узреть это воочию.

Да, мой эксперимент выглядел так же, как я раньше представлял тварей, приходящих в ночи, дабы... дабы что? Забрать в эту тьму или же молчаливо наблюдать из нее взглядом голодного зверя, терпеливо дожидаящегося наиболее удачного момента?

Если Костян, да его тоже будут звать Костяном, соизволит выпрямиться во весь рост, разгибая дико ссутуленную спину, то будет где-то сантиметров сто семьдесят-сто семьдесят пять, максимум.

Тощий, веревки сухих мышц, перекатывающиеся под серой шероховатой шкурой, почти не скрывают явственно проступающие кости. Чуть вытянутая назад черепная коробка, не так, как у стереотипных инопланетян с Рен-ТВ, но заметно иной формы, нежели стандартная человеческая каска из костяных пластин, закрывающая мозг от внешних посягательств на его целостность. Плоское лицо, с выдвинутой вперед мощной нижней челюстью, губы исчезли, с большей частью щек и ушными раковинами — вся нижняя часть его морды это сплошь покрытое коркой запекшейся крови месиво плоти, оголенной кости и треугольных клыков, сочащихся желтоватой слюной. Волос нет, нос — даже не щель, а гноющийся рубец. Пятнадцать сантиметров щербато скалящихся на свету когтей. Спина, загривок и плечевые суставы покрыты острыми костяными обломками, оставшимися с первой версии Костяна, плавно переходящие в зазубренные лезвия вдоль всей длины предплечий. На макушке — своеобразный ирокез из костей двух женских кистей, сложенных в отвратительной пародии на молитвенный жест.

Я был странным ребенком.

Он был умнее скелета. На несколько порядков. Уровень бродячей собаки, привыкшей выживать там, где выжить казалось бы попросту невозможно. Он верен мне. Бесстрашен. Опасен. Жесток. И голоден.

Автономная машина переработки всего и вся, не наделенного автоматом Калашникова, в кровотокающий фарш. Сержант моей армии, способный управлять пока что небольшим количеством менее развитых мертвецов. Сержант Костян — неплохо звучит.

Время, мне нужно больше времени и возможности попрактиковаться в обрывочных знаниях Кровавого бога, после чего я превращу тебя в настоящего Рыцаря Смерти, Костяного Дракона или еще какую тварь, от одного упоминания которой будут содрогаться самые доблестные паладины этого мирка...

Паладины? Я конкретно еду крышей.

Но чего-то не хватает в его облике.

Я присел на корточки рядом с моим ручным демоном, преданно смотрящим на меня из положения все тех же кортанов и четверенек. Макнул правую ладонь в лужу крови, растекшуюся по ламинату в процессе работы... Приятная влага. Я вдруг понял, что могу впитывать разлитую кровь каждой частью своего тела. Я возложил свою длань на его лицо. Наверное, нужно было сказать, что-то безмерно пафосное, но мой первый удачный эксперимент получил свою метку, отделяющую его от всех последующих, а остальное уже не важно.

Немного Смерти и этот багровый отпечаток останется на его теле навсегда.

— Кажется пора убивать, мой не дышащий друг.

Глава 8. Батя в здании

Магия Смерти — крайне универсальный инструмент в любом деле, хоть как-то касающемся смертоубийств. Вот вы знали, что металл может умереть? Не заржаветь — это лишь его агонизирующая старость, а именно умереть. Рассыпаться в пыль. Я просто кладезь занимательных фактов.

Я и при жизни не доверял людям, а теперь моя паранойя временами брала верх над всем и вся, виртуозно манипулируя инстинктом самосохранения. Меня нельзя назвать спецом по людским душам и мыслям, но кое-что я все же в них понял. Они ненавидят все, что хоть немного отличается от их самих. Нацизм, расизм, гомофобия, ксенофобия — плевать на названия смысл зачастую сводится к простому "Один я Д;Артаньян, а все вокруг пидорасы". Меня так и так поднимут на вилы при первой же встрече, так что придется кинуть ответочку.

Мне все равно какого цвета твоя кожа. Какого ты размера. Какая твоя сексуальная ориентация. **Я НЕНАВИЖУ ВСЕХ.**

Дверь в дом превратилась в наглухо заваренный металлический панцирь. Никто не зайдет и никто не выйдет.

Третий этаж.

Обломанные перила.

Три полустертые шестерки на стене, наслаивающиеся на логотип "Nirvana" и "Вовка пидорас". Ave Maria, мать ее.

Три квартиры.

С ноги выламываю хлипкую дверь, замок в щепки. Костян проделывает нечто подобное с соседней, попросту вырвав дверные петли с частью косяка. Кусок лакированного дерева падает к его ногам. Ссугуленная тень призраком бойни влетает в квартиру. Растопырив пальцы веером я почти бегу по коридору другой. Движения вурдалака не нужно дотошно контролировать — установка получена, а как ее привести в исполнение он догадается сам, в меру своих возможностей. Но кусочком разума все же, словно через плечо, приглядываю за Костяном. Рослый бородатый мужик, один в квартире, бывший кандидат мастера спорта по боксу в тяжелом весе, чья блистательная карьера угасла в самом начале ознаменовавшись травмой колена, наложившейся на смерть матери — по итогу жесткий запой, отказ от спорта и монотонный цикл дом-работа-дом-бухло. Но некоторые навыки невозможно окончательно пропить, по крайней мере с зарплатой грузчика и охранника, точно. Нежить снесло в бок после мощного удара с правой. Масса, помноженная на силу и опыт, мотнули голову вурдалака в сторону. В костяшках и фалангах пальцев боксера застряли осколки клыков. Вот только кровь так же попала на его кожу. Вашу плоть когда-нибудь прожигали до самых, мать его, костей?

Когда в твою хату заваливается неведомый хтонический ужас, как раз после того, как ты в одном полотенце вылез из душа, немного зубов, в кулаке, это далеко не то, на что в первую очередь будешь реагировать. Но кислота... Кожа и мясо пластами слезали с кисти, шипя и пенясь на пыльном полу. Боль шипастым кнутом хлещет по нервным окончаниям, топя в себе впрыск адреналина от внезапности происходящего, страха за свою жизнь и ненависти, что дверь придется чинить. Буквально несколько секунд, два метра чудом не усохших от не самого лучшего образа жизни мышц вперемешку с жирком, не успели переключить

внимание с пульсирующей в такт сердцебиению мучительной боли на вроде как поверженного противника. Такой удар мог вышибить мозги среднестатистического человека, буквально. И Костян далеко не Терминатор, трещина в черепной коробке и деформированная челюсть. Но знаете в чем прелесть большей части мертвых? В рот они ебали эту вашу боль.

Снова коридор. Но уже другие обои и иная мебель. Переключить спектр восприятия. Ко мне уже двигаются два световых пятна. Или три?

Открытие двери, отделяющей прихожую от зала, чья-то волосатая рука на металлической кляксе ручки.

Всего мгновение. Я вижу, как расширяются глаза и зрачки низкорослого кавказца с ПМ-ом во второй руке. Я вижу, как меняют выражение его мимические мышцы. Я вижу, как его мозг отказывается воспринимать сам факт того, что я существую и нахожусь именно здесь и сейчас, а не там, где тысяч шайтаны и прочее из мусульманской религии, особо в подробности не вдавался.

Как лазером. Или циркуляркой. Или бензопилой.

Хотя, последние два варианта были бы более зрелищными. Кровь толчками бьет из обрубка его левой руки. Мясо и кости. Когти — это тема. Мой язык королевской коброй впивается в его кадык, пронзает мышцы шеи и обвязывается вокруг неровных позвонков.

Кровь.

Я вижу прижавшуюся к стене блондинку за его широкой спиной. Младенец на руках. Восьмилетний мальчик, едва слышно всхлипывающий, прижавшись к материнской ноге. Я выпиваю лишь жизнь, вместе с кровью. Обмякшее тело медленно оседает на застеленный цветастым ковром пол.

— П-пожалуйста...

Я втягиваю язык обратно в глотку. Губы измазаны красным.

Вообще, я должен вроде как пощадить их, но... у нас же равноправие или типа того. Да и вообще на все плевать. Мораль, цивилизованность и прочее дерьмо идет в топку. Я — персонаж Великой Четверки. Это они пишут обо мне историю, которая станет нетленным бестселлером в веках, либо же сгинет в небытие. Этот мир — симуляция, очередной кусочек межматериального чего-то, втекающего в ничто, порожденное в извращенном разуме Темных богов. Я слышу, как шелестят страницы в пальцах тех, кто читает обо мне. Я слышу треск Четвертой Стены от таких мыслей. Я слышу, как клацают клавиши под пальцами Автора. Я — Главный Герой или Главный Злодей, плевать кто, но это моя история, а остальные в ней лишь пушечное мясо и побочные персонажи.

Как там говаривал Отец Монстров? Да будет Резня?!

Вокруг меня сгущается тьма. Я даже не пытался поднять тело бородача. Зачем? Смерть от когтей или клыков любой некротической твари лишь увеличивает эффект Кровавого дождя. В первые его дни недавно откинувшиеся людишки могут максимум моргать и обламывать ногти об любую подвернувшуюся поверхность. А вот таких, как этот через час ждет увлекательное путешествие в виде пускающего слюну тронутого некрозом обрубка человека. Брать себе в свиту какого-то жалкого зомби? Он и сам неплохо справится, а меня ждут упыри, обращенные Костяном. Размеры свиты до непозволительного малы, да и для нормального порождения Смерти нужно нормальное работоспособное тело. Одно дело матерый рукопашник, а другое разжиревший... кто это вообще?

Вокруг меня клубится Смерть, воплощенная в виде полупрозрачной, рваной тучи

ночной черноты, стелящейся у моих ног. В жопу изнасилования, как бы странно это не прозвучало. Как-нибудь потом, если окончательно разберусь со своим телом.

Занимательный факт — чем больше человек испытывает страха перед смертью, тем более продуктивно его убийство в энергетическом плане. Боль, ритуальные пытки и прочие измывательства с этим аспектом человеческого организма идут немного в другой опере. Наиболее ценен именно чистый страх, не приправленный горчащими на языке ощущениями терзаемой плоти. А попытки матери спасти ребенка и невинный страх ребенка...

Я подхожу к ним нарочито-медленно. Костян уже обглаживает лицо боксера. Лоскуты кожи, застрявшие в клыках. Окровавленные кости. Он тупо вспорол шкафу глотку. Сколько бы ты не качался и сколько бы не впахивал в секциях различных единоборств после того, как бритвенно-острый кусок кости уже скрипит о позвоночный столб, а ты захлебываешься собственной кровью, затухающим сознанием еще уже как-то отстранено замечая, как тебя начинают пожирать, вряд ли у тебя есть хоть какие-то шансы на выживание. Даже не перехват контроля, а мысленное указание. Начинаем переходить из разряда РПГ в стратегию, епта.

Не дышащий людоед раскрывает пасть, так широко, как только позволяют жалобно хрустнувшие суставы. Челюсть чутка шатается в разболтанных ударом шарнирах, но живая или мертвая плоть, поглощенная подобными существами укрепляет и совершенствует их. Пара часов — и Костян будет еще лучше, чем раньше, а если дать ему отожраться...

Клыки впиваются в шею здоровяка, зацепив часть грудных мышц и плечевого сустава.

Впрыск.

В отличии от упырей вурдалаки могли контролировать процесс обращения трупов в себе подобных. Напряжение желез, вмонтированных в область сонных артерий и сплетающихся с остатками зубных нервов. Смерть отметила бывшего боксера своим прикосновением. Пара часов или пара дней — сроки процесса превращения всегда расходятся, и новое исчадие заброшенных кладбищ встанет под мои знамена.

Костян вылетает из квартиры в полной боевой готовности. Но из третьей так никто и не появился. Подозрительно.

Я убил этих двоих быстро. Почти безболезненно. Можно даже сказать милосердно. Когти прошли несформировавшуюся природную каску из лобных костей пацана, взболтали мозговое вещество до состояния кровавой кашицы и скрежетнули в области затылка. Тонкие струйки крови прочертившие мгновенно изменившееся лицо. Обмякшие мимические мышцы и потухшие глаза. Труп.

Вынуть когти из его черепа. Блондинка только открывает рот в истошном крике.

Обратное движение.

Ей сносит челюсть вместе с куском гортани. Розоватый слизень языка свешивается в кровоточащем месиве среди зубов верхней челюсти и ошметков покрашенных губ. Веер крови. Я осторожно подхватываю хнычущее нечто, завернутое в пеленки, из омертвевших рук. Пухлые щечки, глаза бусинки, небольшой носик и черные волосики на голове. По моим пальцам стекает кровь его матери и брата. На клыках еще чувствуется вкус отца. Я отличный приемный родитель.

Есть много ритуалов черной магии, практикующих человеческие жертвоприношения. И невинный младенец, не запятнавший себя порочным грехом, один из лучших компонентов подобных ухищрений.

А этот ребенок...

Он ценен еще больше.

Самое первое недавно рожденное дитя, павшее от рук немертвого. Этот мир еще не знал нашествия порождений Смерти и все еще пытается сохранить на своих детях девственную плеву Жизни, разъедаемую Кровавым дождем, барабанящим в мутные окна.

Я осторожно прикладываю палец к губам моего счастливого билета на очередной эксперимент. Он или она смотрит на меня, так доверчиво, так беззащитно и так... предвкушающе?

— И где же твои боги? — я так и не понял зачем задал этот вопрос. Вряд ли в ближайшее столетие на него мне дадут ответ.

Нужно больше тел.

Я приседаю на корточки.

Костян взламывает последнюю на этаже дверь.

Макнуть ладонь в лужу крови. Мне показалось или в зрачках женщины мелькнул какой-то странный отблеск? Включить тепловизор. Она труп. Уже остывает.

Я измазываю лицо шевелящегося комочка в крови. Своеобразная подготовка к ритуалу. Он молчит.

Аккуратно ложу его на пол.

Хватаю за ногу тело отца семейства, подтаскиваю к общей могиле. С взрослыми после выпитой жизни характеристиками сложить трупы в кособокое подобие треугольника не составляет особо труда. Снова подхватить пиздюка, еще одна порция крови и со всей доступной моим лапам предосторожностью возложить его в центр неправильной геометрической фигуры.

Ну кто тут самый умный и находчивый?

Какой же я молодчинка.

Костян доедает левую руку одного из торчков, оккупировавших третье помещение в человеческом муравейнике. Не притон. Скорее сходка по интересам. Один, плотно сидящий на герыче даже не посмотрел в сторону ворвавшегося в квартиру когтисто-клыкастого ужаса, перемазанного кровью. А вот чувак с забористым косяком, застрявшим между зубов, соизволил хоть как-то отреагировать, но достаточно вяло. Что-то среднее между новичком, взявшим дурь просто попробовать, и матерым путешественником между несуществующими реальностями. Тупо не понял — это глюк или все таки глюк.

Вскрытое брюхо. Внутренности вываливаются на пол, а когти Костяна застревают в его ребрах.

Как помер второй я не смотрел.

Выхожу на лестничную площадку.

Хочется курить.

Мысленный приказ вурдалаку по окончанию трапезы не забыть позаимствовать косяк. Понятия не имею, как дурь влияет на нежить, но технически, я еще не окончательно покойник и если как следует пошаманить, то может неплохо так вштырить. У каждого уважающего себя некроманта есть лишь два пути — либо налет безумия, затягивающий разум в шипастую скорлупу, или старое доброе бухло-бабы-блэкджек. Психика человека стандартной модификации тупо не приспособлена без тотальных изменений психоэмоционального портрета погрузиться в круговороты Смерти.

Тусклый свет, пробивающийся через зарешеченное окно.

Чей-то темный силуэт.

Шаги.

Ноги в разношенных берцах. Рваные джинсы. Топор — ошетилившаяся занозами рукоять и тронутое ржавчиной обухо. Лезвие неярко подмигивает в лучах на миг выглянувшего из-за туч солнца.

Я так и не понял, как это сделал.

Между пальцев скапливается Смерть, дабы сорвавшись с выстрелившей вперед руки, впиться в затянутое футболкой со скалящимися черепами брюхо.

Топор выскальзывает из забитых наколками пальцев.

Со звоном падает на холодный бетон. А следом за ним валится и обмякшее тело. Прямое попадание Иглой Смерти... да, это называется Иглой Смерти... застигло человека, пришедшего на звук выбиваемой двери в наиболее неустойчивый момент спуска одной конечности на нижестоящую ступеньку. Он с грохотом скатывается по неровным зубьям лестницы к моим ногам.

Еще жив.

Ноги слабеют в районе суставов. Опираюсь на холодную стену. По вьедшейся в подкорку мозга привычке дышу. Хрипло, надрывно. Разум мутнеет от потока новой информации и еще непривычных нагрузок, о существовании которых до недавнего времени я попросту не задумывался.

Звучит, куда лучше, чем есть на самом деле.

Игла Смерти... крошечный жгутик силы Костлявого, повелителя всего неживого и всего немертвого, разрезающий пространство, дабы впиться в податливую плоть, в пучинах которой каждую секунду происходят сотни удивительных биологических процессов.

Мой взор застилает тьма.

Чудовищно быстрый некроз всех возможных тканей, происходящий не сколько на анатомическом и физиологическом уровне, сколько... в ином спектре. Вырывающее кусок самой души сплетение деструктивной энергии, текущей ровным и непоколебимым потоком.

Игла Смерти... какое занимательно название. Хм... стильно, что ли. Изящно и элегантно, как киллер. Киллер... довольно привлекательный и подтянутый человек в сшитом на заказ деловом костюме. Профессионал. Винтовка, яд или удавка. Почему я об этом думаю?.. Не палач. Палач... палач...

Меня согнуло пополам.

Ассоциативные выверты разума. Когда задумался о чем-то и это что-то неведомым образом всколыхнуло внутри мысли, казалось бы не имеющие ничего общего с изначальной темой.

Отпустило так же быстро, как и...

А что произошло?

Я не почувствовал боли, вообще никакого дискомфорта. Скорее...

Дыхание Кровавого бога на собственном затылке, отдающееся мелкой дрожью в мозжечке.

Я моргнул. Раз. Второй. Словно стряхивая полупрозрачную пленку со зрачков.

Итак, есть два стула. На одном Проклятая Земля, на другом Палач Ужаса. Куда сам сядешь, куда Костяна посадишь?

Я до конца не понял, как работали данные от Дракса. Скорее всего какой-то странный механизм, приходящий в действие, едва мои силы достигают определенного уровня, а мысли краем задевают триггерную тему.

Эта бетонная коробка станет моим замком. Перерезать горло младенцу на крыше, вплавить в стены несколько черепов... и я буду неуязвим в пределах этих нескольких этажей. По крайней мере для большей части колюще-режущего и огнестрельного оружия, что можно легально приобрести в нашей стране гражданскому лицу без криминальных связей. Я точно не уверен, смогу ли именно сейчас пережить контрольный в голову из ПМ-а, что уж говорить об очереди из калаша от рано или поздно подтянувшихся сюда милиционеров. Но если правильно все сделать...

Я стану незримым ужасом в проглоченных тьмой коридорах, лестничных пролетах и забрызганных кровью квартирах. Один из плюсов неживых — в большинстве своем им... нам?.. не нужна пища.

Глава 9. Чупакабор

Тяжесть — это хорошо. Тяжесть — это надежно. Даже если не выстрелит, таким всегда можно дать по голове.

— **Борис Бритва(Борис Хрен-Попадешь)**

Игла Смерти в затылок.

С непривычки слегка перебрал с выбросом некроэнергии. Ему снесло половину черепа, измазав в крови несколько ступеней и часть стены. Завершаем избавление этажа от человеческой грязи. Поднимаемся выше. Чуть приоткрытая дверь из которой, по всей видимости, вышел ныне покойный молодой джентльмен.

Sum 41

Green Day

Offspring

Rise Against

Social Distotion

Misfits

Sex Pistols

Ramones

Плюс, почти полное собрание сочинений Шекли и Желязны. Пацанчик-то был неплохим, по крайней мере в плане предпочтений. Покойся с миром, незаконорожденный воин андеграунда. Даже я при всей своей любви к большей части проявления рок-рубилова и качественной литературы понятия не имел где можно было откопать подобные плакаты и подарочные издания книг.

Занимательное наблюдение, полностью показывающее суть человека. Кроме панковатой личности, зависшей на тонкой грани отделяющей идейного анархиста-неформала от ебучего говнаря, никто не выполз из тесных раковин своих квартир.

Кто-то звонил в мусарню.

Кто-то молился.

Кто-то молча прижался к дверному глазку.

Кто-то спрятался.

Но не вышел проведать что к чему. Ну да, это же не перед соседями или кучкой подростков доминировать по всем показателям, прибавшись к какой-то мелочи. Тут и по ебалу может прилететь.

Люблю эту черту в людях. Они до последнего считают, что пронесет. Типа, а вдруг? Неведомая кара заберет кого-то другого, пожнет всех, кроме их, ведь они — это они, а не остальные. Ибо я — это Я. Со мной в принципе не может произойти чего-то плохого, я лучше, я удачливее и я сильнее. Жалкие мешки крови...

На зачистку всех этажей ушел остаток дня. Мертвецы, по крайней мере я и Костян, неплохо видят в вечернем сумраке, едва-едва разрезаемом неуверенным светом только восшедшей луны. Быстро придрачились, выработав рабочую схему — вурдалак вскрывает дверь, залетает в квартиру и устраивает бойню. Убрал все ограничения на качество получаемой мертвечины и Костян уподобился сломанному комбайну, размазывая кровавые лохмотья по стенам и потолку. Пролитая кровь и миазмы боли делают нас сильнее. Я страховал его, усевшись на холодные ступеньки. Интересно, какая сейчас температура? Тепло или прохлада воздуха несколько терялась на фоне дыхания Смерти, сковавшего мою сердечную мышцу.

Боксер почти обратился. Скинул десяток килограмм веса, но сохранил общие угрожающие габариты. Повезло и тварь, которая из него вылупиться будет немногим отставать от первоначальной версии моего ручного вурдалака.

Я перестал считать на двадцатом трупе. Как же много народа живет в этих бетонных коробках.

Кровь впитывалась в тело Костяна, словно в сухую губку. И я чувствовал, что с каждой темной каплей, в коей смешалась исторгнутая жизнь и зарождающаяся смерть, становлюсь сильнее. Часть силы передавалась мне, наращивая контроль, могущество и возможности. Сухие серые мышечные волокна пластинками пепла налезали друг на друга, облачая почерневшие кости в эластичный панцирь. Смерть текла по венам и нервным окончаниям.

Раньше я думал, что умирать — это страшно.

Я ошибался.

Оказалось, что страшно было жить. Ну или существовать, теперь уже не особо важно.

Костян вгрызается в шею хрипящего пацаненка. Лет пятнадцать, не больше. Он не высасывает кровавый нектар, подобно вампирам. Он циркулярной пилой разрывает его плоть. Кровь брызжет на пол, продавленный диван и красно-желтый ковер, закрывающий часть стены. Номо sapiens судорожно дергается в мертвой во всех смыслах хватке когтей, вошедших между его ребер, снижая шансы на выживание до критических значений.

Хм...

Номо sapiens.

Какая занимательная мысль пришла в мой мозг. Интересно, а мозговое вещество еще хоть как-то воздействует на мое мышление и процесс осознания самого себя? Все же, теоретически на каком-то этапе развития у меня появится не самая маленькая вероятность мутировать в полностью энергетическую сущность, не скованную рамками материальной физики и возможностями телесной оболочки. Сбился.

Технически, я все еще человек. Как и Костян. Но вроде как уже нет.

Я могу считаться новым биологическим видом, до этого не встречаемым в пределах этой версии планеты Земля?

Homo — человек, Sapiens — разумный, если мне не изменяет память. Латынь, однако.

Mors — смерть.

Mortuus — мертвый

Homo Mortuus, а ведь звучит, не правда ли?

Хотя, могут возникнуть проблемы с моей классификацией именно, как биологического существа. Я же по сути колдовской труп. Нет, магия — это наука, пусть и работающая по другим законам Вселенной, но...

Временами меня начинают напрягать такие провалы в хитросплетения философско-научных размышлений. Становлюсь умнее. И да, косяк у торчков нашелся.

Последний этаж.

Сдавленный вопль.

Истошный плач.

Крепкий чувачок, по повадкам то ли вольник, то ли самбист, зажимая окровавленное плечо выбегает из распахнутой пасти квартиры под аккомпонимент отвратительного хлюпающего хруста, ознаменующего сытную трапезу одного хорошо поработавшего вурдалака. Вы знали, что каннибалам не нравятся татуированные люди? От повышенного количества вбитой под кожу краски портится вкус мяса и как его не прожаривай, обязательно на вкусовых сосочках будет оставаться этот мерзкий привкус. Так вот, авторитетно заявляю, что в обществе алчущих свежей плоти мертвецов тотальная демократия и толерантность. Забитую качественными наколками сестру спортсика Костян обгладывал, как и обычного человека. Наверное, тут нужно было вставить шутку про вегетарианство и салат из парализованных "овощей", но... проехали. Все же осталось во мне, что-то от живого, трава жестко бьет в мозг, впрочем, вызывая не "вай, какой каеф, ёбана", а странные мыслишки, слабо связанные с привычными логически-следственными связями, протекающими по частой паутине нейронов.

Человек, отринувший все прелести медленного гниения заживо от бухла и дури, не заметив мою тихо смолящую в полумраке фигуру, рванул вниз. Его шатало и вело в сторону. Привалился к стене, не останавливая переставление плохо отзывающихся нижних конечностей. Обдирает старую мастерку об бетонную стену, оставляя на ней смазанное кровавое пятно.

Игла Смерти?

А зачем? Второй некробоец уже встает из лужи собственной крови, скребя когтями по ламинату.

Я чувствую страх спортсмена.

У меня нет власти над живыми, как над мертвыми. Я не могу видеть его глазами, слышать его ушами и осознавать, то что он чувствует, о чем думает.

Но я знаю.

Его липкий страх, истеричная паника и низменный животный ужас, содравший налет цивилизованности с первобытных инстинктов, наслаивается на эффект марихуаны, вводя меня в странное, полусомнамбулическое состояние всеобъемлющей нирваны. Этот страх оседает на стенах и полу невесомой пылью, дабы незримым ветром быть скомканным в сгусток сырого и склизкого нечто, коее забивается под мою шкуру сотней трупных мух.

Он видит трупы. Расчлененные. Выпотрошенные. Освежеванные. Изуродованные.

Он видит потеки крови.

Он видит выломанные двери.

Обглоданные кости.

Обрывки кожи.

Ошметки мяса вперемешку с лентами потрохов.

И от этого ему еще страшнее.

Если твоя психика не сломана до того состояния, когда тебя вообще невозможно напугать или удивить, то будь ты хоть Рэмбо, помноженный на матерого командос, стоит безусловному рефлексу, директиве номер ноль желания выжить, чуть разжать когти, стиснутые на твоём трепыхающемся разуме, ты будешь в интеллектуально коматозном состоянии. Ступор. Паника. Непонимание. Суматошное мельтешение. Если ты, конечно же, не Чак Норрис. А причем тут Чак Норрис?

Этот парень, не тот, кто Чак Норрис, повидал много дерьма. Годиков двадцать, взрывной характер, бритый под ноль череп, сбитые костяшки и довольно сомнительные связи. Его определенно нельзя было назвать слабым или бесхребетным... бесхребетным, да, нужно вырвать ему позвоночник. А зачем? Чтобы он был хребетным. Что?

Он ковылял к выходу. Спотыкаясь на ступенях, подскальзываясь в лужах крови. Беззвучный плач с абсолютно сухими глазами, вкупе с адским выбросом адреналина сотрясал его плечи. Он вернется. Он отомстит. Чем бы не являлась эта тварь, он вернется. Вернется и убьет ее самым зверским способом, на какой только хватит фантазии. Рукав мастерки потемнел, отяжелел от крови. Рана не глубокая, широкая, поверхностная. Костян рубанул наотмашь, почти не целясь. Пацанчику хватило реакции избежать более плотного знакомства с маникюром живого мертвеца, грозящего кустарной ампутацией верхней конечности. А еще ему хватило везения или дурости время от времени присовывать своей сестре.

Инцест — это дело семейное, епта.

Ребятки-то были из нашего городского детдома. Гиблое место, квинтэссенция большей части мрачных слухов о том, что может твориться в подобных заведениях. И в большинстве своем оттуда выходят психически сломленные или искалеченные личности. Вроде меня. Шутка. Или нет.

Я не знал их имен.

И не знал истории их жизни, но видя мутными зрачками Костяна интерьер квартиры мог поиграть в Шерлока Холмса. Легкие наркотики, заточенные именно на временное изменение психических принципов работы восприятия мира, неплохо так способствуют развитию раковой опухоли большой фантазии, засасывающей с головой в свое распухшее цветастое нутро.

Хилый, нескладный мальчик и такая же девчушка, немногим старше. Озлобленные на весь окружающий мир волчата, которым уже успели пообламывать только проклюнувшиеся клыки.

У него была она.

У нее был он.

Наверное, это романтично, пусть и с извращенной точки зрения. Если честно, я плохо понимал, что в принципе подразумевает под собой понятие "романтика". Они выжили в аду и не превратились в пустые остовы себя прежних. Не сломались, а лишь слегка треснули и в эти мелкие сколы просочилась порча разврата, пустившая корни на возвышенной

привязанности. Они растворялись в объятиях друг друга, силясь хотя бы на жалкие крохи мгновений абстрагироваться от мрачного, жестокого и несправедливого человеческого социума, захлебывающегося гноем собственной неполноценности и сукровицей зарождающейся антиутопии.

У безымянной мадамы в области брюшной полости тускло пульсировала точка еще не рожденного живого существа. Не верьте ублюдкам, выступающим против абортков. В этом сгустке хаотической репликации хромосом не было души, лишь набор питательных веществ, которые загружал в него материнский организм, и сверхновая звезда энергии Жизни еще не оформившейся в полностью функциональный биоробот, бредущий из ничто в никуда. Третья-четвертая неделя беременности, даже живот не увеличился.

У Костяна сорвало чердак. Наглухо.

Чем могущественнее становится низшая нежить тем более она падка на подобные вкусовые извращения. Вампиры смакуют редкие группы крови. Личи наслаждаются соками вырванных из тел душ. А вот старым добрым трупоедам приходится окунаться во все тяжкие куцей ритуалистики, завязанной на голод и вмонтированной в подкорку их иссыхающих мозгов.

Вурдалак не вырвал ей конечности вместе с суставами, чтобы она не убежала. Он же не долбоеб. Нет, конечно, долбоеб, но не настолько, чтобы позволить настолько лакомому кусочку так быстро свалить от его гастрономических наклонностей, истеча кровью. Не рожденное, невинное дитя кровосмешения. Подобное идет далеко не по настолько выгодному курсу, как пиздюк на третьем, но...

Кто я такой, чтобы мешать кому-то нормально пожрать?

Девушка брыкается, извивается под тушей немертвого, захлебываясь ужасом, колотя кулачками по угловатой костяной броне и истекая мочой. Когти почти нежно входят в ее бока, чуть ниже ложных ребер. Стройное подтянутое тело, облаченное лишь в фривольный топик и домашние лосины, выгибается от боли. Серебристая бусинка пирсинга в пупке тускло подмигивает в желтоватом свете ламп. Темные струйки крови измазывают бархатистую загорелую кожу, стекают на бежевую плитку пола.

Пацанрок колотится в заваренную дверь. Что-то бессвязно орет.

Интересно, через сколько сюда подвоят доблестные стражи правопорядка?

Спустя столько мертвецов, павших от лап моего вечноголодного дитя, я способен контролировать несколько десятков подобных ему существ. И согласитесь, это впечатляющая сила. Даже десять вурдалаков или упырей в техногенном будущем, когда уже изобретен огнестрел, но нет лазерной пушки и постоянных колоний на других планетах, это довольно неплохо.

Знаете почему общественность боится террористов из разряда тех, что с восхвалением своих богов подрывают все и вся вокруг? Ну, помимо того, что в большинстве своем огласка их существования в средствах массовой информации тесно завязана на куче трупов и обгорелых остовов зданий?

Цивилизованные люди боятся их.

Боятся не только умереть от их рук, а боятся именно осознания того факта, что кто-то другой может добровольно помереть. И не в окружении обдолбанных афродизиак шлюх, загнувшись от передоза виагры на второй неделе лютейшего секс-марафона, а растворившись на простейшие химические соединения в неукротимом пламени взрыва.

Львиная доля людей из стран первого и второго мира отвыкла от насилия, не

домашнего, ручного, когда ты выбиваешь жене и детям зубы, или когда копы ломают резиновыми дубинками ребра. От настоящего, первобытного насилия. Жестокость ради жестокости. Кровь ради крови.

Они видят его по телевизору, читают о нем книги, играют в игры и видят по новостным каналам. Они представляют его как нечто абстрактное, огороженное лживо-надежной скорлупой привычного быта.

Какое чувство у вас вызывает тот занимательный факт, что в пределах африканского континента с ржавыми, давно списанными со складов развалившегося СССР, автоматами Калашникова по раскаленным пескам бегают мальчики и девочки, возрастом от пяти до пятнадцати лет. И у каждого из них за плечами собственное кладбище. Они не знают цену жизни, ибо родившись в дерьме, ты скорее всего и подохнешь в этом дерьме, так и не глотнув воздуха свободы и справедливости. И они будут убивать дальше. Снова и снова. Раз за разом, покуда уже кто-то другой не нажмет неправильно сросшимся пальцем на спусковой крючок. Затвор выплевывает пустую гильзу. Пуля срывается со своего ложа и ввинчивается в его череп, с корнем вырывая жизнь из тела.

Когда это кто-то рассказывает или показывает, максимум что проскользнет по вашим извилинам — это смешанное чувство осознания тщетности бытия и того, что вы не сказать, что прям уж так хуево живете. Но в большинстве своем... похуй.

Совсем другое дело, когда ЭТО появляется в непосредственной близости от твоей жизни.

Смоделируем гипотетическую ситуацию.

Нью-Йорк.

Москва.

Берлин.

Париж.

Лондон.

Плевать какой город.

И в нем возникает идеально скоординированная группа личностей, которые не боятся смерти. Они могут выцарапать человека из бронежилета и выблевать плохо переваренные остатки его селезенки в пробитую каску. Они могут идти на пулеметы, без страха, без сомнения. И если на них смотрят глаза мелкашки, а не крупнокалиберных огнестрельных аргументов, то им будет как-то поебать на очереди в упор. Разрядить весь рожок в брюхо, и если вурдалак довольно вкачан, то без перекрутки позвоночного столба в костяную пыль, он продолжит убивать. А если его поднял профессиональный некромант, то прямое попадание осколочно-фугасного снаряда лишь умножит количество проблем, разделив одно жаждущее плоти тело на сотни ошметков, истекающих самой тьмой, забивающейся под противогазы и защитные костюмы, разъедая мясо до самых костей.

Внимание, вопрос. Сколько они успеют положить народа?

Он не видит, как за его спиной из полумрака разбитых лампочек, жалко болтающихся под потолком на перекрученных проводах, выползает густая тень. Она шире и выше его. Мощнее, толще. Опаснее.

Два едко-красных окурка зрачков вспыхивают неутолимым голодом, когда когтистые клешни сжимаются на его плотке. Они сдавливают ее с силой гидравлического пресса, сминая кадык, гортань и скрипя шейными позвонками. Обмякшее тело мешком валится на грязный, заплеванный пол.

Он был еще жив, когда нечто, выползшее из первобытного страха человеческого нутра пред неизвестностью мрака, начало обглаживать его лицо.

Парень боролся.

Вся его жизнь была борьбой. За жизнь, за сестру, за деньги, за власть.

Зависнув на грани, отделяющей жизнь от смерти, он продолжал бороться, чувствуя, как кривые клыки сдирают с его щек и скул теплые кусочки кожи. Как кровь стекает по шее. Как высасываются глазные яблоки.

Несколько секунд, растянувшихся до состояния вечности.

Упырь был голоден.

Очень голоден.

Черепная коробка с влажным стуком соприкасается со стеной. Темное пятно на бетоне, слипшиеся от крови волосы.

Парень перестал бороться после третьего удара.

Упырь... допустим Боксер, чем не имя, разворотил кровавое месиво его головы тупыми толстыми когтями — огрубевшими ногтевыми пластинами, сросшимися с лишенными плоти фалангами пальцев.

Кровь.

Кости.

Мясо.

Мозг.

Глава 10. Типа дохуя умные чувачки

Еще шесть наиболее заслуживающих внимания тела оттащили на второй этаж, спрятав в одной квартире. На плоти каждого покоился клыкастый поцелуй Костяна, заметно подросшего и обзавевшегося еще отчетливее проступающим костяным доспехом.

Все же сошлись на варианте пустить мелкого на собственное развитие. Злобный злодейский замок, конечно, неплохое капиталовложение, но как-то еще рано и город на окраинах точно не пойдет за стратегическую точку на географической карте мироздания.

Как я его... употребил?

Хороший вопрос, очень хороший.

Фишка нежити в том, что в большинстве своем она не чувствует боль и ей не страшны раны, которые среднестатистического человека если и не отправят на свидание с Темными богами, то точно выведут из активных боевых действий, пуская кровавые пузыри в луже грязи.

Я вскрыл себе живот. Собственноручно. Охотничьим ножом, найденным в чьей-то квартире.

Да, я ебанутый.

Черная кровь на полу и предплечьях.

Вы когда-нибудь смотрели в собственные потроха?

С помощью лап Боксера раздвинуть внутренности, образуя небольшую полость.

Обагранный кровью родителей кусочек живой плоти тихо посапывает в паукообразных ладонях Костяна. Я не буду описывать этот процесс в более детальных подробностях. Крошечное тело скрывается в переплетениях моей полуатрофировавшейся начинки. Боксер стягивает лоскуты кожи. Я возлагаю на нее свою длань и выпускаю из пальцев саму Смерть. Минус на минус дает плюс — рана моментально зарубцевалась, оставив уродливый шрам. А я валялся на полу, выгибая суставы и позвоночный столб так, как чисто физически не мог.

Это было не больно, а как-то... странно.

Разум раскололся на две части, одна из которых — это я, дополненная знаниями бога вампиров, а вторая — это взгляд из глаз младенца. Смутные, расплывающиеся от мысленного прикосновения воспоминания о тепле материнской утробе, ослепительном свете, в котором проступают громадные фигуры в белом. Другие существа. Какие-то постройки. Наборы букв, для неокрепшего разума не имеющие смысла.

Я буквально заживо переварил тело ребенка, вместе с его сознанием и частью души.

Охуенные выходные.

Красно-синие огни.

Надрывные стоны того самого виу-виу, произвольно вызвавшие активацию въевшегося в подкорку мозга рефлекса свалить куда подальше от источника этого мерзкого звука.

Наряд ППС прикатил ближе к часу ночи.

00:27, если верить часам одного из покойников.

Три человека в форме с табельными ПМ-ами и АКС-74У, более известными, как "укороты", на выкрашенной в серо-синие тона "девятке". Ровные белые надписи "ПОЛИЦИЯ" и работающая мигалка на крыше.

Подкатили к моей кровавой бане вместе с каретой неотложки. Бородатый водила и

несколько не менее мрачных чуваков в салоне, уже морально подготовившихся соскребать чьи-то трупы с потолка. Работа фельдшером на скорой помощи быстро выбивает из тебя все идеалистическое дерьмо о помощи ближнему своему. Только цинизм, абсолютный похуизм, черный юмор и бесконечная боль в глазах. Иного варианта, когда ты впахиваешь в ночную смену, мотаясь по городу, дабы спасти торчков от передоза, алкашню от белочки, быдлобосоту от поножовщины или пищевых отравлений, а сморщенных бабулек с недостатком внимания от скучных серых будней, предоставив им возможность во всех позах предоставленных расширенным изданием Камасутры сношать ваш мозг несуществующими симптомами несуществующих заболеваний, не дано.

Бытует распространенной заблуждение, что наша система правоохранения работает по принципу "вот убьют вас, тогда и звоните". Частично оно так и есть, но будем честными, накладки и прочее производственное дерьмо происходит в любом механизме. До утопического идеала нам еще слишком далеко.

Так вот, когда телефоны разрываются от истеричных звонков, а из трубок куча людей в один голос орет о том, что тут начался чуть ли не локальный Вьетнам... такое трудно проигнорировать. Возможно, но не выгодно. Если разгорится скандал, тщательно поддерживаемый СМИ, или узнают вышестоящие личности — головы полетят вместе с погонами. Нет, если в этом замешан кто-то серьезный, дело по-любому замнут, не предавая всеобщей огласке, но кто об этом распространяется среди рядового состава?

Вот именно.

Я не доверял полиции/милиции. Вы знали, что если у вас есть бабки и выходы на нужных людей, то ее можно буквально купить? Не затертое кинематографом "дать на лапу", дабы свернуть неудобное дело или закрыть глаза на лишние детали. А вот, прямо взять и купить их услуги, переплюнувшие стандартных коллекторов-костоломов. У некоторых даже четкие расценки на это дерьмо есть. Пробиваешь по базам данных человека и все, ты в курсе о его адресе, текущем местоположении, где учился, где работает, с кем спит и на что дронит. Грубо говоря, заваливаешься к нему на хату и ломаешь ему к хуям ноги. Или руки. Или пальцы. Или делаешь сквозную вентиляцию в черепе, в зависимости от цены, подстраивая все, как несчастный случай. И что ты сделаешь в ответ? Вломишь ему? Поздравляю, это нападение на сотрудника полиции при исполнении, подготовьте свое ебало к подошве тяжелого сапога и проследуйте в места не столь отдаленные, где прикормленные вертухаи или ручные зэки объяснят тебе где ты не прав. И объяснение варьируется от раздробленных ребер и посторонним предметом в прямой кишке, до заточки в почку или бесславной гибели от недостатка кислорода мордой в параше. Или подсалят в камеру со спидозным туберкулезником. Или в пресс-хату, где в темпе вальса пойдешь по кругу. Или повесят пару глухарей, выполнив план по преступлениям и лишив тебя изрядного куса жизни. Или самоубийство, как откинулся в мир иной небезызвестный Тесак. Вариантов много и все они насквозь гнилые.

Чую черепушкой, нужно валить от центров цивилизации.

Нет, если я завалюсь в ту же Москву, то это будет достаточно весело. Но не долго.

Сколько там уже народу наскребется? Меня тупо задавят массой, даже если без оружия попрут.

Я же смотрел первые сезоны "Ходячих мертвецов" и примерно представляю, что там будет. Всеобщий хаос с блэкджеком и зиккуратами из расстрелянных трупов. Но, Кровавый Ливень — это не шаблонный вирус, который обращает при укусе, человек должен умереть,

чтобы восстать чем-то колеблющимся от зомби до Костяного Ужаса. Будет разгул криминала. Убийства, грабеж, мародеры, дезертиры, перестрелки и эпичные погони по всем заветам Голливуда. Но отчаянных парней быстро прижмут к ногтю или они слипнутся в единый массив, который просто так не скovyрнешь с насиженного места. Мертвые будут выползать из могил постепенно, а не единым все сметающим валом, давая людям в полной мере насладиться отчаянием и безысходностью.

Скорее всего, по итогу власть перейдет в руки вояк, просто потому что они куда дисциплинированнее большинства потенциальных группировок и сидят на запасах стволов, сухпайков и спецтехники. А я не настолько крут, чтобы начать жонглировать тяжелыми танками и ракетными установками "земля-земля". Рано или поздно действия людей более или менее скординируются. Будут созданы анклав, сил которых вполне будет хватать для сдерживания некротических тварей. Сквозь боль, пот, кровь и слезы, но хватит. И что-то мне не хочется оказаться рядом с ними без полностью раскрытого могущества Кровавого Дракса.

Нужно валить в Африку.

Почему именно туда?

О, все предельно просто.

Там и до начала апокалипсиса творился полный Ад и Израиль, так что я быстро затеряюсь среди голода и нищеты, наращивая немертвое воинство, дабы по итогу подмять под себя весь Черный континент. А что делать дальше, решим по ходу дела. К слову, если повезет заскочить в Египет, то есть не самая маленькая вероятность заручится поддержкой Тутанхамона, Клеопатры и еще кого-нибудь из древних пирамид. Знаете на что способны мумии возрастом в пару тысяч лет? Песчаные бури, огромные скорпионы и рои саранчи — лишь меньшее из их возможностей.

Четверо побери, это реально самый лучший из всех возможных вариантов.

Слышали что-нибудь о геноциде в Руанде? Кровавых алмазах? Да я же буду там, как рыба в воде.

Ну и немного пояснений, дабы вы поняли всю гениальность моего плана.

1994 год.

Африка. Руанда.

6 апреля — 18 июля.

Несколько месяцев за которые было убито около миллиона человек.

Хуяк, и минус лям homo sapiens-ов. И если мне не изменяет память, то в моем окружении об этом никто даже не заикнулся. Настолько похуй всем было на чернокожего приемника Холокоста. Вам все еще кажется, что этот мир идет правильным путем?

Ну и на тему кровавых алмазов... неа, это не особо крупные рубины, все куда жестче и мрачнее.

Существовало такое государство, известное, как Союз Советских Социалистических Республик.

Один говорили, что лучше него страны уже не будет.

Другие утверждали, что это был какой-то пиздец.

Я в это влезать не буду, ибо родился уже после его развала, самым краем своего жизненного цикла, зацепив хаос девяностых и нулевых, и достоверной информацией не обладаю.

Но существует неоспоримый факт, который признают все.

У Советского Союза было оружие.

Много оружия.

Очень много оружия.

Просто, блять, дохуища оружия.

До сих пор склады от него ломаются. И достаточное количество людей прошарило, что страны, вроде как, уже нет, а стволы и патроны, вроде как, есть. Смекаете простую арифметику жизни? А в нищих африканских странах нет ничего, кроме безнадежности, грязи, скрипящего на зубах песка, полутрупов, по ошибке прозванных людьми, и алмазов. Две трети мировой добычи алмазов идет именно из Африки.

А еще есть две группы людей — правительство, которое в данный момент правит бал, и повстанцы, которые хотят отжать место под солнцем. Если выигрывает первая группировка, то на место одних повстанцев рано или поздно приходят другие. Если вторая, то уже она становится тиранами-диктаторами-узурпаторами, ничем особо не отличаясь от своих предшественников, что в свою очередь вызывает образование новых мятежников.

И так до бесконечности.

Там знойный воздух буквально пропитан кровью, болью и смертью. Идеальное место для развития моего потенциала.

И тут возникают контрабандисты, оружейные бароны, торговцы смертью, названий много, а смысл один. Это Африка, в ней нет достаточных производственных мощностей, чтобы производить достаточное количество жрачки для ненасытного бастарда войны. В ней есть только рабы и ебучие алмазы, которые добывают эти самые рабы. Оружейники продают стволы и тем и тем, со стороны наблюдая, как они рвут друг другу глотки, и получая нехилый навар. Торговля оружием испокон веков была довольно рискованной, но чертовски прибыльной профессией.

Солдаты умирают, боезапас исчерпывается, огнестрел приходит в негодность.

И снова предложение от которого невозможно отказаться. Это дерьмо так же бесконечно, как и чехарда измазанной в крови власти, вырванной из холодеющих рук.

Я не умею смотреть в будущее, но скорее всего после первой волны потрясений общая обстановка на мировой политической арене чутка устаканится. Представители власти поседеют от внезапного осознания двух фактов — первый, актуальный всегда и везде, король мертв, да здравствует король! Ну и второй — так ими любимое меряние ядерными хуями исчезает на неопределенный срок, ибо Кровавый Ливень неведомым колдунским способом расщепил структуру боеголовок, отвечающую за масштабный КАБУМ. Радиоактивная зима отменяется. Начинается передел власти именно между образовавшимися фракциями — буржуи, окружившие себя верной гвардией, поехавшие крышей от вседозволенности бандиты, военные и кто-то еще. Убивать друг друга двадцать четыре на семь тупо не выгодно. В дело вступает торговля и я вместе с богатейшими месторождениями драгоценностей в пределах Черного континента, всегда находится тот, кто отваливает за них баснословные бабки. Ну и плюс нефть, если повезет подчинить себе более развитые страны чем деревни голодранцев с калашами. Определенно будут попытки чутка подвинуть меня в гроб, но... тот же Костяной Ужас, именно его взрослая, полноценная, можно даже сказать матерая, версия, может на равных помахаться с пресловутым M1 "Abrams".

Итак, выехать чисто на нежити вряд ли получится. Скорее всего, когда ребятки, пришедшие к штурвалу государств, внезапно обнаружат, что на них клином движется орда кровожадных чупакабр, они быстро свернут свои склоки и выступят единым фронтом. Да,

интриги, предательство, шантаж и подковерные игрища все так же останутся, куда же без них, но осознание того, что ты воюешь не с таким же человеком, как и ты сам, просто родившемся в другой стране, а с порождением сырой и затхлой Тьмы, которое спит и видит как бы вырвать твою сердечную мышцу... это сплочает.

Убить местного царька, поработив его мертвое тело и неотличимой от себя прежнего марионеткой управлять лоскутом собственной земли. Свое маленькое королевство, кто об этом не мечтает?

А дальше...

Это будет весело.

Пэпэсники, подергав двери пришли к неутешительному выводу, что без бригады МЧС тут не разобратся. Окна первых этажей зарешечены параноидальными жильцами, так что тут только вскрывать. И мне очень повезло, что они не имели возможность увидеть потеки крови, сокрытые за куском металла с вырванным домофоном. Боксер был крайне неаккуратен в своей трапезе.

Я чудовищным пауком вылезаю через балкон четвертого этажа, цепляясь когтями за голый бетон.

Пора опробовать свои новоприобретенные способности, не все время же прятаться за спинами приспешников.

Расстояние небольшое. Прошел быстро, практически беззвучно, очутившись на левом фланге негромко переговаривающихся ментов и врачей. Сколько крови на моих руках... и сегодня ее определенно станет больше.

Блять.

Я замер в метре над вытоптанной клумбой.

Вроде как, травка уже отпустила, но я задумался о том, о чем порядочный труп в принципе не мог задуматься.

Что если воскреснет Ленин?

Глава 11. Самая отмороженная ОПГ. Их боялись даже... ну кто-то их точно боялся. Честно-честно

Лучшая тактика в любой драке — это порезать себе руку и, брызжа во все стороны кровью орать, что ты спидозная псина и в рот ебал инстинкт самосохранения. Самое интересное начинается, когда внезапно выясняется, что ты действительно болеешь СПИД-ом.

— Нар Отец Монстров. Избранные изречения.

Спрятался за пустыми мусорными баками.

Боксер и Костян доедают какую-то бабку, давясь жестким морщинистым мясом.

Три мента и столько же врачей. Один водила и двое крепких ребятков, придрочившихся к транспортировке полувменяемых пассажиров в ближайшую больничку с попутными попытками сохранить в их тушках колеблющийся огонек жизни.

Нескольких из них я знал. Не лично, а скорее по паутине слухов, что оплетает каждый отдельно взятый район крупного скопления человеческих особей. Более или менее важных людей, наделенных хотя бы подобием власти, вмонтированной в государственные учреждения, предпочитают знать в лицо. Им при встрече не стоит хамить и вообще в принципе лучше не пересекаться, если ты не вкачал харизму и дипломатию до упора. Трудно быть никем, даже спиздануть, то что думаешь об некоторых уродах нельзя, тупо потому что, как минимум жизнь заметно усложнится.

Власть не меняет людей, не уродует и не извращает. Она показывает их истинные лица, не сокрытые привычными масками. И будем честными, кто бы повел себя как-то иначе на их месте? Можно до бесконечности бить себя в грудь с лозунгами, "Да шобы я и таку хуйню?!" и "Лучшим буду, зуб даю, даже гвоздь не сопру". Но стоит им занять вакантное сытое местечко и...

Вот именно.

Многие, кому повезло истечь литрами пота и крови не в пустую, пробившись на пару ступенек выше в кривой иерархической лестнице, были бы рады примкнуть к утонченной богеме во всем, особенно касаясь отношения к нижестоящим, на которых вроде как относительная цельность цивилизации и держится. Они хотят этого, потешая чувство собственного эго, величия своего "Я", почувствовать то, насколько они лучше всех остальных, насекомыми копошащихся в грязи у их сапогов. Но не могут. Всегда и везде работает правило "найдется рыба по-крупнее", за исключением Четверых, конечно же, могущественнее их не существовало, не существует и не будет существовать никого и ничего, но на то они и боги, чтобы не поддаваться низменным порокам. А людям... людям приходится лицемерить. Вы видели сколько желания убивать, жечь и калечить в зрачках стандартной медсестры, которая вынуждена объяснять раз за разом тупому куску биомассы прописные истины? Снова и снова, с каждым словом все ближе подходи к черте, отделяющей законопослушного гражданина от слетевшего с резьбы маньячеллы. Сколько раз в день у вас возникает внутреннее побуждение ударить другого человека? Но вы, в

большинстве своем, этого не делаете. Неужели из-за морально-нравственной бодяги, которую вам вбили в мозговое вещество с младых лет?

Что-то я в этом не уверен.

Человек неполноценен, в отличии от нежити. В большинстве своем, сколько бы этого не отрицали, но он глуп, ленив, жаден, эгоистичен и вообще долбоеб конкретный. Я был таким же.

Выкорчуют одних пидорасов, которым снесло крышу полное и безграничная владение над бесплатным сортиром, как на их место поставят новых, которые особо ничем не отличаются. И так далее. Потом его место займет действительно ровный тип и его тоже выпхнут нахуй. Просто потому что, а какого хуя он весь из себя такой правильный?

Учись вертеться, как говорится и если тебе подфартит не оттоптать самим фактом своего существования чьи-то ноги, то можешь стабильно гробить свой организм на тяжелой и низкооплачиваемой работе, под громогласные лозунги, что это, вообще-то призвание всей твоей жизни, и пахать ты должен чисто за идею и всеобщее благо, и да, иди как ты нахуй со своей зарплатой, задержим ее на пару месяцев, ебать. Ибо почему бы и да? Что ты нам сделаешь? Уволишься? Да вообще насрать, таких, как грязи.

— Бля, вам тоже нихуя не объяснили? — поинтересовался Мишаня, смоля вторую сигарету.

Рослый, широкоплечий, с одутловатым, мясистым лицом, сломанным ухом и сбитыми костяшками кулаков он меньше всего походил на квалифицированного медицинского работника с многолетним стажем. Скорее стереотипный вышибала в дрянном кабаке из фильмов. Но местная голытьба этого здоровяка боялась и уважительно звала "дядей Мишей", моментально прекращая выебоны при его приближении.

— Дернули хуй знает куда, — сержант Шапкин, сухощавый и с густой щеткой усов под носом, старший в наряде, сплюнул на землю сквозь щель в зубах, — грят, типа беспорядки. Но, зуб даю, пиздят, как дышат. Опять гражданка панику разводит, ска.

Он злобно покосился на разъедающих себе пористую ткань легких никотиновым дымом товарищей по служебной лямке, демонстративно морщась. Второй месяц пытался бросить курить, получалось, откровенно говоря, так себе.

— Было бы че серьезное, ребят из центра прислали, а не нас.

— Нихуясе, а нам обещали пару "конструкторов", — хмыкнул Миша, — типа по кускам даже Палыч из второй хирургии не соберет и их сразу в морг везти. А знаешь у кого там щас смена?

— Да ладно? — сержант ощерился в похабно-насмешливой ухмылке, — Ее еще не уволили?

— Отвечаю, нахуй.

Они заржали в два голоса.

Молодой нескладный парень, гладко выбритый, рыжеватый и веснушчатый, в мешковато сидящей форме, с мешающей при ходьбе кобурой ПМ-а и неуверенно болтающемся на ремне "укоротом", хотел что-то вставить. Открыл рот, демонстрируя неплохо сохранившийся набор из тридцати одного зуба.

Тычок под ребра от второго полицейского и то ли шутка, то ли вопрос, застряли у молодого в глотке, оставив его поползновения без внимания со стороны старших. На голову ниже пацанрока, но раза в два с половиной шире в плечах и объеме брюха. Колоритный мужчина лет тридцати, в которой горячая кавказско-чеченско-дагестнская родословная

мешалась с предприимчивыми выходцами из Азербайджана и Узбекистана. Поняли друг друга без слов, механическим, почти синхронным движением, закрыв рты тлеющими сигаретами. Нечего влезать в разговоры непосредственного начальства. Глубоко затянулись, проходясь сизой горечью по ротовой полости и глотке. Разгоревшиеся точки на кончиках тонких пальцев медленной смерти и раковых клеток выхватили из кое-как разрезаемого светом фар и мигалок полумрака уставшие лица.

Второй фельдшер и водитель, который так же мог похвастаться корочкой окончания учебного медицинского заведения, участия в разговоре не принимали, стоя у распахнутого кузова скоряка, травили бородатые анекдоты, пытаюсь не отрубится после мытарств предыдущей ночи — опять какой-то пиздец случился и выдернули всех, насрав на график работы и здоровый режим сна. Каталка, капельница, набор первой помощи и так по мелочи, с любопытством выглядывающие изнутри колымаги.

— Э, мелкий, — отсмеявшись, вспомнил Шапкин, — давай, намотай круг, посмотри, может подъезд проходной или еще какая херня, я тут не бывал, хер знает, чего понастроили.

Лихо козырнув и щелчком пальцев отправив окурок в ближайшую лужу рядовой оперативник пошел исполнять волю закона и порядка.

— Бля, а у вас в больничке не говорят на тему этого дождя?

— Конечно, нахуй, потом догонят и еще спизданут, — Мишаня достал из смятой пачки третью сижку, — новостей нет, говорят типа ничего страшного, но Палыч отвечает, точняк тут химикаты или еще какая хуйня замешана. Красный дождь, блять, и все отлично, нахуй, сохраняйте спокойствие. В лабе пара врачей предлагали анализ сделать этого всего, но, сука, опять нахуй послали и сказали квырятся в говне депутата.

— Гандон, икры нажрался и с мигалками его по городу возить...

— Бля, это ты его прикатил в прошлый раз?

— Ага, нахуй, лучше бы пристрелил падлу. Облевал весь салон и пидорасом обозвал, что везу, как мешок с говном. Это, блять, че сказать-то хотел. У нас-то пара орлов из самых ебанутых нашлись и на улицу выползли, когда он во всю хлестал. Щас же, типа он уже мелко и местами капает. Ну вышли они и давай жопой в лужу садится.

— Че, серьезно?

— Если бы. Может тогда мозг в "копилке" разбухнет, глядишь, поумнеют.

— Это не так работает.

— Да поебать мне. Короче, они отвечают, что на вкус это, как кровь. И на вид. Да вообще по всему нахуй, как кровь.

— Бля, ебанаты вы, конечно, одобряю. Наши сидят в больничке и мотаются перебежками, чтобы несильно зацепило. Палыч ржет, как не в себя.

— С чего?

— Ну, бля, у него же батя и дед вояками были, прям потомственными. Типа с детства по полосе препятствий мотался, но в армейку не взяли и он, типа, снова на этих полигонах и плацах, смотрит, как молодняк гоняют. Только калашей не хватает и серьезных ебальников. От куста к кусту, ебана.

— Понял. Смешно.

— А я о чем.

Краем уха слушая беседу критического количества высокоинтеллектуальных личностей на квадратный метр нашего Мухосранска, я двинул в сторону пацанчика. Как же это охренительно, когда ты можешь видеть ночью, даже лучше, чем при свете дня. Я смутная

ть в раке, неуловимый призрак...

Человек заходит за угол дома.

Несколько шагов.

И я возникаю за его спиной, выпрямившись во весь рост. На две головы выше и примерно такой же по ширине плеч и телосложению.

Вы знали, что при отсоединении головы от тела, на те жалкие секунды, отделяющие жизнь от смерти, мозг все еще может воспринимать получаемую через органы восприятия мироздания информацию? Глаза моргают, а губы кривятся в тщетной попытке, что-то сказать. О чем они думают в этот момент? О том как много не успел? Как глупо умер? Или вообще ни о чем не думают, впад в ступор от разрывающего устоявшийся шаблон факта, что *Я* смертен?

Моя длань зажимает ему рот.

Он вздрагивает от неожиданного прикосновения, тянется к ПМ-у.

Мне казалось, что было бы неплохо сказать что-то... запоминающееся? Все же это будут последние слова, который услышит человек в этой жизни. Но...

Я просто вскрыл ему когтями глотку. Буквально разорвал шею в клочья от уха до уха.

Его сдавленный булькающий хрип и звук крови, пятнающей собой грязно-серый бетон, теряются в шелесте Кровавого Ливня и привычном акустическом сопровождении размеренной ночной жизни. Здесь недалеко стоит буквально дом, под завязку напичканный трупами, а об этом никто не знает и, даже не задумываясь о возможности существования подобного, продолжает заниматься своими обывательскими делами.

Подхватываю обмякшее тело и осторожно ложу его в мутную лужу.

А неплохо так этих парней упаковывают, все прям по красоте со снарягой.

Достаю из кобуры пистолет Макарова. Вместе с двумя дополнительными обоймами, рассовываю по карманам подранных и заляпанных кровью штанов.

Автомат Калашникова. Самое распространенное и популярное огнестрельное оружие во всем мире. Его укороченная версия в моих измененных Смертью руках кажется пластмассовой игрушкой. После рукотворного ада могильного кургана многоэтажки его хищные очертания и холодная уверенность профессионального убийцы не вызывают во мне ровным счетом ничего. Ни трепета, ни страха, ни раболепия. Это просто инструмент, не больше и не меньше.

Второй рожок кое-как втискивается в карман к пистолетному боезапасу.

Передернуть затвор, досылая патрон в патронник.

Снять с предохранителя, переводя на автоматический огонь.

Вешаю ремень себе на шею, продевая правую лапу.

Кажется, пора убивать.

Среднестатистическому человеку нужно отстрелять не одну сотню патронов, чтобы привыкнуть к стволу и научиться грамотно распоряжаться его возможностями. Но я практически мертв и это дает мне нехилые бонусы. У меня отличный глазомер, не дрожат руки и пули летят именно туда, куда я направил дуло. До отрядов специального назначения, конечно, далеко, но согласитесь, такое куда лучше, чем голожопый повстанец, урвавший где-то вожаденный огнестрел и слабо представляющий принципы работы с ним?

Прорезь целика и полукрест мушки складываются воедино на затылке Шапкина.

Скорострельность АКС-74У 650–700 выстрелов в минуту. Три десятка патронов 5,45x39 с прицельной дальностью в пятьсот метров. Убойная машинка.

Палец, скрипя коготком по металлу, вдавливая спусковой крючок. Стрекот. Медно-желтые гильзы со звоном падают на растрескавшийся асфальт, сверкая отблесками мигалок.

Я выхожу из тени спустя пять выстрелов. Медленно, с тяжелой поступью терминатора из первого фильма.

Пуля вгрызается в бритый затылок усача, опрокидывая его на брюхо, заливая лицо фельдшера кровавым сиропом продырявленной черепахи. Практически в упор, кости и мозговое вещество прошло только так.

Две в голову толстого. С непривычки чутка мажу. Первый кусочек металла, запущенного в кратковременный полет пороховыми газами, входит в его щеку, чуть ниже скулы, разрывает плоть, измочаливает зубы, десна и часть челюсти, выйдя с обратной стороны. Не каждый выстрел в голову смертелен, ставлю Костяна, что этот не зацепил его мозг. Да, он выбыл из боя от дикой боли. Кровь течет по лицу, шее и воротнику. Но первое правило Кровавого Дракса непреклонно гласило "Всегда нужно добивать". Эпичную злодейскую речевку можно толкнуть и труп, да, это не так весело, но куда безопаснее. Вторая ввинчивается на пару сантиметров ниже подбородка, раздробив шейные позвонки, перемешав их со спинным мозгом.

Они только начинают падать. Удивление, непонимание и ужас, проступающие на лицах врачей.

Дяде Мише снесло часть черепной коробки. Второму фельдшеру перепало две пули — одна оторвала кусок нижней челюсти, вторая в кадык. Водила получает два подарка в коленные чашечки, разворотив надколенники, хрящи и суставные капсулы. Он что-то кричит, когда я подхожу ближе.

Этот страх опьяняет.

Я приподнимаю его над землей и впиваюсь клыками в шею.

В окнах соседних домов мелькают силуэты людей, услышавших стрельбу. Я не боялся фото и видеосъемки, как и возможности попасть на пленку ментовского регистратора. Любая техника, если она по начинке проще телескопа "ХАБЛ" начинает жестко сбоить, стоит лишь ей сфокусироваться на мне. Удобно не правда ли? Наполняющая мое тело Смерть, разъедает микросхемы и светодиоды, превращая уродливую фигуру в размытое пятно, не имеющее четких очертаний. Жаль, что это не работает на моих творениях.

Тело бессильно дергается, извивается, рвется. И затихает. Плюс-минус шесть литров крови, всосал несколькими шумными глотками. Труп мешком обескровленного мяса падает к моим ногам.

Собственно говоря, почему бы не войти в этот мир красиво и с музыкой?

Выпускаю остаток магазина в окровавленные трупы, превращая их в решето. Опустевший рожок летит к раскуроченной голове фельдшера. Меняю его на второй. Шмонаю мертвецов на предмет интересностей. Еще два "укорота" с ПМ-ами, плюс куча магазинов.

Неплохо так постреляли.

Даже особо некромантить не пришлось.

Глава 12. Кто ты, воин?

Наверное, более тупого и непродуманного плана я еще не придумывал. Скорее всего, меня просто жестко кроет от спонтанно нахлынувшего осознания собственной крутости. Шутка ли, завалил шесть человек меньше, чем за минуту и теперь шатаюсь по квартирам своего мрачноватого замка со связкой калашей. Да я просто машина, нахуй. Киборг-убийца.

Акция устрашения?

Попытка привлечь внимание?

Моча, ударившая в голову?

Скорее всего все вместе.

— Отделение полиции города... — довольно приятный и неплохо поставленный мужской голос.

— Слушай меня очень внимательно, — перебил я его.

В ментовку звонит до ужаса много всяких малолетних дебилов и великовозрастных паникеров, которым тупо нечего делать и они развлекаются, как могут, посему я сразу начал говорить, как серьезная личность, не опускающаяся до подобного говна. Ровный, спокойный голос с хрипотцой, излучающий доминирование во всем и вся перед собеседником.

Я даже себе крутое погоняло придумал. И название для нашего бандформирования.

Все же нужно сразу показать, что мы нормальные злодеи, а не погулять вышли. К тому же дальнейшие шаги импровизированного плана-капкана уже начинали шевелиться в моем черепе приблизительно с той же интенсивностью, что и недоеденные тела, восстающие низшими зомби.

— Это не шутка и не розыгрыш, поверь сразу. По известному вам адресу недавно был выслан наряд патрульно-постовой службы, вместе с машиной скорой помощи. В данный момент все эти люди мертвы. Одному я перерезал глотку, других расстрелял из автомата в упор, вам уже должны были прийти звонки по поводу выстрелов. Сейчас я и мои люди удерживаем в заложниках жителей многоэтажного дома, больше пятидесяти человек, в том числе инвалиды, женщины, старики и дети. Если вы не выполните наши условия, я буду проламывать им черепа на глазах других. Сначала дети, потом женщины, а потом я вырву сердца мужчин. Дальше мои ребята зайдут в ближайшую школу. Или супермаркет. Или детский сад. Надеюсь, ты уловил общую мысль, смертный?

— Да.

Если мне не изменяют весьма поверхностные знания в принципах действия именно этой части работы правоохранительных органов, то в данный момент они пробивают мое местоположение, сверяют данные и прочее дерьмо. Главная задача человека на другом конце провода — продолжать со мной разговаривать, выигрывая больше времени. И что мне мешает ему подыграть?

— Как к вам обращаться и каковы ваши условия?

Здравый смысл настойчиво советовал не ввязываться в борьбу с государством, которое ворочает многомиллиардными суммами — если возьмутся в серьез, то завалят, быстро, жестко, эффективно. Но предательский голосок Кровавого Дракса одобрял это и взывал к продолжению, ибо только среди собственноручно убитых людей рождается истинный дар некроманта. И эти люди должны быть не жертвенными агнцами, не способными даже на тень сопротивления, а закаленными вояками, которые сами спят и видят, как бы вцепиться в

твоею глотку.

— Меня зовут Мертвый и я лидер группировки "Дети Могил". Условия простые — к захваченному нами дому должны прибыть журналисты и репортеры, желательно крупных новостных каналов, которые в прямом эфире будут транслировать, то что мы передадим через заложника. Наличие при этом полицейских или спецназа нас не волнует, можете пригнать всех, но знайте, что их жизни будут на вашей совести. До скорых встреч.

Глава 13. Спецназер, йоу

Охуеть! Пингвин! Здоровый, сука.

— цитаты великих

Виктор Земин не любил свою работу.

Нет, ему нравилось стрелять в поехавших по фазе мудаков, возомнивших себя вершителями судеб.

Ему нравилось получать круглые суммы и почетные награды из рук высших чинов.

Ему нравилось быть в Системе не на самом последнем месте.

Ему нравилось иметь хорошую иномарку и просторную квартиру.

Ему нравилось чувствовать власть над крепко спаянной командой бойцов, возвевших свое искусство обезвреживания асоциальных элементов в абсолют. И нравилось, что если в его жизни, что-то конкретно так пойдет по пизде, то эти крепкие парни за него точно впрягутся. Боевое братство, епта.

Ему нравилось слышать благодарности спасенных.

Ему нравились полууважительные-полузависливые взгляды.

Ему нравилось быть привлекательным мужчиной в самом расцвете сил на которого пачками вешаются девчонки, особенно узнав кем он работает и сколько нолей в его зарплате.

Временами, ему даже нравилось прибывать на вызовы.

Далеко не на все.

Но тут не было бетонного ада Чеченской. Не было смерти за каждым углом. Не было пуль, свистящих в опасной близости от черепа. Не было остекленевших глаз братьев. Братьев не по крови, но куда ближе, чем родня. Не было пыли, забивающейся в глотку и скрипящей на зубах. Не было крови, не было боли, не было страха.

Был только твой отряд и какой-то долбоеб.

Не больше и не меньше.

Вызовы в большинстве своем подразделяются на плевую работенку и на кромешный пиздецнахуйблять.

Какой-то пацан, у которого даже волосы на яйцах нормально не отросли, с промытыми мозгами — это не угроза.

Да, Земин человек. Простой человек, пусть и закаленный войной и тренировками. Не человек.

Выстрел в голову — и он труп.

Осколок в шее — и он труп.

Удар ножом по артерии — и он труп.

Заражение крови — и он труп.

Если ты боец специального подразделения быстрого реагирования, то это не делает из тебя терминатора. У вышеупомянутого пацана есть таки неплохие шансы убить хоть Чеха, хоть Славика. Если они будут голыми, а у него будет ствол. Но близнецы Чех и Славик, складывающиеся в дуэт "Чехословакия", не придут к нему просто так. На них бронежилеты,

каска, разгрузки и по АС "ВАЛ" в руках. Делаем ставки.

И уровень угрозы для жизни, как-то съезжает в зеленый сектор. Но не равняется нулю. Он никогда не равен нулю, даже на базе, даже дома, даже когда ты жрешь бутерброд с чаем, существует риск покинуть мир живых. Профессиональная деформация.

Земин любил такие задания.

Да, в них была кровь и трупы заложников, если такие находились.

Но ты знал, что никто из твоих парней не пострадает, ты знал, что это просто отмороженный одиночка, в чьих действиях нет смысла и логики, ты знал, что нажав на спусковой крючок и проделав аккуратное пулевое отверстие в черепной коробке человека, приставившего лезвие ножа к плотке восемнадцатилетней девчонки, ты не найдешь дома горки отрезанных голов всех, кто был тебе дорог. Ты знал, что не станешь пешкой в неведомой игре сильных мира сего.

Есть только ты и цель.

Просто. Ясно. Понятно.

Совсем другая ботва начиналась при участии кого-то более скоординированного, чем хаотичные нервные импульсы в чьем-то мозговом веществе, на фоне спермотоксикоза или психических отклонений. С "шестерками" всегда просто.

Секты.

Криминальные группировки.

Террористические организации.

И так далее, и тому подобное. Человеческая грязь, особенно обладающая большими деньгами, может просочиться практически куда угодно.

Их выдернули из центра области, потому что группка каких-то мудаков положила наряд местных мусоров и держит пару десятков человек в заложниках. Некто Мертвый, возглавляющий до этого момента неизвестную группировку "Дети Могил", запись телефонного разговора с ним уже заслушана до дыр. Как таковой инфы по "Детям" не было, скорее всего, одна из недавно созданных ячеек для выполнения грязной работенки. Плавали, знаем. Кто там возьмет вину за кучу трупов на этот раз? Ну или отмороженные фанатики, название, как бы предельно прозрачно намекает.

Чувакам опыта явно не хватало, но они старательно пытались поднять по-больше шумихи вокруг этого дерьма и получалось у них довольно неплохо. Грамотно поставленная информационная бомба за несколько часов посекала осколками критическое количество, как простых гражданских, так и относительно популярных личностей. Скандальные блогеры, идейные журналисты, закрытые и не очень Telegram-каналы, YouTube-щики, раскрученные паблики в VK и куча другой бесполезной ереси, вызывающей у Земина самим фактом своего существования муторное отторжение, в кратчайшие сроки раздули происходящее до уровня кучи трупов и танкового замеса в черте города. Все как всегда.

Дело начинало набирать неприятные обороты, а посему пригнали кого только смогли — местных оперов из РОВД, ОМОН и СОБР, плюс матерый переговорщик и та запрашиваемые Мертвым репортеры, в основном каких-то региональных и мало кому интересных каналов, но прикатила и небольшая пачка из федеральных новостных. По факту им было как-то насрать на заложников, все гнались за очередной сенсацией и громким заголовком, но кого это вообще ебет?

Фургон трясло на выбоинах разбитой в хлам грунтовой узкоколейки, петляющей по редкой вымирающей лесополосе, чередуемой с частными домами и огородами. Размытая

полоса препятствий сельской местности, где грязь, мутные лужи и коровье дерьмо мешались с разросшимися сорняками и несбывшимися мечтами о большом городе, постепенно начинала покрываться чешуйками гравия, которыми были засыпаны наиболее глубокие ямы, переходящей в растрескавшийся асфальт. Мерзкий темно-красный дождь из неведомых осадков или продуктов распада химических веществ где-то в атмосфере, негромко колотил по крыше и тонированным стеклам. В срочном порядке выдернули из лютых ебеней, после недавнего обезвреживания школьного стрелка, которых в последнее время расплодилось, как грязи. Очередной имбецил настрогал несколько пиздюков и забил на них болт, так же, как и на технику безопасности хранения лицензионного гладкоствольного карабина. Подскочили оперативно и так же его скрутили. Только Хмурый подставился, прикрывая своей тушей завуча с выбитыми прикладом зубами, коему слетевшая с резьбы школоты собиралась устроить показательный хэдшот. Казнь, епта. Броник не подкачал, но в упор из такой ружбайки никому не захочется получить и временно минус один, отправившийся в ближайшую больничку.

Приходилось ехать по самой хуевой дороге из всех, что в принципе могла существовать. Благо, тачка была рассчитана на скоростную езду по перепаханным гусеницами танков полям и особых проблем с продвижением не возникало. Но амортизация заметно хромала, размазывая пассажиров по стенкам салона ровным вяло моргающим слоем.

Брифинг проведен.

Сняряга проверена.

Бойцы готовы убивать и калечить, хоть сейчас влетай в здание.

Оцепление вокруг цели уже выставлено.

Стас Приходько, тот самый переговорщик, который должен прибыть плюс-минус одновременно с ними, был нереально крутым мужиком. Зеин, поработав с ним пару раз, преисполнился к сухощавому нескладному человеку со смешными усами и в неизменных серых брюках с клетчатой рубашкой, просто диким уважением. Если начальство не вмешивается в его работу с совершенно неуместным захватом, то он просто творит чудеса манипулирования умами асоциальных элементов. В прошлый раз он вывел из здания трех заложников и несостоявшегося убийцу с чистосердечным.

Светало.

Пацаны в основном молчат. Не первый и вряд ли последний выезд. Волчара и снайпер "Ну че там, я попал?" тихо кемарят в полглаза. Чехословакия снова травит анекдоты про Вовочку. Шизик проверяет ствол. Он, сука, всегда его проверяет, каждую свободную минуту.

Зеин сам не заметил, как отрубился. Оставшаяся далеко в прошлом его служба в срочная армии научила трем незаменимым вещам — как делать бессмысленную работу, не задавая лишних вопросов, как правильно косить от непосредственных обязанностей и как засыпать, где угодно, когда угодно, как угодно и насколько угодно, впитывая измученным муштрой и дедовщиной организмом каждую секунду бездонного сна.

Сознание включилось резко, без сонливой слабости, от тычка под ребра. Лось скрывает затынутое балаклавой лицо за щитком шлема.

— Кэп, приехали.

Дверь с шелестом отъезжает в сторону.

Бойцы высыпаются из чрева фургона.

Все уже сделали по красоте, снайперы на крышах, оцепление, ментовские машины, начальство и группы захвата, к которым причисляли и ребят Зеина. Опера отгоняли зевак и

прохожих, не выпускали из подъезда жильцов соседних домов и кое-как пытались сдерживать натиск журналистов. Виктор не знал, то ли последним так много платят, то ли в журфаке, что-то делают с мозговым веществом, но эти скользкие и любопытствующие личности были буквально из той породы, что "ласточкой" рванет смятое кроваво-металлическое месиво автокатастрофы, лишь бы первыми урвать эксклюзивные кадры и интервью с пострадавшими.

План дома уже откопали, общие входы/выходы оценили. Парадка, с заваренной неведомым образом цельнометаллической плитой, ход через подвал, перегороженный практически такой же по крепости пластиной, и пара окон второго-первого этажа, которые не забраны решетками. По неподтвержденным данным все вышеперечисленное может быть заминировано чем-то колеблющимся от кустарной взрывчатки, детонирующей от малейшего чиха, до стандартных растяжек и противопехотных осколочных мин. Точное количество заложников, как и преступников неизвестно. Электроника сбоит, стоит только подойти к дому, кровавый дождь, то усиливающийся, то практически сходящий на нет, портит видимость через оптические прицелы, размывая общую картинку. По прикидкам снайперов, умудрившихся что-то рассмотреть сквозь зашторенные и замазанными чем-то темным окна, то боевиков около десяти, оружие от колюще-режущего и ударно-дробящего до стандартных калашей и пистолетов. Заложников держат в разных квартирах, предположительно в связанном виде, возможно, под препаратами.

И да, первое что бросалось в глаза, помимо заоблачного количества серьезных и вооруженных ребят из силовых ведомств, так это вскрытый труп, болтающийся над бетонным козырьком, скрывающим закуток с хлипкой грязно-зеленой лавочкой для прогревающихся кости на солнце бабулек и запертой дверью.

Земин привык к мертвецам. Работа обязывает.

Но некоторые из молодых оперов и неопытных акул пера, которым хватило остроты зрения рассмотреть все в деталях, болезненно бледнели. Кто-то блевал в кустах.

Это определено мужчина. Крепкого, можно даже сказать спортивного телосложения. Темный спортивный костюм в белую адидасовскую полоску, серая майка-алкоголичка и разношенные кроссовки "Nike". Парня повесили на цветастой детской скакалке, для пущего эффекта вскрыв брюхо, вывалив потроха, после чего обвязав лентой кишечника шею и импровизированную удавку. Мерно покачивающееся от порывов ветра окровавленное тело. Кисти рук и большая часть черепа практически лишены плоти. Их то ли обглодали до костей, то ли окунули в кислоту или медленно, слой за слоем, срезали кожу и мышечные волокна.

Над его головой уродливым, искривленным нимбом и ангельскими крыльями запекшейся, почерневшей кровью было выведено:

ЗЕМЛЯ МЕРТВЫХ

А чуть ниже, у ног, жидким дерьмом:

ЖИВЫМ ТУТ НЕ МЕСТО

Земину уже не нравились эти ублюдки.

Глава 14. Ах да, переговоры...

Мам, обещаю, я не буду с ним драться. Я просто вырву его позвоночник.

— **Нар Отец Монстров. Избранные изречения**

— За моей спиной, вы можете видеть место, где засела до этого момента неизвестная радикально-террористическая группировка "Дети Могил". Лидер банды, некто по кличке Мертвый, в данный момент удерживает в здании более пятидесяти человек. Ведутся переговоры. Повторяем для тех, кто не смотрел выпуск с самого начала...

Земин не любил журналистов.

И, в большинстве своем, они отвечали ему тем же.

Стегануть бы короткой очередью им под ноги, высекая из асфальта фонтанчики мелкого серого крошева... XXI век определенно запомнится многими хорошими вещами. Компьютерами, техникой, Интернетом и оружием, но, сука, как же бесят эти камеры. Бездонно-черные, неярко поблескивающие равнодушием стороннего наблюдателя, зрачки на плечах репортеров или в тонких прямоугольниках смартфонов, удерживаемых в руках гражданских. Последних пытаются разогнать, но получается откровенно плохо.

Задействовать в этом прибывающих силовиков штабная крыса, как первый оказавшийся в непосредственной близости от места происшествия и имеющая отношение к боевым операциям только в виде пострелушек на экране компа, наотрез отказалась, аргументируя это тем, что еще больше поднимется паники. Ну и подконтрольных людей до непозволительного мало, даже если размазать их тонким слоем по человеческой массе, то вряд ли получится хоть кого-то от чего-то остановить. Слышались крики и угрозы со стороны родственников заложников.

Виктор говорил, что Мертвый основательно подошел к вопросу нагнетания общей обстановки?

Так вот, этот пидорас, конкретно так напрягся и выблевал еще большее количество проблем, чем от него могли ожидать даже самые скептически настроенные аналитики.

Теперь в Интернете гуляло не только обращение хмыря в балаклаве и темных очках, зачитывающего свои требования, но и перекошенные лица людей, которым не повезло жить в этом доме. Десятки роликов, в которых заплаканные и окровавленные, жалкие грязные люди умоляли их спасти... стоит упоминать о том, что Мертвый еще и заставил каждого из них позвонить всем родственникам, друзьям и коллегам, часть из которых и образовывала бушующую толпу? Пока еще не самую большую. На митингах разгоняли и по-больше, но вся фишка заключалась в том, что в последнем случае стоит вчетвером пересчитать ребра какому-то студенту, просто шедшему мимо, как часть из до этого браво настроенных молодцов как-то сама по себе рассасывается, испаряясь в небытие. Фактор страха перед физическим насилием и сроком на жестких нарах быстро усмиряет показушных понторезов-революционеров.

Совсем другое начинается с идейными анархистами-радикалами или кем-то из той же оперы.

Вам когда-нибудь приходилось пытаться остановить человека, который мчится спасать свою одиннадцатилетнюю дочь, отделенную от него строем крепких мужиков со щитами и

дубинками? Это практически фанатик с поясом смертника и блаженной улыбкой на лице. Вот только этот парень не счастлив. Он, сука, полон ненависти и решимости. Его остановит только смерть. Три резиновые пули в брюхе, сломанные очки с выбитыми стеклами и погнутыми дужками болтаются на переносице. Глаза красные от слезоточивого газа. У него сломано несколько пальцев и на всем лице раздувается огромная гематома, намекающая на повреждение костей и сотряс. Но он, блять, идет вперед с неумолимостью Panzerkampfwagen-a, вминающего гусеницами в грязь потроха стайки кроликов.

— Я на крыше, — пшикнуло в наушнике от "Ну че там, я попал?"

— Принял.

Минута.

Две.

Здание в кольце.

Хочется курить.

— Вижу движение.

— Не стрелять.

"Ну че там, я попал?" обладал феноменальной меткостью. Причем, не только из снайперских винтовок средней-дальней-сверхдальней дистанции, но еще и в метание всего. Буквально всего, от ножей, до гвоздей, ложек и прочего хлама, которому не повезло попасться под руку сыну сибирских лесов и бурятских... а в чем живут буряты?

Одно из окон, стекло замазано грязью или копотью, открывается.

Стволы и камеры скрещиваются на худощавой фигуре замотанной в темное тряпье.

Ослепительно-белый на фоне лишённого света нутра квартиры ватман.

ПЕРЕГОВОРЫ

И стрелочка вниз.

До этого неприступная дверь начинает медленно открываться. Фигура террориста исчезает из поля зрения.

— Боевая готовность. Где Приходько?

— На подходе. Цель без оружия.

— Код красный. Не стрелять, это заложник.

— Вас понял.

Если какой-то долболеб или тупая пизда скажут вам, что среднестатистический мужчина не имеет права плакать, показывая свои эмоции, плюньте этой срамной ошибке эволюции в ебло. Худощавый парень, не больше лет двадцати, в рубашке с коротким рукавом и мятых джинсах имел полное право на то, чтобы прямо здесь и сейчас забиться в истеричном припадке. И вряд ли хоть кто-нибудь посмел бы его в этом упрекнуть.

У этого человека не было правой руки.

Грубо замотанная бурой тряпкой культия. Тяжелые капли крови, просачивающиеся сквозь ткань.

Самое страшное в серьезных ранениях — это не боль. Она обжигающе-яркой вспышкой выжигает твоё нутро, заполняет собой все и вся, не давая даже мгновения на то, чтобы осознать происходящее. Просто боль. Не больше и не меньше.

По-настоящему страшно становится, когда она отступает, ты видишь последствия и в твоё мозговое вещество закрадываются мысли о том, что это дерьмо навсегда. Издревле, палачи первым делом отрезали жертвам веки, дабы их слезящиеся глазные яблоки могли во всей красоте запечатлеть кровавую картинку того, что они творят с их плотью заостренным

металлом. Согласитесь, есть ощутимая разница между стильно-брутальным шрамом на лице или торсе и отсутствующей конечностью. Человеческий организм не совершенен и сейчас не эпоха киберпанка, когда высокотехнологичный протез, коий можно поставить на место бесполезного обрубка, идет по цене привокзальных беляшей.

Ты становишься калекой.

Жизнь разделяется на до и после.

Громкие слова и лозунги уже не играют никакой роли, погаснув в осмыслении того, насколько сильно изменилась твоя повседневность. Как изменился ты сам.

Земин вроде как уже должен был к этому привыкнуть.

Его работа подразумевала под собой постоянно видеть смерть.

Видеть боль.

Видеть ужас.

Но... каждый раз, что-то в его нутре мерзко скручивалось при виде подобных картин, отдавая жжением фантомной боли в тонкий белесых рубцах на правой щеке, скуле и подбородке. В тот день он потерял двух лучших друзей и вполне себе мог оказаться среди мертвецов или же пополнить список всеми забытых и никому не нужных "недееспособных" ветеранов, выживающих на копейки пособия и мертвым грузом лежащие на плечах родственников, кому хватило крепости яиц или собственных нервов выхаживать инвалидов.

Прямое попадание в голову.

Крупнокалиберный свинцовый подарочек со свистом рассек воздух и чудовищным шурупом вбурился в голову Резо. Осколки костей его черепной коробки посекали Виктору лицо, заливая глаза и шею кровью. Земин бежал дальше. Просто потому что так надо было. Потому что времени на то, чтобы оплакать человека, с которым шагал в ногу еще на срочке, не было. Был только ты, оружие, которое срослось с твоим телом до уровня бессознательных рефлексов, и враг. Кто-то из вас должен сегодня, сейчас умереть.

А второго...

Некоторые мины детонируют далеко не сразу.

Каждый, сука, раз Земина отбрасывало флешбеком в тот миг. Темно-зеленая нашлапка среди пучков чахлой травы. Канонада выстрелов над головой. Отдаленное эхо взрывов и выворачивающий наизнанку барабанные перепонки рев моторов. Подошва берца соприкасается со смертельным подарком. Леший успевает это понять. Он поворачивается к Виктору, Витьке Прямому, своему лучшему другу, человеку, которого видит в последний раз.

Звуки, как отрезало.

Сухие тонкие губы беззвучно шевелятся.

А потом его разнесло на тысячи крошечных ошметков.

В морду брызнули кровь и куски внутренностей. Дерьмо и лоскуты плоти чавкали под сапогами, смешиваясь с загустевшим грязевым месивом.

Войны романтизируют только долбоебы и те, кому за это платят.

Приходько идет ему на встречу.

Опасно близкая дистанция.

"Ну че там, я попал?" с остальными снайперастами мониторят окна.

Стас не успевает начать диалог.

— Входы не заминированы. Все заложники убиты. Отомстите за них. Умоляю.

Глава 15. Смерть среди теней

— Если ты подойдешь ко мне еще ближе, я высосу твой спинной мозг через глазницы, мразь.

— За проезд... заплатить нужно...

— Я предупреждал.

— Нар Отец Монстров. Избранные изречения

Все по классике.

Светошумовые.

Лось со щитом врывается первым в здание. Чехословакия вертит черепами на триста шестьдесят градусов, выискивая малейшие намеки на враждебное движение. Саперы уже проверили, снайперы оценили, а Приходько понял, что что-то в этой жизни делает не так.

Мин и намеков на взрывчатые вещества, даже уровня включенных газовых горелок, дабы облако незримой смерти заполонило панцири квартир, не было.

Пацана обступили журналисты, вытеснив переговорщика ближе к спинам отряда Земина.

— Он говорил, что дождь... красный дождь, он называл его Кровавый Ливень... он... это дар и проклятие Темных богов. Он говорил, что мертвые восстанут из могил и будут пить кровь живых. Они...

Группка больных ублюдков.

Виктора всегда удивляло это дерьмо.

Пару раз он пересекался с матерыми операми из убойных отделов и его тянуло курить от их охуительных историй.

Краснодар или Красноярск, хуй уже вспомнишь, может вообще, где-то между Сыктывкаром, Камчаткой и Челябинском, не суть. Нашелся один мутный пацанчик, то ли сатанист, то ли какой-то ктулхуист, сколотил банду отморозков и с их помощью порешил, если не изменяет память, человек пять. Причем особо жестоким и извращенным способом. И Виктора всегда мучал один вопрос — как? Как он умудрился это сделать?*

Что он говорил и каким образом, что абсолютно адекватные и нормальные представители социума взяли колюще-режущие предметы и начав с расчлененной кошки, повешенной на перевернутом кресте, начали короткое, но запредельно жестокое турне в старое доброе ультранасилие?

Мертвый, похоже, был из той же оперы.

Если верить освобожденному заложнику и новым роликам в социальных сетях, он оказался очередным предвестником Апокалипсиса, сплотившим вокруг себя небольшую группку отмороженных последователей. Зомби, Кровавый Ливень, Повелитель Смерти какая-то Великая Четверка. Ебанутый, одним словом. И как же жалко, что за такими ебанатами слишком часто идут люди.

Стас был послан нахуй, дословно, как "жалкое смертное ничтожество, которому суждено умереть в ближайшие дни".

При повторной попытке наладить контакт была выпущена "в молоко" очередь из

калаша.

Журналисты брызнули в разные стороны, уходя с потенциальной линии огня напрягшихся силовиков и сектантов-террористов. А Земин в который раз убедился, что либо Приходько конченный на всю голову, либо у него цельнометаллические яйца и на самом деле он чуть подволакивает левую ногу не от шального осколка, зацепившего коленный сустав во времена бурной молодости, а из-за их тяжести. Не меняя позу, интонацию и выражение мимических мышц он продолжил поползновения в сторону мирного разруливания сложившейся ситуации.

Профессионал. С большой буквы.

Первое правило этого парня, за что его и безмерно уважали, по возможности должны выжить все. И заложники, и преступники и самоубийцы, к которым его время от времени вызывали. Кремень, нахуй. Столько лет в этом дерьме варится и все так же сохранил веру в людей и главный догмат по-настоящему утопического общества — "человеческая жизнь бесценна". Точка, блять. Не больше и не меньше.

Отмашка была дана, когда ублюдки швырнули из окна несколько отрубленных голов. Грязные, окровавленные мячики со слипшимися волосами. Подчиняясь приказу Стас был вынужден удалиться на безопасное расстояние. Что бы не говорила о себе психологическая и психиатрическая наука, к сожалению, существуют люди, с которыми невозможно пойти на компромисс. Куда более запущенная версия "есть только два мнения — мое и неправильное", подкрепленная садистическими наклонностями, пятнами ржавчины разъедающими морально-этические установки, если таковые в принципе были, постепенно подводя человека к опасным, как для него самого, так и для всего остального общества, мыслям.

Приказ был дан стрелять на поражение. Если получится, то Мертвого или кого-то из его ближайших помощников, обезвредить и взять живьем... если. Хорошее слово.

Подошвы берцов скользят по лужам крови, свежая и запекшаяся, смешивающиеся с лохмотьями плоти в отвратительнейший суп каннибала. Злоба в зрачках парней. Директива убить всех, кто это устроил моментально вытесняет все и вся из черепных коробок, войдя в симбиоз с безусловными боевыми рефлексам, вцементированными в подкорку каждого вояки.

Убить.

Просто убить этих мразей.

Подобные животные... они не должны осквернять планету Земля самим фактом своего существования.

Багровые брызги на стенах и потолке.

Раздробленные кости.

Куски мышц, кожи и внутренностей, неровным ковром покрывающие лестничную площадку, дверной косяк, куцые перила и неровные блекло-серые ступени.

Когда-то Прямой боялся темноты. Точнее того, что может скрываться в ней, ибо неизвестность пугает самых храбрых, ядовитым щупальцем заползая в сочленения брони их разума, воздействуя на то самое "Что если?" Ты понятия не имеешь что находится в непроглядном мраке и не можешь на это нормально реагировать. Но потом Земин понял, что в этом мире существует не так уж и много существ, которые будут в состоянии причинить ему вред после тесного знакомства с очередью 7,62. Всадить весь рожок, три десятка патронов, в упор и что угодно из живого и способного очутится в средней полосе его страны,

стремительно перейдет из категории "угроза" в "изрешеченное кровавое месиво".

Вообще бояться — это нормально. Только страх, именно страх, завязанный на инстинкте самосохранения, довольно часто помогает оставаться среди живых относительно целыми и идущим одним комплектом куском человечины.

Дальше было много страхов.

Каждый жизненный период накладывает свой отпечаток, отягощая разум мрачными мыслями.

После штурма лежки одного маньяка... эта кровь наслаивается на темные картинки того, что творят с людьми ужасы войны... теперь Земин боялся психов.

Нет, не того, что кто-то из этих асоциальных ублюдков выпустит ему кишки, перегрызет глотку или еще что-то в том же роде. Виктор боялся что рано или поздно может стать таким же. Просто слететь с резьбы, утратив всякую связь с реальностью, и пойти валить всех направо и налево.

Каждое такое дело. Каждый вызов. Каждый вымазанный кровью убийца. Каждый труп.

Это не проходит бесследно. Ты, возможно, не замечаешь, как меняешься внутренне, как сминаются твои идеалы. Но это, сука, происходит.

И вот такое...

Это страшно. Действительно страшно.

— Чисто.

— Чисто.

— Ебать твой рот, — Чеха согнуло пополам.

Он успел открыть шлем и отодвинуть край балаклавы.

Перед заданиями обычно не едят. Тяжесть в желудке, у некоторых изжога, желание пострать в самый неподходящий момент, пищевое отравление и потенциальные осложнения, если ты поймаешь пулю или заточку в область потрохов никого не прельщали. Чех блевал желчью.

Славка уже рядом с братом. Взгляд поверх прицела в глубь квартиры. Чет его тоже заметно замутило.

— Доложите обстановку, — голос "начальства" отрезвляет, хотя бы той же тлеющей подляночной ненавистью одних ведомств к другим.

— Тут трупы. Много трупов.

— В каком виде? — вопрос не по уставу, но, сука, этот парень определенно слышал как приложило Чеха.

— Во всех.

Прямой не стал смотреть туда же. Чехословакии он доверял и они были определенно не теми, кто смог бы проворонить врага, поддавшись эмоциям. Да и свою психику лучше беречь, ну его нахер, что там сделал Мертвый, если это так зацепило матерых бойцов.

Квартиры осмотрены.

Второй этаж.

Снова кровь и содранная с костей плоть.

И да, занимательный факт, Земин не знал, что едва его отряд ворвался в парадную дверь, а вторая группа захвата точечным взрывом вынесла вход в подвал, бледный, плохо сгибающийся, мертвый палец кого-то, лежащего в луже собственной крови на лестничном пролете верхних этажей, нажал одну, одну-единственную кнопку на треснувшем экране года два назад устаревшей модели андроида, заливая в Интернет связку оборонительно-

осколочных гранат нового контента. Вот только теперь на нем был Костян среди изуродованных мертвецов, обгладывающий чью-то руку.

— Вы думали, что я вру? Или, что я безумец? Хуй там плавал, ублюдки, мертвые уже среди вас и я их новый бог. Темный бог Смерти, суки, склонитесь или умрите.

Говорят, что можно подделать любое фото и видео.

Да, CGI и фотошоп в наши времена творит чудеса, а если в этом задействованы настоящие спецы в вопросах грима, постановки, декораций и костюмов, то картинку на экране крайне сложно отличить от жизни.

Но не в этот раз. Здесь, как совершенно не разбирающийся в подобном дерьме любитель, так и профессионал, собаку съевший на монтаже, с чистой совестью скажет, что это нихуя не плод воображения. Человеческая цивилизация тупо не доросла до возможности настолько реалистичного двухмерного показа того, чему еще не дано название во всех науках мира.

Костян стоял у стены, тускло-желтые обои с белесыми цветками лилий.

В нем уже мало чего осталось от человека, скорее только гуманоидные особенности телосложения — две руки, две ноги и одна голова.

Остальное же, после такого количества убийств кардинально изменилось, превратив чуть модифицированного вурдалака базовой комплектации в нечто... в нечто прекрасное в своей уродливой, извращенной, хищной красоте. Некромантия, сила Смерти пропитала каждую клеточку его тела, заменив привычные биологические АТФ, РНК и прочий бред на полноценно автономный синтез некроэнергии.

Буквально серпы когтей. Загнутые, опасно-острые, зазубренные куски костей, способный вскрыть человеческий организм, как выстрел тяжелого дробовика консервную банку. Сползшая с черепа плоть, обнажившая темные провалы глазниц с ослепительно-яркими точками алых зрачков. Иное строение челюстей. Больше животное. Единственная цель этих клыков рвать плоть живых. Он горбится, болезненно-тощий двухметровый монстр, закованный в панцирь из наезжающих друг на друга костяных пластин и кривых шипов.

Идеальная пехотная диверсионно-штурмовая единица.

— Вторая группа, доложите.

— Проход чист. Целей и "двухсотых" нет.

— Принял.

Никого.

Только покойники.

Подъем на третий.

Это начинает пугать.

Слишком большое количество мертвечины в одной точке пространственно-временного континуума.

Стрельба.

Не расчетливые скупые очереди или одиночные выстрелы.

А паническая, безумная и захлебывающаяся стрекотом пальба на весь боезапас.

— Они убили Миху!..

— Блять...

— Что это за хуйня?!

— Стреляй в голову!

— СУКА, НЕТ...

— Вторая группа, доложите!

— Веду бой с против... — шипение рации смешивается с предсмертным хрипом, клокочущим бульканием крови в глотке. Прямой ни с чем не перепутает этот врезающийся в память звук.

— Это засада, блять, это нихуя не люди, ебать!..

— Первая группа, отход, это засада.

— ЧТО ЭТО?!

Выстрелы.

Крики.

Рычание?..

— Сваливаем, пар...

Жалкие доли мгновений, которые занимает среднестатистическое моргание человека. И Славик валится на пол. Автомат гремит от соприкосновения с бетоном. Tактический шлем пробило вместе с затылочными костями черепа, перемешав мозговое вещество в неработоспособную кашу.

Выстрел.

Пистолетная гильза звенит по полу.

Земина мотнуло в сторону. Мелкашка в навороченный бронежилет, это даже не смешно. Больно, но далеко не смертельно.

Чех вдавливая спусковой крючок до упора. Лязг затвора, выплевывающего золотистые цилиндрики. Пули выбивают из стен мелкое крошево. Лось орет что-то невнятное, а Виктор просто пытается понять, что происходит.

Кто-то... или что-то... темный силуэт мелькает в опасной близости. Прямого сломанной куклой отшвыривает в сторону. Удар об закрытую дверь квартиры. Жалобный хруст позвоночника. Приложило черепом об бетон. Металлический привкус во рту. Разноцветные круги перед зрачками.

Щит выпадает из рук Лося.

Громила на слабеющих ногах пятится назад, зажимая ладонями вскрытое горло. Кровь, темная, почти черная, ручьями бьет из-под ткани тактических перчаток, усиленных кевларовыми вставками. Пятка берца нашаривает пустоту вместо привычной надежно-твердой поверхности. Боец заваливается на спину. Кровавый веер тяжелых капель, разбрызгиваемый в полете. Его практически мертвое тело падает на ступени, съезжает вниз, к ногам Волчары, и перестает подавать признаки жизни.

Шизик, обливаясь кровью, придавливает своей тушей Земина к стене.

Просто, как необстрелянных щеглов, всех положили.

— Парни, что там у вас? — голос "Ну че там, я попал?" пробивается сквозь мутную пелену полубессознательного состояния, — Какие-то черти по периметру гражданских режут, я, бля...

Это...

Что это за хуйня, ебать его в рот?!

Существо... это не человек, сука, это определено не человек... поднимает вопящего Чеха над бугристым черепом. И разрывает его нахуй на две неровные половинки. Кровь брызжет на стены. Внутренности покойника чудовищным водопадом падают на эту тварь. Измазывают ее нечестивый лик, покатые плечи, скользят по впалой грудной клетке и оцетинившейся костяными иглами спине, неровным, рубчатым сегментам природной

брони.

Земин говорил, что когда-то боялся того, что может обитать в темноте?

Плевать на психов и съехавшую крышу, вот это по-настоящему страшно.

Прямого вырубил.

Словно щелчком рубильника.

Тьма.

Беспощадная, жестокая и... всепрощающая?..

Где-то в окрестностях Марианской Впадины

Ткань мира, ее погребальный саван и праздничное одеяние одновременно, крайне занимательная штука. Она защитным коконом еще не созревшей личинки, отгораживают нутро отдельной части мироздания от всей остальной плеяды миров, бесконечных и неисчислимых, где обитают мириады смертных и бессмертных, что осознанно или нет, существуют под дланью Великой Четверки. Темных богов, что могущественнее всего разнообразия богов, демонов и духов вместе взятых. Привычное нам мироздание появилось из Хаоса. Хаос вызрел во Тьме, а Тьма являлась детищем Четверых.

Они наблюдают за некоторыми пластами реальности, корректируя происходящие в нем события.

Но в большинстве своем, их внимание сосредоточено на Полигоне, их исконной вотчине, и Чемпионах Четверых. Выдающихся, незаурядных личностях вроде Мертвого, Пророка, Отца Монстров, Кроули и других, с кем вы точно вряд ли захотели бы встретиться лично. Четверо редко вмешиваются в их жизненный путь и в цикл созидания-разрушения миров, где они обитают. Зачем, если на то есть другие боги? Смертные поклоняются им, так пусть они и выполняют то, что от них требуют. А если они этого не делают... то зачем тогда им приносят жертвы и воздают молитвы?

Есть много богов, так же, как и демонов.

Есть Светлые боги, что вроде как должны нести своим последователям доброе, мудрое и вечное. Но далеко не всегда за чистыми и незамутненными лозунгами стоят по-настоящему правильные догматы и идеалы.

Есть Нейтральные, которые просто выполняют свою работу без кровавых вакханалий и без благословенных благодеяний. Ремесленники, путешественники, целители...

А есть Темные. Те, чья специализация варьируется от безобидных краж, до вырезания целых миров.

Но знаете в чем самая интересная фишка?

Большую часть как Добра, так и Зла творят смертные, те же люди, например, без особого вмешательства сущностей высшего порядка.

А иногда поступки этих самых смертных влияют на богов, не сильно, порой даже не заметно, но влияют. Казалось бы, в чем связь между человеком, который вырезал сердца двух миссионеров, собравшихся втянуть его уже в другую секту, и дном Марианской Впадины?* Хороший философский вопрос. И, как на каждый хороший философский вопрос, точного ответа здесь не было.

Простое стечение обстоятельств или нечто большее, произошедшее под едва различимый шелест смеха Четверки, звучащего на самой грани сознания.

Умерла одна глубоководная рыба. Болезненная, уродливая, с вытараченными бельмами глаз и частоколом наезжающих друг на друга иглообразных клыков. Такое случается, и не сказать, что очень редко.

Но в этот раз что-то определенно пошло не так.

Другая рыба, больше, быстрее, сильнее, которой повезло поживиться холодной склизкой плотью своего дальнего родственника, изогнулась под невыносимым для строения своего тела углом. В ее желудке, где расщеплялось на питательные элементы тело недавно живого существа, зародилось нечто.

Нечто, чего еще не видывал этот мир.

Нечто росло, быстро, стремительно. За несколько минут оно высосало все соки из своего чешуйчатого носителя, пожрало его кости, переварило агонизирующую, корчащуюся от боли биомассу. И, наконец, вылупилось из своего яйца.

Демоны вступили в битву за этот мир.

И пускай их эмиссар еще жалок и слаб, он создаст плодородную почву для вторжения легионов одного из Темных миров, который пережует человечество и выплюнет обглоданный, раздробленный постапокалиптический костяк.

Глава 16. Ответ террором на террор

— *Внимание, анекдот!*

— *Пожалуйста... хватит... просто убей меня...*

— *Не, я, конечно, это сделаю, но ты же не дослушал, так вот, появился как-то в Зоне Черный Сталкер...*

— **Нар Отец Монстров. Избранные изречения**

Сознание возвращалось с трудом, обрывками.

Хотелось вернуться в темноту.

В ней не было ничего кроме забытья, промелькнувшего за пару мгновений. Не было боли, не было крови и не было чудовищ, способных буквально разорвать человека на части. Безграничный, бесконечный и непоколебимый покой глубокого сна, лишённого даже намека на хлипкую связь с мирозданием, окружающим закуклившегося в собственном сознании homo sapiens-a.

Первым что увидел Прямой, едва его разум сумел внятно анализировать поступающую через глазные нервы картинку — это лицо Шизика. Уткнувшееся в щиток сползшего шлема мертвое лицо своего друга. Остекленевшие глаза и бледная кожа.

Хотелось курить и разбить костяшки кулаков об холодный бетон стены.

Ярость, гнев и ненависть обезумевшим зверем всколыхнулись в грудной клетке, но лишь затупили клыки об трещины в ребрах и плывущий куда-то вверх взгляд. Болело все что в принципе может болеть.

Обмякшее тело брата по оружию соскальзывает с Прямого. Находит покой на полу, среди загустевшей крови своих друзей. Выжить при попадании пули в голову посреди филиала Ада на Земле и умереть на лестничной площадке задрипанного окраинного городишки. Наверное, это обидно.

И как умереть?

Не от инфаркта, кувалдой влетевшей в одряхлевшее тело, оставив остывающую тушку на попечение щедрой россыпи детей и внуков.

Не в своей постели, среди нагретых простыней и с любимой женщиной под боком, отходя к праотцам в состоянии наиболее приближенном к внутреннему покою и умиротворению.

Да, блять, даже не в жесткой перестрелке всех против всех, спасая корешей, гражданских и раненных. Нихуя подобного, от когтей, мать его, неведомой твари, сука, выползшей из самых мрачных психоделических ночных кошмаров.

На автомате промониторить обстановку, борясь с рвотными позывами.

Никого и ничего кроме мертвецов.

Все как всегда — только ты думаешь, то все отлично и прекрасно, как осознаешь себя посреди тлеющих руин привычной жизни. И как же это БЕСИТ.

Опираясь рукой об стену, принять подобие вертикального положения.

Шатает.

Ноги ватные.

Шизик умер от несовместимых с жизненными функциями повреждений спины. Бронежилет разодрало в клочья, вывалив наружу склизкими внутренностями погнутые и расколотые бронепластины, заляпанные кровью. Осколки ребер, ежом торчащие из перекрученного месива раздробленного позвоночного столба и чудовищным миксером изуродованных внутренностей грудной полости. Сердечная мышца, легкие, плевральная оболочка, часть печени и кусок диафрагмы. Тупо фарш.

Жуткое зрелище.

Стволов нет.

Россыпи гильз звенят под подошвами берцов.

Пистолеты в кобурах ребят и своей есть, но более внушающего уважение калибра нет. Какой-то особо шустрый пидор успел спереть их оружие. И почему-то Прямой усердно гнал от себя предположение, будто тот кто это сделал ко всему прочему еще является тем, кто или что пустило их на гуляш. Такая сила и уровень интеллекта, достаточный для того, чтобы осознать принцип работы и методы применения огнестрельного оружия... представьте, что саблезубый тигр или любая другая животина, которой в Каменном Веке пещерные люди пугали детей, так же пошла по пути развития, а не законсервировалась в своем нынешнем состоянии, аргументируя это тем, что если у меня есть клыки и когти — на кой хуй мне заниматься этими вашими палками-копалками и огнем. И теперь делаем ставки — человек с копьем или быстрый, сильный, смертельно-опасный зверь, тоже с копьем.

Затормозжено функционирующий мозг так и не уловил момент, как в ладони очутился верный ОЦ-33. 18 патронов на 9x19 мм. Раньше эта машинка казалась весомым аргументом в практически любом споре. Но теперь... одно, одно, мать его, существо, появившееся неизвестно как и откуда сумело положить полностью экипированную и годами подготавливаемую обезвреживать самых лютых типов группу захвата. И что-то Земину подсказывало, что его панцирь из жесткого отмершего костного вещества — это нихуя не украшение и мелкашка, способная навывлет дырявить человеческие тела, уже особой роли не играет.

Пятна крови на ступенях, перилах.

Тронутое трупным окоченением тело Лося.

Покойся с миром, брат.

Волчара. Обезглавлен.

Неровный срез, мышцы, кожа. Шейные позвонки, спинной мозг.

Это... может этого всего не существует? Может Земин сейчас просто пускает слюни в обитой войлоком комнате под присмотром психиатра? Это звучит куда логичнее, чем остальные версии происходящего.

— База, это Земин, прием, — Прямой хрипит это уже этажом ниже.

Нужно срочно сваливать и вызывать более серьезных ребят. Хуй с ними, тащите сюда "Альфу" и ебучую мотострелковую роту, эта хуйня не должна уйти отсюда живой.

Молчаливое потрескивание помех.

Переключение частот.

Вторая группа.

ОМОН, другие подразделения СОБР-а, опера, "начальник", Приходько, "Ну че там, с попал?"

Ничего.

Все та же тишина в эфире.

Земин слабо верил в высшие силы. Он больше склонялся к варианту, что если и существует аналог Творца из всех мировых религий, то он, скорее всего, представляет собой нечто, что человеческое сознание тупо не в силах представить и осознать. Но сейчас... сейчас Прямой истово молился в наползающих под крышкой черепа друг на друга мыслях, чтобы неведомое нечто, непонятно зачем создавшее планету и человеческую цивилизацию, вышло из жесткого запоя, в которое ушло сразу же после Каменного Века, наплевав на творящийся среди человекав беспредел, и сложило обстоятельства так, чтобы у террористов, сумевших приручить настоящего, мать его, демона Преисподней, банально была глушилка сигнала, а не...

Что если монстров было несколько?

Пять? Десять?

Вторую группу так же положили мордами в лужи собственной крови, по звукам, издаваемым ими в последние секунды, несколько раз перекрутив через ржавую мясорубку.

Что если эти существа могут размножаться?

Откуда они, блять, появились?

Инопланетяне?

Реально демоны?

Сверхсекретный правительственный эксперимент по выведению биологического оружия?

Случайная ошибка эволюционной лестницы, исторгнутая из лона природы прямо в кровавую баню человеческой цивилизации?

Последние два варианта как-то сами собой сплелись хвостами в единое целое.

Кровавый Ливень, как его назвал Мертвый.

Что если именно это необъяснимое явление и послужило катализатором к появлению на свет когтистого комбайна смерти? Мертвый что-то знает? Украл информацию мировой значимости? Сам создал клыкастых выблядков? Или дождь цвета жидкости, текущей в человеческих артериях, может что-то делать с разумом? "Дети Могил" же появились сразу же после кровоточащих ран на зыбкой туше небосвода. Это работает на и так тронутых людей? Или у Прямого так же есть шансы пополнить братию галлюцинирующих ребят?

Выйти из здания, тщательно анализируя все и вся творящееся в пределах его мироощущения. Тошнота и слабость чуть отступили, время от времени напоминая о себе вспышками боли при резких движениях. Нужен врач. Что если внутреннее кровотечение? Например, селезенка поразительно легко приходит в негодность, после чего начинает сочиться кровью. Медленно, неторопливо. Сам не заметишь, как на ходу уснешь и больше не проснешься, так и оставшись лежать горкой биомассы.

— Бля...

Прямой часто видел трупы.

Порой просто запредельное количество мертвечины в конкретно взятой географической точке.

Но то была война и горячие точки.

То была взбитая сапогами, колесами и гусеницами грязь.

То были воронки от взрывов, обгоревшие остовы домов, канонады выстрелов и спелые гроздя колючей проволоки.

Когда ты в эпицентре созданного человечеством Ада ты грубеешь. Становишься жестче,

как внешне, так и внутренне. Тебя уже мало волнует кровь, боль, ужас и смерть окружающих. Таковы реалии этого места, подобное дерьмо уже в порядке вещей. Но когда ты приезжаешь на гражданку, условия меняются. Больше нет насилия и ненависти в ставшем тебе привычном понимании, есть лишь его жалкое урбанистическое, можно даже сказать, прирученное подобие, с редкими исключениями в виде тех же маньяков и террористов. Тут больше нет тех, кто должен убить тебя, а ты должен убить его. Нет врагов, нет оружия и нет боевой задачи, которую нужно выполнить любой ценой.

Многие не справляются с переменной отдельных частей уравнения. Эхо войны неуспокоенным призраком стоит за плечами, дыша смертью в затылок. Суицид, запой или с головой окунуться в откровенный криминал. Крепкие ребята, привыкшие убивать, наплевав на все морально-нравственные нормы, всегда и везде в цене.

Служба в отряде быстрого реагирования, приучила Прямого не удивляться. Удивление — это слабость, которая может стоять тебе и твоей боевой группе жизнью. Ты впадаешь в кратковременный ступор вместо того, чтобы нажать спусковой крючок, или погружаешься в панику, всаживая весь рожок "в молоко".

Но сейчас...

Словно, кто-то вырвал картинку массовых расстрелов партизанских формирований или карательной акции по устрашению гражданского населения, и вставил ее в плюс-минус привычно-мирные декорации типичного городка.

Трупы.

Дохуя трупов.

Блоггер-некромант — горе в семье

— Добрый вечер, мои маленькие любители извращенств и ультранасилия, с вами, как всегда, дядя Мертвый и его постоянная рубрика, "Как вы все умрете", первый выпуск. Сейчас вы можете видеть видео-нарезку моей нарезки жалких смертных ничтожеств. Уловили каламбур? Труп, труп и... что же это может быть? Конечно, же труп! А вы о чем подумали? Да, эти парни думали, что смогут остановить нового бога Смерти. Самонадеянно. Ну и чтобы вы не считали, что я тут просто так погулять вышел... хуяк нахуй. А, не ожидали? Перед вами типичнейший зомби. Вот прям, как в мультиках, белый хоботок, епта. Ну, а если отбросить юмор и попытки чуть скрасить последние дни вашего жалкого существования — то это одна из первых ступеней некроэволюции. Оно тупое, страшное и разваливается на ходу. Но не всегда, далеко не всегда. Видите ли в чем фишка, оно будет развиваться, как с моей помощью, так и само по себе. Кровавый Ливень все же. И в ближайшем времени, когда улицы ваших городов заполнят такие живчики, вам понадобятся советы от дяди Мертвого, как выжить. Наверное, вы задаетесь вопросом, о прекраснейший и умнейший Мертвый, зачем тебе все это, если ты молодой Темный бог и твоя задача вырезать наш мирок под ноль? Все очень просто — чем дольше вы будете барахтаться, тем сильнее я стану. Видите ли, единомоментная смерть пары миллиардов человеков, быстро поднимет меня на недосягаемый для ваших куцых умишек разум. Но... это скучно и слишком быстро, я предпочитаю растягивать удовольствие, к тому же успею сколотить армейку немертвых и освоиться с новоприобретенными способностями. Да здравствует постапокалипсис!

Итак, вернемся к зомби.

Это не модифицированный, не измененный и ничем не выделяющийся трупешник. Посредственность, как и вы. Вы можете легко убить его хорошим ударом в голову, и под хорошим ударом подразумевается низвести его до атомов, хотя это вам вряд ли поможет. Пока идет Кровавый Ливень, даже самые жалкие и ничтожные немертвые обретают силы, которые вам и не снились. Не сразу, постепенно. В самом начале моего личного зомби-апокалипсиса, как обывателям, так и воякам не составит труда пачками упокаивать этих ребят. Не, а что сложного? Через кровь и укусы эта ересь не передается. Вы сможете стать таким, только умерев. Занимательно, не правда ли? И чем больше они убивают, тем сильнее становятся. И поверьте мне, у них очень много способов развития. Вот, это Боксер. Здоровый, сука. Отожравшийся упырь. Такие уроды очень скоро будут наводить суету возле тюрем и безымянных могил в лесополосе, где вы хороните урок. Упырем может стать любой чувачок, за душой которого скопилось много грешков. Что, уже заволновались? Убийства, изнасилования, каннибализм и так по мелочи. Эти ублюдки куда крепче банальных ходячих, порвут человека на ленточки, что и продемонстрировала моя бригада с парочкой спецназовцев. И да, сейчас тут будет вставка с их расчлененными телами. Я у мамы монтажер! Пока не забыл, так как, это только начало всеобщей резни, могут появляться ревенанты. Для самых маленьких — это озлобленные мертвецы, которые безумно хотят завалить того, кто завалил их при жизни. А потом... хер знает, трупов, так и так, будет достаточно. Что, занервничали? А ведь мы еще не начали говорить о Костяных Ужасах, которые разберут БТР по винтику. И на этом моменте вы должны были резко засуетиться и пойти раскапывать братские могилы. Но хуй там плавал, все

просчитано. Из разрытых могил полезут Неупокоенные, а из печей крематориев Обугленные Души, что, суки, обосрались? А ведь я только начал.

И да, вот вам бонусная часть, я же все таки колдун.

Игла Смерти. Отличная штука, чтобы настрогать пару человечков на питательный, полудиетический салатик. Вы видели, как изрешетило этого чувака? Спецэффекты сосут.

И Плеть Тьмы. Уи-и-и. Расчленил и обезглавил одним ударом. Машина, нахуй.

В следующем ролике я покажу вам вурдалака и расскажу, как ваше самоубийство повлияет на то, кем вы станете среди нежити. До скорых встреч, покойники.

Открыть комментарии~

#80863279

Ебать, тип хуйню, конечно, втирает. Но грим охуенный.

#40731580

И кто-то в это верит?

#790742257

Очередной фрик. Иди на завод, заебал.

#6809642

Бля, я про этого пидораса в новостях смотрел. Ебучий террорист.

#58064268

Зомби, ага, конечно.

Сказочный долбоеб.

#69074225

В дурке день открытых дверей?

#69085226

Во сколько этим придуркам обошелся костюм "упыря"?

— Ты хочешь сказать, что этот шут может представлять угрозу? Для нас? Для всей страны?

— Товарищ полковник, специалисты не нашли следов монтажа и... бойня в городе... она была настоящей, это не постановка, реальные трупы. ОМОН, СОБР, РОВД гражданские. Там десятки "двухсотых". И... журналисты успели туда первыми.

— Насколько серьезно?

— Там... все было в крови. Их просто порвали, даже подготовленных бойцов размазало по стенам и...

— Договаривай.

— Репортеры... они... вообще, они нашли "упырей". Уже мертвых, если можно так

выразиться. И это меньше всего походило на костюм или грим. Они настоящие. Спецы проверили, прямо там. Это не обман, товарищ полковник. Они действительно существуют.

Глава 17. Ультранасилие. Снова. Опять. Я уже заебался

Наташа, брат, ты че женщина?

— Нар Отец Монстров. Избранные изречения

Все получилось удивительно легко.

Я, честно говоря, до последнего думал, что гениальный план разработанный голосами в моей голове, обязательно треснет по швам и я внезапно обнаружу в своем черепе аккуратное входное отверстие размерами в точности повторяющее пистолетную или автоматную пулю. Ну или его просто разнесет в клочья, если найдется, какой-нибудь тип с дробовиком или ружьем, каким-то неведомым образом сумевшим подобраться практически в упор, не оставив ни малейшего шанса на мое выживание.

Вы когда-нибудь задумывались насколько хорошо могут видеть мертвецы?

Риторический вопрос, и ответов на него, если так-то поразмыслить несколько.

Обычные трупы не видят ничего по двум причинам — их зрачки заволочла пелена Смерти и душа, скорее всего, уже давно покинула скафандр гниющего мяса. А вот глаза живых мертвецов... то расчлененное тело, что было повешено перед входом выполняло роль эдакой видеокамеры некромантического пошиба с прямой трансляцией точно мне в мозг. После "вылупления" моей гвардии, преторианцев, первых немертвых бойцов, сопровождающих меня в этом мире, тут же покорно принявших мою власть над собой, вбуриться в правый глаз ничем не примечательной личности не составило особого труда.

Почти высокоточное хирургическое вмешательство. Покорная моим пальцам и мыслям Смерть разъела роговицу и склеру, смешиваясь с хрусталиком и стекловидным телом в единое пульсирующее нечто, способное видеть на километры вдаль. Правда, рентгеновского зрения не получилось, но и это вполне неплохо.

Я остановил сердца двух бомжей, упоровшихся неизвестно где взятым "молоком" до того состояния, что их не привела в себя даже близкая стрельба из калаша. Стоит ли уточнять, что "молоко" — это нихуя не продукт производства флегматичных буренок? Даже не остановил, сковав сердечные мышцы чистой Смертью. Зачем? Они не достойны таких усилий.

Две Иглы Смерти и два бездыханных тела, которые уже поднимаются с сырой земли моими послушными марионетками. Вы знали как сложно похоронить самого себя заживо? Если с выкапыванием неглубокой могилки особых проблем зачастую не возникает, то вот аспект, того, чтобы из грязи не выглядывали твои конечности остается открытым. Заросшие по самые глаза маргинальные личности, обламывая ногти, сноровисто накидали на меня земли, после чего еще немного утоптали. Меньше всего мне хотелось выдать себя перед теми, кто очень скоро откликнется на мою сумасбродную предьяву анархиста-одиночки.

Физически, с моими обновленными характеристиками, в этом нет ничего выходящего за допустимые рамки.

А вот психически...

Я прекрасно ощущаю, как меняется мой разум, подменяя привычные понятия на

более... приемлемые для подобного мне существования. Раньше я относился к людям, как к срамным ошибкам эволюции. Они жалкие, ничтожные, грязные и недоношенные бастарды заживо переваривающего самого себя технического прогресса. И, как бы больно не было это признавать, но я один из них.

Но теперь...

Я выше.

Смерть смыла с меня грехи и нечистоты прошлой жизни. Люди — всего лишь смертные черви, копошащиеся у подошв моих сапог. Я выжгу их норы все сметающим огнем некроза, порчи, чумы и тления. Я создам из гниющих, агонизирующих и захлебывающихся гноем вперемешку с кровью тел своих верных последователей, которые возведут меня на трон Темного бога. И я... густая кровь вновь обагрят серые камни алтарей и сам Костлявый, Смерть во плоти, вознесет меня в пантеон Великой Четверки, на правах младшего бога. Я буду там, среди чемпионов Полигона, один из равных, великий и непобедимый, дух отмщения всех безумных одиночек, отвергнутых и забытых.

Но я пока что слишком слаб.

Предательски ничтожен, почти равен этим омерзительным... **живым**.

Мой разум пал в подобие паники, недостойной величия мертвецов. Ему было тесно, он рвался наружу, к свету звезд и чистому воздуху, так и не успев понять, что это ему уже не нужно. Я видел сквозь толщу почвы. Я видел глазами своих слуг. И Я ВИДЕЛ ГРЯДУЩУЮ БОЙНЮ.

Разрозненные осколки псевдосознания Кровавого Дракса, наращивающие возможности в моем разуме, постепенно вступая с ним в чудовищный симбиоз, выли во мне стаей оголодавших ликантропов. Я пожру души людишек... я вырву их сердца через глазницы!.

Выпускать одного Костяна, прикрываемого лишь Боксером, против толпы вооруженных до зубов смертных было рискованно. Но мой каратель, цепной пес, показал себя на все сто. Эффект неожиданности, замкнутое помещение и полная некомпетентность спецназа в плане разборок с нежитью в сжатые сроки превратили их в свежие заготовки для моих будущих творений.

Упыри справились не в пример хуже. Потерял двоих. Оба глупо подставились, поддавшись зову кровавой жажды, обуявшей их зачатки сознания. Первому снесло половину черепа, после чего два трупа, восставший из мертвых и крепкий парень с десятком загнутых когтей, вошедших в его брюшину и область грудной клетки, валялся на землю, бездыханными грудями мяса. Знаете в чем главная прелесть некромантии? Что по-вашему остановит меня от того, чтобы вновь использовать отслужившее свое тушку, сплавив ее со свежим мясом?

А второй поймал щедрю порцию свинца в грудь сразу из всех стволов, практически в упор. Его просто разворотило на части, превратив в бесполезный набор лохмотьев мышц и валяющихся в разных местах фрагментов конечностей. Как же мне нравится вид крови...

Мои исчадия вылетают из Геены Огненной, воплотившейся в виде ничем не примечательной многоэтажки. И сразу же врubaются в толпу. Кровавое месиво.словно лазерным миксером прошлись по оплывшему фаршу человеческой толпы. Я видел глазами упырей, ведомых окровавленным Костяном. Я видел непрожеванный крик, застрявший в глотках тех, кто умер в первые же мгновения. Это словно клин танков, конная лавина, таран, цунами, безумие, ересь и нескончаемый круговорот насилия. Головы, руки и ноги разлетаются в разные стороны вместе с цельными людьми, в обмякших кожаных мешках

которых не осталось ни одной целой кости. Кровь.

Вспокоенная стрельба, но разве простой человек может сравниться в реакции с теми, чьи силы на порядок поднимает Кровавый Ливень и множество трупов, лежащих за их плечами? Я уже говорил, что смерть лишь дополняет нас?

Кровь.

КРОВЬ.

Много КРОВИ.

Меня пьянит эта бойня, резня, локальный геноцид.

Я смакую каждое его мгновение.

У упиваюсь им, размазывая его жирными горстями по собственному экстазирующему разуму, застывшему в янтарном стазисе неопишуемого удовольствия, калечащего привычные картины мировосприятия. Оно с корнем вырывает суставы того жалкого, забитого, ничтожного обрубка всего человеческого, что осталось в моей изнывающей от неутолимой ярости душе, дабы скормить их вместе с лоскутами безнравственной аморальности прогрессивного общества безумным псам первобытного неистовства.

Рим пал, центурион, ибо я грязный, окровавленный, изуродованный насилием лик готов и вандалов, что потрясают топорами и отрубленными головами на пылающих руинах былого и недостижимого величия. Нет порядка, нет правды, нет дозволенного и нет запрещенного, есть лишь воля Темных богов и я проводник их сил в этом мирке. Я король этих земель. Я владыка жизни и смерти всего и вся, чему не повезло очутиться в пределах пласта этой реальности.

Мертвецы.

Теперь здесь нет ничего и никого кроме мертвых. Их безразличные лица бледными пятнами врезаются в поле зрения моих пирующих приспешников. Они обглаживают руки. Испивают кровь. Глодают ленты и мешочки потрохов. Высасывают костный и спинной мозг, вскрывают черепные коробки, дабы полакомиться насквозь пропитанными страхом и ужасом извилинами.

Простые зомби, обвешанные трофейными стволами, выходят из подъезда, ведя новых жертв моих экспериментов над пространственно-временным континуумом и развращенной природой человека разумного. Едва последний из живых пал, как Кровавый Дракс открыл мне новую, даже не страницу, а абзац своих бескрайних, бесконечных познаний. И упыри бросают куски человечины, срываясь на спринт, финальной точкой которого являются соседние дома. Бойня еще не окончена, мать вашу. Это всего лишь разогрев.

Ожившие мертвецы, заламывая руки, подводят трех человек к моему временному месту дислокации.

Жидкий неформал с цветастой челкой и серьгой в виде перевернутого креста, "ровный пацанчик" и... кто это, блять? Сантехник? Электрик? Автомеханик? Хлипкий узкоплечий мужичок с усами щеточкой и в спецовке с начисто стершейся надписью.

Да насрать.

Мой разум словно выплыл из мрака смертного забвения. Смерть — это не преграда и не конец. Это первая ступень пути длиною в вечность. И то, о чем поет моя давно застывшая в груди сердечная мышца, дополняют мои братья по духу. Они допоят то, что я не успел.

Эти... они не одиночки. Они не те, чья жизнь — это борьба. Но... почему бы в очередной раз не убедиться в ущербности homo sapiens-ов, попутно немного подсобив своим далеко идущим планам?

Я вижу глазами своих послушных, безмолвных кукол. Люди перестали вырываться из холодных, плохо сгибающихся тронутых трупным окоченением пальцев, едва увидели... мой шедевр насилия, его квинтэссенцию, доступную мне на этом этапе развития.

От людей пахло... смердело ужасом, диким, паническим, звериным ужасом и слабостью жертвенных агнцев, у которых уже даже в мыслях не было попыток выгрызть себе право на жизнь.

Пора отправиться на встречу звездам.

И я встаю из могилы.

Жуткая, зловещая фигура. И мой лик пугает куда сильнее картин массовой мясорубки.

Мне всегда импонировало Средневековье. Не его романтизация с замками, принцессами и доблестными рыцарями. Нет, мне нравилась его грязь. Жестокость. Алчность и лицемерие. Так почему бы не возродить его в этом городишке, ниспослав на его обитателей мелких феодалов, что огнем и мечом возложили ярмо на тех, кто не смог дать им отпор?

Они мелко дрожат. Плачут, жалобно всхлипывают, покуда я приближаюсь к их неполноценным организмам.

Я возлагаю длань на чело самого первого, зарывая пальцы в густые едко-красные волосы с отросшими корнями. Когти скребут по его черепной коробке, тонкие струйки крови стекают по шее, вместе с его болью и усилившимся страхом.

— Я нарекаю тебя своим вассалом, смертный, — от моего голоса он обоссался, чуть не утонув в коматозном обмороке.

Отпечаток моей ладони серной кислотой въедается в его плоть и лицевые кости черепа, уродливым ожогом, устрашающей татуировкой, вместе с парой базовых установок. Он не сможет причинить мне вред, как явно, косвенно, так и своим бездействием или неучастием. Я не трогал его разум, память, мысли и эмоции, я не настолько искушен в этом. Но... я неплохо знаю людей. Что будет делать вот такой пацанчик, когда в его голове внезапно возникнет возможность создания банальной Иглы Смерти? Всего лишь заклинание Иглы, самое начало некромантии без возможности дальнейшего развития, не больше и не меньше.

Кажется в ближайшее время тут будет очень весело.

А пока...

После еще двух бессознательных тел, я взял послушно протянутый мне смартфон. Была у меня одна занимательная идея, как стать немного более известным в узких кругах широких масс. И мое полунаркотическое состояние с жестким психоделически-радостным приходом от множества практически собственноручно умерщвленных людей, поможет мне с этим.

С детства не любил много разговаривать, но теперь точно получится неплохая речевка.

Где-то в окрестностях Эвереста

8848 метров над уровнем моря. Эверест.

Как много в этом слове, не правда ли?

Сколько альпинистов умерло в попытках покорить самую высокую точку планеты Земля?

Если верить "Википедии", то точно больше нескольких сотен. Гора, украшенная окоченевшими, заметенными снегом трупами. Как же это... романтично.

Альпинистами, не позерами, понторезами и прочими, а настоящими, идейными не становятся. Ими рождаются.

Эта кипящая в крови жажда к новым вершинам. Желание сделать то, чего большей части человечества и не снилось.

И этот голод.

Голод еще большей взятой отметки.

Ты взбираешься на пятьсот метров.

Эйфория собственных возможностей и вместе с ней приходит мысль, почему бы не взобраться выше? Выше. Еще выше!

Это постепенная лесенка к небесам, первая ступень в которой — момент появления на свет, а последняя — это твое обмерзшее, но довольное лицо на верхушке Эвереста. Первенство взято. Теперь можно спокойно умереть, ибо главная цель жизни достигнута.

Хуже всего становится, когда в ограниченном пространстве пересекается больше одного такого человека.

Адская смесь.

И самое веселое, когда они образовали крепко спаянную команду, живущую, дышащую и мыслящую лишь о занесенных шапками снега вершинах непокорных гор.

Их было пятеро.

Все горячие и можно даже сказать помешанные парни. Увлеченные, с горящими азартом глазами.

Плевать из какой страны они пришли.

Плевать какой расы.

Плевать какого телосложения.

Плевать какой ориентации.

Плевать какого вероисповедания.

Пред массивом Гималаев крошечные, ничтожно незначительные фигурки прямоходящих обезьян ровным счетом ничем не отличаются от пустоты. Они почему-то думают, что горы хоть как-то волнует, что на них взобралось это краткоживущее насекомое. Фатальная ошибка.

Холод.

Лютый, неистовый, ярящийся холод, завывающий неукротимым ветром над головами. Он забирается под одежду, лоснящимися змеями мороза вползает в перчатки и сапоги, наждаком обдирает сведенные к минимуму открытые участки кожи.

Снег.

Слишком много снега. Он мешает идти. Мешает дышать, сковывая со всех сторон равнодушной белизной.

Кажется, это была плохая идея.

— Возвращаемся? — так и не было до конца понятно, кто это проорал, пытаюсь перекрыть ветер.

Было всего несколько вариантов дальнейших событий.

Они сдаются. С позором или же по техническому поражению спускаются туда, где чуть меньше шансов умереть. Возможно даже немного погодя они попробуют отыграться.

Либо они идут дальше. И там уже не важно что будет — слава или смерть.

Но...

Произошло то, чего никто попросту не мог ожидать.

Перед ними из снежного месива бурана предстал... ангел.

Глава 18. Оскал могил

*Тупые малолетние дебилы. Когда вы, блять, уже запомните? Есть только один АУФ и это, мать его, "Dreh auf!" **

— Нар Отец Монстров. Избранные изречения

Примечание — *"Dreh auf!" — "We Butter the Bread with Butter"*

Мы засели в заброшенном массиве частных домов.

Хер знает, что привело к тому, что прошлые обитатели этих мест либо скопытились, либо свалили в прекрасное далеко, а землю не разобрали на лоскуты особо шустро-ушные личности.

Да, с теми тремя домами мы покончили ближе к вечеру.

Плюс четыре упыря и разрастающаяся сеть законсервированных зомби. Возможности клепать, что-то способное в автономном режиме поддерживать видимость привычной жизнедеятельности, с имитацией дыхания, разговорной речи и прочими прелестями, отличающими моих мертвецов от среднестатистических смертных, у меня не было. И вообще, нужно сказать Драксу спасибо, что он изначально подкинул мне рецепт Безвольного Зомби, а не например Голодного Мертвеца или еще какую ересь. Да, представьте себе, существует неисчислимое множество видов и подвидов одного и того же образца нежити. Те же зомби... Голодный Мертвец — это по сути довольно слабо контролируемый моей волей упырь, пусть и заточенный в облике только начинающего разлагаться человека. Он куда самостоятельнее Безвольных, которые делают что бы то ни было, лишь после моего прямого мыслеприказания и желательно самому хотя бы частично инспектировать их рабочий процесс. Быстрее, сильнее и соображают вполне неплохо, пусть и в своей плоскости "Сделать все что угодно, но достать еды. Желательно человечины."

Я зародил семя Голодных в трупах, что усеяли землю моей новой вотчины. Это не сложно. Простейшее плетение, что раковой опухолью заражает каждый орган, каждое мышечное волокно и каждую ткань в их организмах. Кровавый Ливень и сгусток некроэнергии, свивший себе гнездо в их черепах и грудных клетках, сделает все за меня. Власти я над ними не получу, по крайней мере едва они восстанут из Чертогов Костлявого. Но... может остаться здесь? Африка подождет, а тут в ближайшее время будет чертовски жарко. Мои рыцари, отнесенные Безвольными в наиболее отдаленные от места моего кровавого торжества точки города, скоро придут в себя. И угадайте, что они будут делать? Я готов поставить Костяна и всех имеющихся упырей, что хотя бы один из них пойдет тропой насилия. Когда у тебя есть способности, выходящие за рамки понимания простыми смертными, и достаточное количество амбиций, сколотить вокруг себя банду отморожков на фоне краха человеческой цивилизации, не составит особого труда. Падкие до наживы головорезы и алчущие плоти отродья некромантии. Это весело. Возможно, нас попробуют сравнять с землей, бросив пару батальонов пушечного мяса, экипированного огнестрелом и бронетехникой. Вот только это уже агония.

Едва трупы начнут восставать во всех странах...

О нас, скорее всего просто забудут, скоординировав все вооруженные силы в первую очередь вокруг правящей верхушки. Не нужно недооценивать внутреннюю и внешнюю

разведку, тем более в информационном вопросе того глобального уровня, когда об этом просто не получится молчать, ибо ТВ, Интернет и газеты будут говорить лишь об этом, забив болт на теперь уже незначительные финансовые кризисы, санкции, торговлю и дипломатические переговоры. Бежать будет тупо некуда. Вы можете себе представить что произойдет, когда из моргов и кладбищ выползут существа, которые если дорвутся до плоти, плевать чьей, могут терроризировать целые города и области? И ведь животные не станут исключением. Что если какой-нибудь зоопарковый мишка или лев, порвав охрану и сородичей, сожрет пару слонов, носорогов или кого там показывают детям? Будет вспышка анархии и местечкового безвластия.

И я воспользуюсь этим по полной.

Это нормально, что я уже начинаю грезить о суровом и беспощадном выживаче? Только представьте себе, разрозненные, грызущиеся друг с другом поселения озлобленных голодных людей на руинах цивилизации. Они прекрасно помнят, что были королями Земли, но теперь... теперь у планеты новый Владыка. Я буду приходить в ночи и забирать их души вместе с жизнями. Меня будут бояться и мне воздавать молитвы, дабы я пощадил их. На этот раз.

Я не знаю почему, но от таких мыслей у меня встал. И не поверите, но это вызвало состояние близкое к панике. За короткое время моих неистовых бесчинств и непотребств, я даже как-то позабыл об этом аспекте своего организма. А сейчас он... оно оттягивает ткань камуфляжных штанов, снятых с чьего-то трупа вместе с берцами.

Расстегнуть ремень.

Охуеть, я, конечно, половой гигант, нахуй.

Костян и упыри послушно отворачивают черепа в разные стороны. Человеческие нормы приличия еще сильны во мне — да, вот такой парадокс мышления, пачками валить людей, это нормально, а светить болтом среди своих по сути ручных хомячков, уже нет.

Бля, дайте линейку.

Нихуя себе.

На прикидку сантиметров двадцать пять, чудовищным удавом выползшие из мышечного мешка, залегшего между моих тазовых костей. И какие двадцать пять — ни одна корейская порнуха с тентаклями до такого не докурилась. Лишенная крайней плоти треугольная головка на пульсирующем бледно-розовом стволе, по бокам которого угнездились небольшие, эдакие ребристости в виде гребня тупых шипов. Сука, чувствуя себя школьником, осторожно прикоснулся подушечкой пальца к одному из них. Мягкий, влажный, упругий и...

Ну нахер, я спрятал свою новоприобретенную игрушку обратно в штаны.

Знаете почему только идейные некроманты становятся личами или чем-то вроде них, а всякие дешманские понторезы обращаются в стереотипных вампиров?

Истинный некрот в первую очередь гонится за властью, знаниями некромантии, величием, славой, ну и дальше по списку. Бессмертие немертвого — для него не финальная цель, по достижению которой можно забить на все и вся, это лишь способ для продолжения дальнейших изыскательств. Вы серьезно думаете, что те, кто может перетирать планеты в порошок, не смогут пришить себе нормальный болт и отправиться во все тяжкие в метамфетаминовом бэд-трипе? Наивно. Зачастую, они добровольно отказываются от прелестей суррогата прежней жизни в пользу могущества и возможностей. Когда ты думаешь именно сознанием, а не бурлящими в крови гормонами и химическими соединениями, то планы выходят куда рациональнее и действеннее. Меньше искушений.

А вампиры... будем честны, среди них существует огромная прослойка тех, кто просто ловит от жизни кайф, получая его от всех возможных способов, начиная BDSM-оргиями и заканчивая мировым господством, потешающим раздутое ЧСВ. И в этом нет ничего плохого, но...

Представьте, что вы можете управлять своим половым органом. Вот хуяк, стоит вам об этом подумать и он в полной боевой готовности или же спрятался в вашем теле, дабы не получить по шарам от чьей-либо коленной чашечки. А еще вы можете контролировать его, как ебучее щупальце, завязывая морскими узлами, или врубить в нем на какое-то время нон-стоп режим дрочилова. По сути продвинутый вариант рукоблудия, но при котором ты ровным счетом ничего не делаешь, а лишь дергаешься в постоянно накатывающих волнах экстазирующего оргазма, забрызгивая семенем все и вся. Кстати, если я трахну живую, что-то сможет родиться? И если да, то что? Сбился с мысли. Так вот, это слишком опасная фича.

Напомнить эксперимент с мышами и стимуляцией отделов мозга, отвечающих за удовольствие?

Сейчас слишком напряженный момент, чтобы захлебнуться в нирване, растекшись бесформенным и тихо постанывающим слизнем по полу. Заманчиво, конечно, но нет.

Возвращаемся к обстрипыванию наших грязных делишек.

Информационный фугас знатно прошелся по всем новостным ресурсам. Я типа популярный, даже пару переводов на английский замутили и несколько вовремя подсуетившихся рецензий в Twitter-е, которые больше склонялись к варианту, что я очередной долбоеб, который решил срубить хайпа на чьих-то костях. Предсказуемо.

Смеркается.

Пора валить.

Определенно пора.

Или нет?..

Радиус действия моего контроля над немертвыми не бесконечен и имеет вполне четко очерченные масштабы на данной ступени моего Дара. Если свалю на другой континент, то трупы... нет не выйдут из строя, если, конечно, я этого не захочу, скорее перейдут в автономный режим. Есть возможность вшить им в подкорку пару базовых алгоритмов, которые будут приводиться в исполнение, покуда им не проломают черепа, но...

А, собственно говоря, почему бы и нет?

Уже практически ночь.

Затяжной рейд с кучей трупов. Несколько из них притащить сюда, превратить в упырей или поднять Голодными. А самому с мобильной группой, возглавляемой возмужавшим Костяном, свалить на юга. Так-то у руля власти сидят относительно здравомыслящие ребята, за некоторыми исключениями. Они определенно в скором времени узнают, что Кровавый Ливень, "Дети Могил" и некая личность с погонялом Мертвый, определенно будут связаны в единую логически-следственную цепочку с восстающими из мертвых. Меня если не попытаются ликвидировать, то точно заберут на опыты. Отчего-то в вариант с переговорами я не верил от слова "совсем". Сильным мира сего, как-то глубоко насрать на рядовых обывателей и просто неудобных личностей, которые попадут под жернова государственного аппарата. Так почему бы мне не ответить им тем же?

Мысли разбегаются жирными склизкими тараканами по всему черепу. Зачем мне Африка? Может рвануть в Москву или Санкт-Петербург? Я никогда там не был. Риски запредельно велики, но и хабар получится неплохим.

Или...

Мозг начинает вскипать и это никуды не нормально. Я не знаю, что мне нужно и чего я хочу. Противоположные желания разрывают изнутри.

Спокойно, Мертвый, спокойно.

Соберись и успокойся.

Итак, если рассуждать логически, какова твоя директива номер ноль?

Стать богом Смерти.

Приемлемо. И что для этого нужно?

Убивать, умирать, воскресать и снова убивать.

Логично, хотя со вторым и третьим пунктом могут возникнуть сложности. Но по итогу вырисовывается схема, что чем больше ты завалишь или поработишь, тем лучше, не так ли?

Да, рано или поздно люди могут объединиться или Кровавый Ливень породит тех немертвых, что не захотят мне повиноваться, или же кто-то из демонов залезет в мою кормушку с надеждой поживиться людскими душами и втоптать зарождающегося Темного бога в кровавую грязь, из которой он и выполз.

Что тебя останавливает от того, чтобы с ноги залететь в город-миллионик, нанося добро и причиняя справедливость?

Статистика.

Прошу прощения?

То, что в отличии от Соединенных Штатов на сотню человек у нас не приходится сто двадцать единиц огнестрельного оружия, еще не означает, что складывать смертных штабелями будет так просто. Мне нужны личи, чтобы противостоять ковровым бомбардировкам. Костяные Ужасы, чтобы избавиться от танков. Какие-нибудь аналоги вампиров, чтобы под ноль вырезать пехотные подразделения. Я слишком слаб. Мне нужна армия и центр, столица моей рождающейся империи.

Из этого следует вопрос — почему бы не основать его здесь?

Ты серьезно? Я как-то уже приводил аргументы на эту тему.

Так-то да, но надеюсь ты понимаешь, что успех будет пропорционален вложенным усилиям.

К чему ты ведешь?

Распространяешь инфу, что двигаешься к Москве, дабы устроить там анал-карнавал.

Так.

А сам заседаешь здесь и сколачиваешь ватагу умертвий или вкачанных зомби под видом стихийно образовавшегося бандформирования. Планы изменились и не нужно в кратчайшие сроки истреблять человека. А когда сюда завалятся демоны, ангелы или иномирные расы, изобретшие межмировые порталы, ты уже разовьешься до того, чтобы навалить им или свалить. Ты же помнишь как это работает, в тронутые дланью Четверки миры можно посылать лишь небольшие группы колонистов-завоевателей. Танковые дивизионы идут куда позже.

Бля, а вот это уже звучит, как стоящая мысль.

Вот именно, чувак. Едва из земли будут вылезать те же упыри или умертвия, привычный порядок рухнет. Мусоров и армию чисто физически не смогут размазать по огромной территории стран таким образом, чтобы валить каждого мертвеца, что вылезет из-под земли. Мне кажется, гражданских сгонят в крупные города, как-то перекроют улицы, понастроят кордонов, заграждений и блокпостов. Смертные тупо не вывезут замес в сельской

местности. Сила, деньги и влияние сосредоточатся в таких замкнутых и изолированных развивающимися тварями анклавах. Нужно прояснить через сколько там начнется грызня за власть? Некоторые сохранят прежний общественно-политический строй. В других будет вооруженный переворот. И эти фракции будут стремительно наращивать силы, укрепляя свое влияние и присоединяя к себе другие поселения. Просто затеряйся среди мелких городков, на половину вырезанных мертвецами. Таких будет, как грязи, группа людей, которым повезло не откинуться в первые же дни, запрутся в каком-нибудь плюс-минус укрепленном месте, после чего начнут пробовать в выживание. никто особо не удивиться. Можно даже тупо подождать, пока такие образуются, завалить начальника и, сделав его своей марионеткой, управлять живыми людьми, параллельно с чем натравливать на всех окружающих орды зомби.

Как же сложно строить далекоидущие стратегические планы, когда у тебя едет кукуха.

Ну вообще, я — это просто сгусток твоих же мыслей. Ты создал в мозгу своего же двойника, за которого сам и отвечаешь, надеясь, что это прояснит хаос, творящийся в твоём черепе.

Да.

Какое-то время спустя. Рыцари Мертвого

- Слышь, челкарь, ковыляй сюда.
- Че, сука, крашенный? Пидор, что ли?
- Бля, да по любому опущенный пету...
- Какого хуя?!
- Кажется вам пора умереть.

- Глист, че это у тебя за говно на ебале?
- А может быть ты нахуй пойдешь с такими вопросами?
- Че, сука...
- Тихо, сядь. Глист, тебе никогда не объясняли, что делают за такие слова в мой адрес?
- Да мне похуй, я тебя и твой рот, сука, на хую вертел. И че ты, сука, мне сделаешь?

Нацепил пиджачок и думаешь дохуя крутой? Я, блять, всех вас тут положу, нахуй.

- Мальчик попутал берега. Вы знаете что дела...
- Что за?..
- Теперь я пахан, петушары. Вопросы?
- Да ты...
- Труп. Еще кто-нибудь? Значит, нет.

- Слушай, мы оба понимаем, что этого не стоит делать...

— Ты забрала у меня детей. Забрала дом. Забрала деньги и, сука, шестнадцать лет моей жизни.

- Я-я не...
- И ты умрешь. Во славу Мертвого.

Глава 19. Какое-то запоминающееся название главы

Было величайшее желание попытаться сделать Костяного Ужаса. Вот размахнуться на то, что моментально сделает меня незыблемым королем всего и вся в радиусе пары десятков километров.

Великий соблазн и великий риск.

Но я отбросил эту идею.

Еще не время, но вот поиграть в VR-RPG с полным погружением уже можно.

Мое личное кладбище практически приблизилось к отметке, отделяющей просто кусок мяса с остановившимися жизненными процессами от алчущего плоти монстра. Я не смогу иметь власть над всеми ими, но... что мне мешает управлять одним из них, за кем пойдут все остальные?

Отделившееся от моей ауры семя, по аналогии с человеческой физиологией, являлось отрубленным пальцем. Окровавленным шматом мяса и костей, которые до недавнего времени были неотъемлемой частью меня. Раны зарубцуются и на месте среза вырастет новый, куда лучше и эффективнее. Но чисто теоретически, я же могу попытаться прирастить его обратно, травматологи и хирурги не дадут соврать, что такое возможно. Ну или на крайняк подключу к нему проводки и жахну током. Какое-то время мышцы определенно будут сокращаться, физиология, хули.

Я проник в разум одного из мертвецов.

Не в том понимании, будто я слился с личностью покойника, вобрав в свою суть его мысли и эмоции до того момента, как он попытался увернуться от когтей Костяна, у него почти получилось, самым краем зацепило горло. Нет, я по локоть вогнал свою лапу в грудную клетку зарождающегося самосознания живого трупа, только начинающего понимать, что было бы неплохо чутка перекусить чьими-то мозгами. И там, я нащупал его мертвую, холодно застывшую сердечную мышцу, в вязко-склизкое месиво которой погрузил пальцы, нащупывая в нем нити кукловода, тянущиеся к его конечностям.

Я видел то, что видел он.

Я слышал то, что слышал он.

Я чувствовал то, что чувствовал он.

И это был ГОЛОД.

Моя временная лежка вполне надежна, мы не оставляли следов, ну во всяком случае насколько это было возможно для вооруженной до зубов и когтей ячейки ночных кошмаров. Упыри рядом со мной, дремлющими псами лежат на грязном бетонном полу. Им не нужен сон и они чутко вслушиваются в фоновый шум города. Безвольные, увешанные стволами и наиболее уцелевшими бронежилетами, затаились в самых дальних подвалах, выжидая своего часа. Это была своего рода паутина. Немногим больше десятка узлов-одинок, сплетающихся в простую схему террора, а в центре нее — я.

Создание Вождя, да, я решил назвать его так, заняло довольно приличное количество времени, удваиваемое расстоянием, разделяющим нас. Я приостановил процесс восстания всех остальных и перенаправил несколько уже практически сформированных сгустков моей некроэнергии, вступившей в симбиоз с упыриной порчей, тлеющих в соседних телах, в тушку Вожака. Так Вожак или Вождь?

Все трупы, ближе к вечеру, забрали в городской морг, взятый в плотное кольцо

полицией и военными формированиями. На месте бойни суется судмедэксперты вперемешку с серьезными дядечками из спецслужб, охраняемые ротой армейцев. В городе введено чрезвычайное положение. Организовываются патрули, блокпосты и оповещение мирных граждан. Знатно я наследил.

Наверное, я мог погореть в самом начале своего блистательного плана. Согласитесь, кто бы не обратил внимание на то, как один их покойников, обязанный мирно лежать и так же мирно разлагаться, начал покрываться крошечными костяными пластинками, больше всего напоминающими темно-серую чешую рептилии? Небольшие рожки по всему облысевшему черепу, вывернувшиеся в обратную сторону коленные суставы, теперь оканчивающиеся практически птичьими лапами, а заметно удлинившиеся руки обзавелись узкими, хищно поблескивающими матовой чернотой семисантиметровыми коготками.

Но мертвецов было слишком много, а персонала слишком мало.

Поводырь Мертвых.

Вообще, этих тварей существует бесчисленное множество и подвид степного Алдорского, не самый впечатляющий из них в плане возможностей. Но не в моем положении жаловаться.

Я(мы?) открываю(ем?) глаза.

Частичный переход сознания с полным контролем Поводыря. Схема та же, что и с Костяном. Нити повиновения протягиваются ко мне сквозь тело Вожака, выступающим эдаким связующим звеном, который способен без моего непосредственного вмешательства, более или менее сносно выполнять поставленную задачу.

Даю отмашку, снимая ограничители, удерживающие Голодных от финальной фазы своего вызревания.

И да начнется бойня.

Сознание, не мое, Поводыря, раскалывается на десятки фрагментов, часть из которых покорна ему(нам?) до мозга костей, а вторая лишь номинально и следует только туда где есть пожива, либо куда направила свои стопы орда сородичей.

Вы когда-нибудь просыпались на операционном столе?

Почтенная сухонькая старушка в безлико-зеленом фартуке и медицинской маске ковыряется в ваших внутренностях на пару с дородной теткой, стоящей с другой стороны, и чьи впечатляющие габариты не может скрыть даже бесформенный халат. Двое крепких ребят в форме, чуть позади бабки молодежь мужина с орлиным профилем и тем самым взглядом, который моментально выдает человека, обличенного скрытой от общественного взора властью. Чекист, одним словом.

Бледный свет больно режет глаза.

Только тетка успела заметить, как дернулись зрачки мертвеца. Вскрытое тело, чьи потроха лежали в отдельной емкости, вскидывается взбешенной коброй и скрюченной, погрызенной упырем рукой, впивается в шею заведующего патологическим отделением центральной городской больницы. Сминается гортань. Старушка беспомощно хрипит. Голодный, повинувшись приказу Поводыря, отбрасывает ее в сторону. Безвольно дернувшаяся голова тщедушного тела. Алый мазок на белой плитке стены. Вторая конечность уже сжалась на рукояти толстого ножа, коим вырезают грудину. Истошный вопль женщины. Ступор и паника бойцов — к такому их армия точно не готовила. Как-то среагировать успевает только особист, первым содравший с разума безумные голоса звериных инстинктов призывающих бежать, бежать, как можно дальше. Узкая, костистая ладонь дернулась к

кобуре, сокрытой подмышкой, но...

Кровь брызнула на операционный стол. Потолок.

Солдаты вскидывают оружие.

АКС-74У. Давно не виделись с этим малышом.

Почти синхронно пальцы на голых рефлексах снимают стволы с предохранителей, переводя в режим автоматической стрельбы, и топят спусковой крючок в скобу. Тетка, не переставая голосить, скрывает свою глыбообразную тушу за разделочным столом.

В коридоре слышится топот.

Выстрелы заглушают все и вся. Голодного разносит в клочья. Минус один солдат мертвого легиона и минус два человека, последний из которых вполне себе мог оказаться относительно крупной шишкой.

Степной Алдорский Поводырь Мертвых славиться двумя вещами — первая, это его живучесть, тесно сплетенная со скоростью и проклевывающимися инстинктами самосохранения, высылающими вперед подконтрольных юнитов и не дающих самому ринуться в кровавое месиво сшибки всех со всеми, ну и вторая, собственно говоря, ради которой они и разрабатывались некромантом по имени Алдор — аура.

И не та, что за соответствующую плату вместе с кармой почистят черно-белые в серо-буро-малиновую полосу маги-шарлатаны в седьмом поколении, а Гибельная Аура — довольно серьезное некромантическое заклинание, аналогичное приснопамятному зомбирующему вирусу, до безобразия расхайпленного масс-медиа. Но это не превращает тебя в ходячего после укуса. Нет, тебе куда более прозаично — ты умер в пределах его действия и Аура в ту же секунду вколачивает в твое тело простейшую связку проклятий, что реанимирует тебя Безвольным Зомби, но с одной-единственной установкой намертво вцементированной в подкорку до вменшательства опытного некроманта. Убивать все живое.

Ну и к тому же Аура слегка ослабляет живых, насылая на них слабость, усиливая страх и внутричерепное давление, часто приводящее к рвоте, обморокам и прочим не самым лучшим последствиям.

Трупы встают со своих узких жестких коек, с пола, с друг друга, куда их свалили по причине отсутствия такого количества свободного места, чтобы вместить столько тел. Поводырь довольно неплохо придрачивается к координированию малых групп покойников, а я перекидываюсь в черепную коробку госбезопасника. Куда же без них в зомби-апокалипсисе?

Выдернуть нож из своей шеи, разворотивший кадык, сонную артерию и засевший между позвонками. Вояки меняют магазины калашей. Скорострельность у них приличная, а потому впавшие в панику ребята всадили в мертвечину два рожка. Даже не поднявшись на ноги. Опираясь свободной рукой, скользящей по лужице крови, во все том же партере бросаюсь к потенциальным воинам подразделения Вожака. Заточенное до бритвенной остроты лезвие вскрывает ткань камуфляжных штанов, кожу и вгрызается в податливую плоть, калеча мышцы и перерезая бедренную артерию.

— Блятьблятьблятьблятьблять... — второй уже перезарядился.

Бездонный зрачок ствола смотрит точно мне в душу.

Сапоги скользят по крови, моей(нашей?) и того, кому осталось жить считанные секунды.

Мгла иллюзий спала с глаз последнего выжившего в этой комнате.

Бабка уже обглаживает сало с лица той бабищи.

Явно не срочник.

Я даже не заметил этот переход от растерянной и ничего не понимающей жертвы в профессионально подготовленного головореза. Иногда даже опытные и матерые вояки не могут справиться с первыми секундами удивления, когда происходит что-то максимально не вписывающееся в их парадигму мышления. Видать, рядовой состав не предупреждали о возможности реанимации всего, что перестало дышать. Ну или к этому заявлению отнеслись, как к кокаиновому бреду кого-то из вышестоящих чинов, поехавших кукушенькой на тему банды террористов, устроивших резню в не самом маленьком городе. Зомби... ага, конечно, с единорожиками и феями на пару.

Короткая очередь полоснула мою(нашу?) тушку, рванувшуюся в сторону, прикрываясь уже затихающим солдафоном. Пуля в плечо, две в грудь, одна в живот. Тут по любому "двухсотый", но... я как бы уже мертв. Рывок вперед с выходом в подобие борцовской стойки. Горячее дуло упирается мне под ребра. Он жмет спусковой крючок, покуда мои зубы впиваются в его глотку. Кровь на зубах, на языке, вместе со шматом плоти. Она тонкими ручейками соскальзывает ему за шиворот, забрызгивает мое лицо. Он вгоняет в меня половину рожка. Бок разворотило, словно связку петард в легкое запихнули. Но ему уже не выжить. Я бью его лбом в нос. Влажный хруст хрящей. Сдавленно-жалобный хлюп "юшки". Его череп мотнуло в сторону. Я вколачиваю нож ему в область правой почки. Раз за разом, покуда кровь пачкает пол.

Он умер.

Старушка с заляпанной кровью морщинистой мордой и медицинской маской, болтающейся на левом ухе, перестает жрать уже шевелящуюся толстуху. Запутываясь в ногах ковыляет к входу/выходу. Лязг засова. Зачем в операционной морга засов? Чтобы гражданские не увидели, что делают с телами их почивших родичей?

Голодные встают со своих мест.

Рычание.

Крики.

Беспорядочная стрельба.

Солдатики медленно поднимаются на ноги. Блять, люблю эту хуйню.

Чекист под моим контролем, макнув ладонь в красную лужу, широкими мазками выводит на стене слегка неровную молитву Четверым в знаке Темных богов — круге, заключенном в перевернутый треугольник.

Я ЖИЛ

Я УМЕР

Я ВОСКРЕС

А чуть ниже "Здесь был Мертвый. Дети Могил передают привет, суки."
Замес только начинает разгораться, а я с бригадой уже сорвался в путь.
Есть одно куда более перспективное для моих экспериментов местечко.

Глава 20. Бездна Анального Угнетения, призывающая овощей-мутантов

Это можно было обозвать поселком.

Или городком.

Или аванпостом безбашенных колонистов, что всеми конечностями вцепились в промерзлую, сырую плоть беспощадной ко всему и вся земли.

Несколько девятиэтажек, тесно жмущихся друг к другу, и... вообщем-то все.

Продуктовый магазин в одном из подъездов, несколько гаражей, разноцветные пятна бастардов АвтоВАЗ-а, вышка телефон-ТВ-Интернет-электросоединения и невыводимый смрад безнадежности, в которой часть обитающих здесь людей гниет заживо. Ни перспектив, ни радости, ничего кроме бессмысленного полурастительного существования. Но здесь живут, хотя живут, это громко сказано, люди. Молодежь из тех, кому выпал джек-пот родиться не самым тупым, чтобы поступить на бюджет, не слишком ленивым, чтобы переться в другой город, и не обладающий "патриотичными" родителями, исповедующими постулат "дед мой тут умер, батя мой тут умер, я тут умру, ты тут умрешь, дети твои тут умрут и не ебет меня твое мнение, шкет, еще не вырос, чтобы взрослых жизни учить", уже давно свалила куда подальше и лишь изредка навещала разваливающиеся на куски остовы прежней жизни. Детство и юность, чудная пора, тронутая ржавчиной аморальности, разъедающей человеческие души...

Мои бойцы въезжают в это чудное местечко на серо-синей мусорской "девятке". Я, скрючившись в позу эмбриона, засел в багажнике, упыри и остальные Безвольные плотным, сокрытым среди посадочной лесополосы, кольцом окружили поселок с мощным названием Купчино*.

Ментов я положил максимально аккуратно, чтобы не попортить форму и их тела. Зомби сноровисто скрутили наряд неопытных пацанят, коих швырнули закрывать собой дыры в плане-перехвате-перекрытии города, едва из морга, приземистого бетонного прямоугольника, стоящего на небольшом рукотворном холмике, возвышаясь над машиной центральной городской больницы, поперли Голодные, возглавляемые Поводырем Мертвых. Каждому произвести контрольный концентрированной Иглой Смерти в голову. Отверстие, как от ПМ-а. Зарастить мертвую плоть, скрывая несовместимые с жизнью повреждения, и поднять Низшими Умертвиями. По факту, это те же Безвольные, но в них сохранились некоторые рефлексy. Не безусловные, вроде дыхания или еще чего-то, а кручение баранки руля и обращение с огнестрелом на уровне любителя. Их тачка вливается в наш крошечный караван из угнанных машин, чьих хозяев укусил Костян, что через какое-то время превратит их в неконтролируемых людоедов, что лишь добавит паники в творимые тут бесчинства. Выскочили из города без особых осложнений, все вооруженные и правоохранительные силы внемя захлебывающимся истощенными воплями рациям, стягивались к больнице.

Ехали около дня.

Сейчас мы где-то северо-восточнее Архангельска, плюс-минус, навигатора и карт не было, но моя обновленная память вытащила из чертогов разума и досконально разложила на составляющие маршрут давней поездки из точки "А" в точку "Б", перевалочным пунктом которого было Купчино, идеально подходящее для моих планов. Был риск привести хвост за

машиной, но ближайшее время там будет не до свинтившей в неизвестность горстки желторотых полицаев. Вожак время от времени телеграфировал мне в мозг красочными картинками жестоких расправ над всем и вся, что только могло попасться пред его видящие в ночи глаза. Откалибровал его настройки вместо со своими "рыцарями", сжигая больше половины запаса своих колдовских сил. Мне не нужна грызня своих слуг. Во всяком случае, пока не нужна.

Один из ментов с плашкой "Зенченко С. Г.", тщательно контролируемый моим разумом давит педаль тормоза, ставит "девятку" на ручник. Мы на, если можно так выразиться, площади хутора, в центре вышка, на которую смотрят слезящиеся глаза окон и вокруг которой было расстелено полотнище растрескавшегося асфальтового покрытия, после тряски на выбоинах разбитой грунтовки казавшееся чудом технологий.

— УВАЖАЕМЫЕ ГРАЖДАНЕ, ГОВОРIT СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ПОЛИИ ЗЕНЧЕНКО СЕМЕН ГЕНАДЬЕВИЧ.

Вообще пацанчик был рядовым и как расшифровываются его инициалы я точно не знал. Но кого это ебет?

— СРОЧНО ВЫЙДИТЕ НА ГЛАВНУЮ ПЛОЩАДЬ ДЛЯ ПРОВЕДЕИ ИНСТРУКТАЖА ПО ПРОГРАММЕ ОПОВЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СЛУ ЭКСТРЕННЫХ СИТУАЦИЙ.

Его голос звучит хрипло, надтреснуто, как и должны звучать буквы исторгаемые из более или менее сохранившегося речевого аппарата Низшего Умертвия, тронутого некрозом. Нужно будет попрактиковаться в их создании. Воскрешение этой двойки отожрало у меня примерно столько же сил, сколько полноценный сеанс повышения смертоубийственной квалификации Костяна. Но громкоговоритель сглаживает эти детали.

Люди уже начинают выползать из раковин подъездов. Народ тут тертый, по области часто случаться пожары и наводнения, уже как-то попривыкли.

Галдящей толпой собираются под вышкой.

Второй слуга подходит к ним поближе и пытается внести больше ясности в происходящее.

Люди примолкли, внемля высокому и худощавому парню, облаченному в полицейскую форму и награжденному идеальным средством для разгона неорганизованной толпы — "укоротом".

— Разрыв газопровода, произошла утечка, — вывалил первое, что пришло в голову, — сейчас приедет МЧС, успокойтесь, это сделано для вашей безопасности.

Ну и так далее и тому подобное.

Первый продолжает орать в громкоговоритель.

После одновременного управления стаей упырей в черномагическом приходе, когда зрение словно разбило на соты, каждая из которых являлась глазами кровожадного каннибала, управлять двумя людьми стандартной конфигурации и телосложения не составляло особой сложности. Притом с Умертвиями это куда проще, чем с теми же Голодными.

Мониторю своим рентгеновским зрением коробки домов. Я удивлен, нет, серьезно. Вышли действительно все.

Кольцо моих слуг стягивается удавкой на шее самоубийцы.

"Полицейские" вскидывают автоматы, предусмотрительно снятые с предохранителей. И без предупреждения начинают шмалять. В упор, по толпе и с двух стволов — убойный, во

всех смыслах, эффект.

Крики и паника.

На площадь врываются людоеды.

Резня.

Те, кому хватило везения или скорости улизнуть от братии Костяна, падают мордами в асфальт, снятые короткими очередями перезарядившихся полицаев.

Несколько минут, наполненных ужасом, болью и кровью, пропитывающей воздух, и я становлюсь полноправным хозяином этого городка.

Безвольные стаскивают разбросанные по площади трупы в одно место, складывая в одну пирамидку. Умертвия, отложив калашаши, щедро зачерпывают кровь из луж и повинуюсь моему замыслу, чертят простейшие геометрические фигуры вокруг мертвецов.

Ритуалистика — вот он выбор слабосилков и настоящих гениев. С минимум вложенной колдовской энергии и максимум слабо понятных для простых смертных телодвижений сделать что-то впечатляющее. Или смертельно опасное, в первую очередь для заклинателя.

Около двадцати минут и символ *Восстания* вспыхивает багровым светом, дабы конденсированная сила Кровавого Ливня, пройдя сквозь мой энергетический источник вторглась в расстрелянные и разорванные куски мяса.

Секунда.

Вторая.

И плоть срастается, поднимаясь Безвольными Зомби. Давно следовало проверить этот ритуал от Дракса.

Перекидываю управление новоприбывших на Умертвий и "старичков". Упыри разбредаются по подвалам домов. Костян профессиональным телохранителем возвышается за моей спиной. Прячусь от солнца в тени одного из подъездов. Углубляюсь в механику своего управления мертвецами. Выделяю переливающиеся Смертью точки своих слуг, разделяя их на подразделения, скидывая со своего Дара часть нагрузки.

Переподключение Костяна. Отныне он мое доверенное лицо... морда?.. оскал?.. и командир диверсионно-карательной группы. Боксер и Рокер, тот что получился из павшего от моей первой Иглы Смерти, панковатого чувачка, наиболее близко подступившие к трансформации в подобие вурдалака, назначаются младшими командирами, под которыми ходят остальные упыри.

Обычных мертвецов разделяю на "ветеранов" и "рекрутов". Покуда мы ехали я успел неплохо поработать с некоторыми и по возможностям они в разы превосходят рядовых Безвольных. За каждым из улучшенных закреплено несколько новичков, а сами "старожилы" управляются Умертвиями. Надо бы подкрутить им интеллект. И силу. И ловкость. Вообще их стоит по всем параметрам улучшить.

Раздаю подробные и развернутые целеуказания наиболее башковитым из своих подчиненных, а те в свою очередь доносят это до рядового состава путем простейших связей "иди туда-сделай это".

Мертвецы разбирают машины и гаражи на составляющие. Арматура, листы металла, кирпичи, шлакоблоки и куски мебели. Работа кипит, а я развалившись на выцветшей нездорово-зеленой лавочке смотрю в никуда, время от времени корректируя действия как отдельных стройбатовцев, так и спаяных в единое целое ячеек, ответственных за выполнение отдельных задач.

Невольно задумался, тасуя в черепе колоду карт своих навыков.

Игла Смерти. Ну тут все понятно, как и со всеми остальными заклятиями присутствует широкий ассортимент изменений и модификаций. даже собственный конструктор есть, где можно склепать что-то уникальное. По сути, сейчас, это мое наиболее часто используемое оружие, идеальное против легкой пехоты. Швырнул веером с десятков и готовы гробы.

Плеть Тьмы. Использовал только один раз для того ролика. Изрядно жрущая запас моих сил конструкция, представляющая собой щупальце из бездонно-черного клубящегося дыма, оканчивающееся костяным шипом. Развалит на запчасти даже средневекового рыцаря в турнирном доспехе вместе с конем.

Поднять мертвеца. Так-то я могу вот прямо сейчас сделать Архилича. Точнее попробовать, но последствия для меня будут крайне печальны. Тот же Поводырь получился благодаря куче трупов поблизости.

Улучшение мертвеца и Контроль мертвеца. Думаю не нужно объяснять, что они дают.

Развоплощение мертвеца. Моментальное упокоение всего, что стоит ниже меня в иерархической лестнице немертвого общества.

И из ритуалистики Восстание Безвольных, Укрепление Смерти, Обращение и Разрушение Смерти.

С первым понятно, если поднапрячься, выbleвав свой позвоночник, то есть шанс сплавить пару десятков тел в кадавра.

Укрепление Смерти... наносишь на слугу или какое-нибудь строение, после чего оно становится крепче, сильнее и так далее. Разброс характеристик пропорционален вложенной силе.

Обращение — "рыцари". Передача некоторых навыков и создание в голове испытуемого труднопреодолимых блоков, работает либо на тех, кто на твоём фоне ничтожно слаб, либо со своими слугами. Кстати да, нужно будет добавить Костяну Игл Смерти. Станет на порядок круче.

Разрушение Смерти — то же самое, что и Улучшение, но в точности наоборот, с единственным отличием, что из этого дерьма можно сделать дальнобойное оружие. Камешек с этой руной, например. Активируешь и показываешь им на будущий труп. Или если переборщил со вложенной Смертью работает, как аналог гранаты, расщепляющей все живое на простейшие молекулярные соединения в радиусе действия.

Довольно неплохой стартовый набор. Для получения более действенных инструментов мне нужно изменить свое тело, ибо моя душа была рождена человеком, а не некротическим монстром. Меня может тупо разорвать на куски от перенапряжения.

Закончили ближе к вечеру.

Кажется есть один из вариантов, как стать еще сильнее.

Глава 21. Я СЛЫШУ ГОЛОС ОВОЩЕЙ!

"Мой" чекист, покалеченный десятком пуль в упор, откололся от бригады Вожака, и уже доедает тех, кого настолько сильно потрепало, что они не смогли восстать Безвольными.

Рядовой покойник за те сутки, пока я добирался до Купчино, а Поводырь Мертвых наводил суету, уполз в самое дальнее и темное складское помещение морга, где скрывшись среди коробок и банок с формалином, впадает в трансформационную спячку. Я прошляпил момент и не смог пощелкать вариантами во что мутирует Безвольный, а посему ему самому был дан выбор.

Ночной охотник Подземья. Через два с половиной часа в Метовске* появится существо, что будет наводить страх и ужас в зыбкой тьме ночи.

Неплохо.

Прошелся по своим вассалам. Вождь затихарился где-то в хитросплетении канализации, откуда руководил террором мирного и военного контингента. Его свита так же обзавелась несколькими более существенными юнитами — зачаточные Мертвый Щит и Потрошитель Трупов, весьма впечатляюще.

Быдлан занял главенствующее место в криминальной пищевой цепочке города и рассылает своих подручных грабить магазины, свозя весь хабар на честно отжатые склады, среди бойцов уже мелькают ребятки с АКС-74У и АКСМ. Так же его банда, введенная в повиновение смертями наиболее непокорных, вступила в союз с Красноголовыми и Церковью Мертвого. Как не сложно догадаться, последние две фракции были организованы оставшимися "рыцарями". И вы только представьте как я удивился, когда мне на полном серьезе начала молиться группка людей, пошедшая за "слесарем" обозвавшим себя пророком Мертвого, Темного бога Смерти и завалившего попа какой-то окраинной церквушки, сразу после казни бывшей жены. Нужно будет ему управление мертвыми подкинуть, не, ну, а что?

Мародеры, насильники и убийцы, дополненные дезертирами. Градус паники раковой опухолью разрастается вокруг города, захватывая все новые и новые умы смертных. Зараза Кровавого Ливня лишь набирает обороты.

В Интернете появляется все больше комментариев на тему того, что завирусившийся некто Мертвый — на самом деле ни хуя не псих, а может даже истину глаголит. Большую часть соцсетей просто взорвало видео от сторожа кладбища, на котором запечатлен момент, как старый, иссохший труп выбирается из собственной могилы. Комья грязи, срывающиеся с обтянутых костей, обрывки одежды, разбитые о крышку гроба костяшки и пустые глазницы, в которых нет ровным счетом ничего. Пробирает до мурашек.

В Китае или Южной Корее группа школотронов, вдохновившись расстрелом вояк залетного Разбухшего Странника и моим роликом(!) попытались задобрить Темных богов, ну и только начинающих ходить по улицам крупных городов Бродячих, Безвольных и Голодных до кучи. А почему бы и да?

Прикиньте, не прошло и недели, а кто-то из вроде как полностью нормальных, адекватных и вменяемых людей опустил до человеческих жертвоприношений, толпой прирезав какую-то девушку, которую до этого травили и щемили всем учебным составом. Ритуал, найденный где-то на просторах Интернета, изначально был задуман для других целей, но кто же внимательно читает мелкий шрифт на плохо распознаваемом Google-переводчиком диалекте латыни? Громкое завлекающее название — и из их мозгов уже не

выбить эту идею. Скачок некроэнергии и хорошенькая хрупкая мадемуазель реанимируется Голодным Мертвецом с неприятным дополнением в виде неровного ряда клыков на месте выпавших зубов и когтей из заострившихся фаланг пальцев, прорвавших плоть. Замкнутое помещение и толпа паникующих малолетних дебилов — итого семь трупов, не считая жертву. Уже не человек, а что-то когда-то бывшее корейкой по имени Чон Су, перескочило на пару стадий развития вперед, место проведения риутала, пусть и грубого, неверного, заметно ускорили некротический метаболизм, подпитываемый ненавистью к тем, кто вот просто взял и принес ее на заклание без особых угрызений совести. Начальные уровни Полуночного Удильщика — это жестко, сочетание ряда факторов и ловкая, быстрая тварь не остановится ни перед чем, чтобы отомстить тем, кто по ее мнению виновен в несчастной судьбе, когда она еще была в числе живых. Отряд бравых полицаев, прикативший на телефонные вызовы, оповещающие о диких криках и странных чавкающих звуках, был там же и положен мордами в пол, зверски расчлененный монстром с несколькими гибкими и смертельно опасными щупальцами из заточенных позвоночников. Отложив, а точнее выbleвав яйца, Чон Су удалилась(удалилось?) в неизвестном направлении. И да, нежить способна к размножению именно в виде потомства, а не только по схеме убил-воскрес. Костяные химеры, псевдоплоть и все дела. Информации о дальнейшей судьбе нерожденных пиздюков неизвестно, но мы все понимаем куда они были отправлены.

В Индии вроде как попробовали повернуть ту же муть, но уже с собаками. Последствия были... весьма печальны.

В музеях шевелятся мумии и мелко подрагивают древние кости. Прах кремированных покойников бурлит в урнах. Утопленники всплывают с илистого дна рек и озер. Над болотами разносятся душераздирающие вопли, что чисто физически не могут быть извлечены из глотки живого существа. Гаитянские вуду-шаманы спешно покидают свою вотчину, ибо мертвые и loa перестали с ними разговаривать — они рычат прямо в мозг, предрекая бойню всех со всеми.

В тюрьмах и на улицах неблагополучных районов уже начинают появляться ревенанты. Терки Белого Братства, негров, якудз, "братвы" и прочих, особенно в смутное время, слишком часто заканчиваются повышенным количеством трупов на квадратный метр пространственно-временного континуума. Криминал пока особо не наглеет, максимум разборки друг с другом, плюс местами междоусобица, но такое дерьмо происходит лишь в тех городах, где присутствуют кладбища, массовые захоронения или своя группа пингвинов-сатанистов, промышляющих ритуальными убийствами. Последние, как и относительно успешные маньяки усиливают действие Кровавого Ливня. Как бы вы отнеслись к тому, что в столице Латвии по подворотням расхаживает скелет? Вот просто голый, лишенный плоти скелет, набрасывающийся на всякого, кто пройдет мимо?

Франция и Германия закрывает границы после ста шестидесяти трех трупов, нашедших вечный покой среди развалин древних замков. Вводится военное положение.

Правительство, имеется ввиду именно наше, отказывается от любых высказываний. По ящику вещают про сохранение спокойствие, погромы радикалов, беспорядки и вообще не стоит волноваться, крепкие ребята в форме все разрулят, без паники, пиплы.

И это всего за пару дней. Даже гордость берет — все же я главный организатор этого беспредела.

Мутно-белые глаза Бройлера, глубоко вдавленные в угловато-рогатый череп, с фанатичной преданностью смотрят мне в лицо. Специально выведенный на убой Поводырь

Мертвых чуть дергается, скалясь частоколом игольчатых зубов, порвавших плоть щек, когда мой ритуальный кинжал самым кончиком щекочет его впалую грудную клетку. Не от страха и не от дискомфорта. Он становится так, чтобы мне было удобнее вырезать его черное, холодное сердце.

Поэтому я люблю нежить и быть некромантом.

Твои творения выполняют любой твой приказ, наплевав на то, чем придется ради этого пожертвовать и каковы после этого будут последствия.

Кинжал... добротный охотничий нож. Новенький, ярко поблескивающий на свету. Я нашел его в комнате одного пацана, недавно обзавевшегося сквозной вентиляцией черепной коробки. Подарок, вместе с открыткой, а говорили, что оружие дарить нельзя. Неплохо у него закончился день рождения. Клинок входит под отчетливо проступающие ребра.

Так-то Поводыря проткнув ему сердце не убить, но... кто сказал, что я не подкорректировал характеристики ножичка?

Минус две трети запаса магии. Слишком быстро сожрало. Меня мотнуло в сторону, накотив слабостью.

Некротическая плоть усыхает на глазах. Секунда и оголенный костяк падает к моим ногам. Вымазанная кровью толстовка и черная майка уже сняты с моего бледного тела. Я ложусь мордой в асфальт. Закрываю глаза и вижу самого себя зрением мертвецов. "Ветераны" отрывают нужные фрагменты разохшейся костной ткани. А Умертвия... вплавливают их в меня.

Боли не было.

Я уже привык, что ничего не ощущаю, лишь могильный холод, разрезаемый редкими фантомными наваждениями разума и специально напрягаемыми рецепторами, некорректно улавливающими общие тактильно-вкусовые-обонятельные воздействия на мой организм.

Со стороны... это выглядело отвратительно.

Череп, позвоночник, ребра, кисти — все это, разящее сквозняком заброшенных кладбищ, осторожно прикладывают к моей испещренной проступившими черными сосудами шкуре. И мясо разверзается гниющим месивом, дабы кость состыковалась с костью, укрепляя мой скелет, как на физическом, так и черномагическом уровне. А вы думали на кой хуй злобные колдуны похищают ночью молодых парней и девушек — у них суставы не скрипят и спину сколиозом не кошмарит.

Это продолжается несколько минут, по истечению которых приход святого отца Анатолия, первого жреца Великого и Ужасного Мертвого, вздрагивает посреди горячей проповеди о каре божьей за грехи наши. Как хрупка человеческая психика. Простейшие воздействия кнутом и пряником могут перетереть ее в невесомую пыль.

Падают на колени.

Когда ты взываешь к какому-то богу, что мешает ему внимать твоим мольбам?

И они слышат точно в мозгу резонирующий от стенок черепной коробки голос Темного божества.

Мой голос.

Олег Свиридов. Мамкин мстюн

Олег точно знал, что сможет убить человека.

Не любого, абсолютно случайного, выхваченного взглядом из толпы, просто потому что может.

Нет.

Только одного. И этого вполне достаточно.

Лезвие узкого, с ладонь длиной вместе с перемотанной изолентой рукоятью, кухонного ножа обжигает предплечье холодом металла. Достаточно дорогой, чтобы не сломаться после нескольких тычков во что-то по плотности соответствующее мышечному каркасу, прикрытому жировой прослойкой, и не достаточно, чтобы его было жалко выкидывать по завершению "дела".

Олег подготовился. Настолько хорошо, насколько хватило его возможностей и средств.

По вторникам вечером тут практически не бывает людей.

Пустой полупарек.

Одна дрянная камера.

Один человек за прилавком.

Тот, кто сегодня должен умереть.

Старые кеды неприятно давят на пальцы. Грязные и разношенные, в них его никто не видел уже года два. Безлико-черный спортивный адидасовский костюм, купленный на барахолке у скрюченной старостью бабки в разноцветной косынке. Тонкие перчатки и медицинская маска под непрозрачными солнцезащитными очками. Затылок, макушку, лоб и брови скрывает капюшон. Ссутулившись и опустив голову он идет по неосвещенным ночным переулкам. Слабо различимая тень во мраке.

Спокойно.

Вдохнуть.

Выдохнуть.

Олега беспокоит не сам факт того, что сейчас он убьет человека, вогнав нож ему в шею.

Нет, это дерьмо он уже слишком часто представлял, он жаждал этого, грезил по ночам и воспроизводил воображением в малейших деталях раз за разом. Он не обосрется. По крайней мере не с этим.

Телефона с собой нет.

Спортивная сумка со сменной одеждой дожидается своего часа среди нескольких заброшенных частных домов, разбросанных ближе к окраинам города. Яма в которой он сожжет вещи и необходимый для этого бензин в пластиковой бутылке на полтора литра с содранной этикеткой там же. Нож он скинет по пути в распахнутое чрево канализационного люка, крышку от которого сперли бомжи или алкашня. Через сколько его найдут, да и будут ли искать в принципе не важно. Олег не дурак, отпечатков на оружии убийства пока не оставил, а грязная вода, моча и говно, смердящие на половину улицы сделают свое грязное дело, избавившись от следов крови. Артур не настолько большой человек, чтобы ради выяснений обстоятельств его смерти перелопатить всю область и с пристрастием проводить экспертизу всех подозрительных находок.

Вдохнул. Выдохнул.

Погнали.

Подсвеченная вывеска. Белая пластиковая дверь.

Круглосуточная алкашка с вкраплениями сигарет и того, что должно пойти на закуску к первому и второму. Во все времена — один из самых ходовых товаров.

Сквозь окна вижу, что никого кроме продавца, а по совместительству хозяина, которого жаба душит нанять, кого-то кто мог бы за него продавать синякам их пойло. Не срывайся на бег... не срывайся на бег... не срывайся на бег...

Открываю дверь.

Звон колокольчиков над черепом.

Артур поднимает взгляд, видит лишь мою спину. Специально движение, будто я внимательнейшим образом проверяю закрыл или нет.

Несколько шагов.

В рот я это все ебал.

Здесь не так много места, чтобы была возможность для маневра.

Поворот всем корпусом к потенциальному покойнику.

Несколько секунд, необходимых мозгу последнего для понимания происходящего.

Он рефлекторно вскидывает руки, но Олег уже на сверхблизкой дистанции на которой побег чисто физически невозможен. Облокотиться животом на бледно-зеленый с белыми полосами прилавок, сметая с него монетницу с рекламой соленных семечек.

Нож выскальзывает из рукава, привычно ложиться в ладонь.

Пальцы сжимаются до ломоты в костяшках.

Олег тренировался.

Осечки быть не должно.

Вообще, вот сейчас, в этот самый судьбоносный момент, если верить шаблонам и клише, что-то должно было пойти не по плану. Или в Свиридове внезапно бы проснулся гуманизм и человеколюбие.

Но хуй там плавал.

Вцепиться в его тушу.

Односторонне заточенный клык стали легко входит в жирную шею, чуть левее обвисшего второго подбородка.

Кровь брызжет на пальцы, предплечье.

Артур судорожно дергается всем телом. Невнятно хрипит, захлебываясь кровью.

Второй удар.

Третий.

Олег частит шейной машинкой, не оставляя ни малейшего шанса на выживание.

Капли крови на маске и очках.

Толстое тело заваливается на бок. Разжать пальцы, выпуская его плечевой сустав. С грохотом оно падает на пол.

Мечь свершилась.

Перескочить через прилавок.

Дрожь в коленях и тремор рук.

Сгрести мятые купюры из покоцанного ящичка под прилавком, скрыв их в карманах мастерки.

Вжикнуть замком.

Это всего лишь ограбление. Какой-нибудь торчок во время ломки не придумал ничего лучше, чем с заточкой вломиться в этот клоповник. Не больше и не меньше.

А теперь валим.

Итак, внимание вопрос — насколько сильно удивился Олег Свиридов, когда холодная рука стопроцентного мертвеца вцепилась в его лодыжку?

Крошечный сгусток тьмы камнем пошел ко дну.

Он отрастил на своем аморфном, колеблющемся и мелко подрагивающем теле жабры, способные конвертировать соленую океаническую толщу вод в приемлемую для функционирования его организма химическую смесь первичного бульона, вяло булькающего в брюхе. В этом месиве физических явлений и черномагических субстратов суррогатного подобия бытия, зарождались мальки чистейшего первородного греха. Они набухали гноящимися волдырями ультранасилия, коим в обозримом будущем суждено мерзостными и отвратительнейшими струпьями, язвами и фурункулами осесть на изрезанном печальными морщинами лице Земли.

Плавники и хвост, дабы передвигаться во мраке бездны, и тускло поблескивающие глаза, чтобы видеть в нем, лучше коренных обитателей — это все не нужно безликому и безмолвному колонисту. Он кокон, матка, если угодно изъясняться понятными для человеческого разума словосочетаниями.

Дно.

Оно срастается с ним практически на молекулярном уровне, смешивая свое тело и относительно твердые породы в адский коктейль плодильни.

Нечто втягивало в себя воду, пропуская сквозь жабры и вмонтированные в тушку биологические фильтры, дабы высосав из них необходимые соединения, исторгнуть воду обратно в океан. Тяжелое, надтреснутое дыхание твари, чья единственная задача — плодиться и размножаться, выблевывая из своих нечестивых чресел разведчиков, рабочих и солдат, фундамент зарождающегося улья демонических химер-инсектоидов.

Его шкура, грубая, ребристая, уродливая, вызывающая рвотные позывы одним своим видом гребаного пузыря с желудочным соком, в котором сотни неоформленных эмбрионов разбирались на атомы, дабы вновь собраться в единое целое, подбирая наиболее приемлемую комбинацию генов и хромосом для дальнейшей ассимиляции близлежащих локаций, мерно пульсировала.

Возможно прошел год. Или около получаса, но пузырь лопнул, выпуская из себя множество мелких, юрких и изворотливых тварей, ринувшихся тщательнейшим образом исследовать свои новые владения, уничтожая все, что встретят на пути, после чего откладывая личинки в их окровавленные трупы.

Глава 22. Страх и ненависть

Чисто технически, я же злодей?

Ну или по крайней мере, антигерой.

Крепкие бритые наголо молодчики Глиста, самопровозглашенного теневого короля Метовска, пытались не выказывать страха. Их выдавал судорожный блеск глаз и бледная кожа. Когда ты много и часто преступаешь закон, когда ты несколько лет своей жизни жил от звонка до звонка, по полной впитав отчаяние, боль и безнадежность тюрьмы, тебя сложно удивить. Еще сложнее, когда ты не рядовая "шестерка", а более или менее сориентировавшийся в этом дерьме чувачок.

Ты можешь убивать, грабить и калечить... но когда твой босс, который может убивать людей буквально взглядом дает тебе и твоим корешам доставить ящик со стволами в указанную точку и на месте тебя уже ждут мертвецы... и не несколько трупов, расстрелянных или зарезанных в ходе терок группировок. А настоящие, живые мертвецы...

Глист был не самым тупым человеком. Ну или, по крайней мере, ему хватило извилин окружить себя относительно верными и более или менее сведущими в весьма щепетильных вопросах людьми. Поставки оружия — это крайне опасное и дорогое удовольствие, но, когда партии измеряются не танкерами, а несколькими малолитражками и тащатся они не через несколько границ, а в пределах своей собственной страны, то могут существовать некоторые послабления в привычной схеме. Валет, предшественник Глиста, славившийся своими приступами бешенства и жестокостью, благодаря которой и рубил черный нал даже с самых несговорчивых, слегка страдал паранойей. И в этом нет ничего удивительного, когда ты забрался на вершину трупов, получив такое положение в обществе и такими способами. Осторожность никогда не бывает лишней. Он стал царем своего болота, но не лез дальше. Чем ближе к самым жирным кормушкам, тем более габаритные рыбы трутся рядом и их туши могут с легкостью перетереть его братву в чернозем где-то в лесополосе или пепел, осевший в печах крематориев. Иногда просто стоит остановиться на достигнутом и просто укреплять свои рубежи.

Валет стягивал в Метовск мелких диллеров и парней, знающих знакомых знакомых тех, кто может достать все, что способно стрелять. Арсенал довольно широк — от ПМ-ов, АПС ТТ и ОЦ-33 до АК, "Винторезов" и гранат. Были бы бабки.

Главное не наглеть. Этот грех сгубил почти столько же фраеров сколько и жадность.

Наверное, мусора и армейцы очень сильно удивились когда внезапно выяснили, что после передела власти местная босота теперь способна не только втроем зажать одного щуплого доходягу в переулке, но и всадить очередь на весь рожок в того и там, где скажет их босс. Уважение, страх и поощрение — убойная комбинация для сохранения верности своих подручных, а когда следственным путем выяснилось, что когтисто-клыкастые твари, что рыщут в ночи нихуя не вымыслы школоты, а вполне осязаемый ужас во плоти, что способен разорвать человека на части, но почему-то не трогает тех, кто ходит под Глистом... верность и уверенность в своем лидере постепенно начинала превращаться в фанатизм, тщательно культивируемый отцом Анатолием и его правой рукой Нефором, что возглавлял пока что самую малочисленную из недавно образованных банд — Красноголовых.

В одних сутках двадцать четыре часа.

В одном часе — шестьдесят минут.

В одной минуте — шестьдесят секунд.

Казалось бы, это вполне внушительный отрезок времени. За одну секунду можно убить человека. За одну минуту полностью изменить свои идеалы, опровергнуть вбитые в мозг догматы. За один час можно устроить революцию, с погромами, висельниками, пожарами и горами трупов, павших в кровавую грязь за чужую идею. За один день можно уничтожить мир до самого основания, расколов земной шарик на множество объятых пламенем осколков, бесцельно плавающих в бесконечной равнодушно-холодной бездне космоса.

Но мало кто осознает этот аспект времяощущения.

Большей части человечества, показалось, что хаос, зазубренными когтями вцепившийся в относительно размеренный порядок цивилизации, нагрнулся внезапно. Доля секунды, необходимая на то, чтобы тонкая кожа века сокрыла зрачок и глазное яблоко, после чего вновь открылось, обнажая уже увлажненный орган зрения. XXI век, что вы хотели? Жизнь чудовищно непонятна и неопределенна, ибо она то срывается на безумный галоп, сминая все на своем пути, то тянется густой нитью слюны с растрескавшихся губ умственно отсталого.

Сколько прошло времени с того самого мига, как первая капля цвета крови сорвалась с небес?

Дня три-четыре? Не больше.

И сколько всего умерло человек, чей жизненный путь был оборван когтистой дланью мертвых?

Около тысячи.

Казалось бы, если смотреть с насквозь циничной точки зрения всего мироздания в целом и общественности в частности. Это ничтожно малое число по сравнению с перевалившей за десять миллиардов отметкой живого населения. И да, вам напомнить, сколько человек умирает каждую минуту?

Но как умерли эти люди...

Будем честными, хотя бы с самими собой, когда мы видим в новостях о том, как дети где-то в ебенях, до которых вы никогда не доберетесь, умирают от голода, нам плевать. Нам плевать, когда убивают людей, просто потому что они другого цвета кожи, другого вероисповедания или по воле случая родились в пределах другой страны. Нам плевать, когда из-за нас же мир летит в бездну. Нам плевать, что несправедливость и жестокость сковали нас костедробительными объятиями голодного колючего куста, чьи ветви рвут нашу плоть, забираясь под кожу, испивая горячую кровь.

Похоже, это и есть моя Цель.

У каждого настоящего злодея, должна быть своя Цель. Мотивы, идеалы, философия и образ мышления.

Я не люблю людей. И, согласитесь, вполне себе есть за что.

Мне нравятся мертвецы. Они лишены большей части людских пороков. Что видят простые обыватели, когда имеют возможность лицезреть Костяна? Они видят монстра, чудовище, потому что он не вписывается в их парадигму восприятия. А для упырей и Голодных — Костян почти что отец, старший брат, к возможностям и облику которого стоит стремиться в меру своих сил. Что вижу я? Подумайте сами.

Что я вижу, смотря в зеркало?

Сплав циничного маньяка-убийцы и идеалиста с утопическим взглядом на будущее. Кажется, это уже где-то было.

Я смою грехи живых, ибо мертвые лишены подобной шелухи, они куда чище в

моральном плане, лучше.

— Страх и ненависть, — ломаный кивок мутирующего Безвольного.

— Вера и честь, — хрипловато рычащий глас "чекиста" за его спиной.

Бандиты смотрят, как марионетки, управляемые моим разумом через процессор Вожака, осматривают стволы. У некоторых из них практически нет следов смерти, а у других на самых видных местах красуются травмы не совместимые с жизнью. Эти парни, вынырнувшие из самого расцвета девяностых, косятся на Ночного охотника. Кажется, кто-то из них молится.

Молится мне, восполняя мои силы крошечным ручейком веры.

Как же мне нравится наблюдать за этим лицемерием человеческой сути.

Охотник может видеть сквозь одежду, сквозь мышцы и кожу, его зрение так и устроено, дабы сразу же отмечать наиболее уязвимые точки, крупные узлы кровеносных сосудов, например. У молящегося забиты наколками руки, грудь, спина. "Отрицалово", звезды, купола и православные кресты. И последнее не для красоты отпечатано на его теле. Он предал свою веру, едва в мире стало достаточно жарко. Есть еще сомнения в моих размышлениях?

Пока что самыми опасными из того, о чем я знал, все так же оставались я, Чон Су и проклятые души тех, кто был замурован заживо в стенах средневековых замков. Все больше и больше репортажей о Бродячих, Безвольных и Голодных. Как и ожидалось, власти пытались пресечь малейшие поползновения в сторону распространения шатающей общественную обстановку информации. Но, когда уже существуют десятки роликов о том, как сухощавый дедок, словив сердечный приступ на Красной Площади, восстав Безвольным начал обглаживать лицо своей внучке... о какой конспирации вы тут мне рассказываете? Америка кипит и бурлит, сбылась главная мечта Стивена Кинга — мертвые индейцы восстали из своих могил. Пока их мало, они практически не представляют угрозы, но... в пределах Гаити началась гражданская война, число трупов около двух десятков, но мы все прекрасно осознаем, что те из заклинателей лоя, что не свалили куда подальше, на этом не останутся. Очередной замес в Африке, вот только теперь старые добрые автоматы Калашникова, не играют особой погоды. Дети, запомните, перед тем, как бросать младенцев-альбиносов на дно братских могил настоятельно рекомендуем вам сделать им контрольный в голову, желательно на всю обойму, иначе ближайшие к захоронению хибары будут уничтожены летающим в облаке праха черепом с прикрепленным к нему позвоночным столбом, непрестанно истекающим дымящейся кровью. Плач Резни — это крайне неприятная штука, поверьте.

Где-то в Калифорнии психически нестабильная истеричка замочила своего парня. Около тридцати ударов ножом, по самую рукоять, с оттягом и проворотом в ране. Потом, когда труп попытался обглодать ее лодыжку, у бабы окончательно сорвало чердак и она начала подкармливать его сырой курятиной, свининой и говядиной. Бравые правоохранительные органы прикатили на вызов соседей о подозрительных рычаще-хрипяще-чавкающих звуках, пробивающихся из гаража частного дома той самой мадамы, которую уже довольно давно не видели. Девушка решила не мелочиться и разом закупила хавчиком по самые брови и как-то не обратила внимание на изменения в своей мертвой любви. Низший Живодер порвал цепь, которой его приковали к стене, и разорвал пленительницу на части. после чего сожрал ее тело и принялся за запасы. Мусоров там же и положили. Тварь перескочила пару стадий развития и... Матерый Живодер против наряда

патрульных, серьезно? Этих тварей не всегда прямое попадание из дробовика в упор валит, что уж говорить о мелкашке и слезоточивом газе.

В Сибири самореанимировавшийся медведь задрал трех охотников.

В Мексике пару горячих парней из наркокартеля порубил в капусту Мертвый Ящер Подземья — высокая, ссутуленная фигура, затянутая в прочный комбинезон костяных пластинок, с гибким шипастым хвостом и зазубренными лезвиями, в которые превратились его пальцы, кисти и предплечья. А вы думали, что зомби-апокалипсис будет с банальными тупыми и медлительными кусками мертвечины? Неа, не в этой жизни.

В Японии ходят слухи о Призрачном Летуне, что забирает детей из колыбелей. Пиздеж, ему не нужны младенцы, он вырывает их сердца, а остывающие трупки оставляет охваченным горем родителям.

До этого казалось вымершие скинхэды СНГ вскинули бритые головы и принялись во всю резать эмигрантов. Кавказские, цыганские и армянские диаспоры вступили в конфликт и тут же понесли потери в виде нескольких сожженных рыночных палаток, "ракушек" и ларьков. Пока широко известно только о трех трупах бритоголовых — одному отрезали яйца и затолкали в глотку, после чего он умер истекая кровью, второму отрезали голову и распнули на цепях детских качелей, третьего же забили ногами до состояния фарша. В ответ к ларькам прибавились и сожженные тачки.

Мусора сбиваются с ног, иногда из-за пулевых отверстий со стороны особо борзых "пацанчиков".

Ха, дай только шанс и человечество вцепиться само себе в глотку.

Отец Анатолий, совершив паломничество к моей обустрояемой обители получил Управление мертвыми и Усиление Смертью. Вернувшись в пределы своей вотчины, временно оставленной на попечение Нефора, он вновь принялся агитировать местное население из тех, кого еще не убили или кто не свалил от греха подальше, на присягу Мертвому, рассылая в разные города миссионеров и снимая провокационные ролики с обзором своих возможностей, дарованных от Темного бога. Последние вместе с двумя моими новыми видело о видах нежити завирусилась, набирая по несколько десятков миллионов просмотров. Пару чуваков так же пытались примазаться к этой теме, но быстро терялись на нашем фоне.

Честно, не ожидал, что слава придет в таком виде.

После слияния с костяком Поводыря Мертвых меня вырубил на полтора часа, за которые ничего особо интересного не произошло. Я плыл во тьме несколько мгновений и вынырнув из нее, почувствовал себя в разы сильнее.

Немного боевых плетений — Игла теперь может по желанию мутировать в Стрелу Смерти, плюс, добавилась вариативность на тему Крови, Праха и Кости, классика. Возможности в смешивание разных ветвей некромантии, по итогу получая уникальный результат заметно возросли. Появился Костяной Щит, Проклятие Безмолвия, Клинок Тьмы и Пылающий Череп. Из ритуалистики лишь Сплав Тел и возможность модернизирования Поднятия Безвольных в просто Поднятие с изменением итогового результата того, что должно прийти под мои знамена. Умертвия стали умнее, самостоятельнее. Костян обзавелся Иглами Смерти и Плетью Тьмы.

Мимо Купчино время от времени мелькают одиночки и малые группки людей из соседних к Метовску городов. По большей части параноидальные выживальщики, которые готовились к Апокалипсису и теперь валят куда подальше. Просто дальновидные люди и те

кто пересекался с моими детьми, восстающими где только можно, бегут из крупных городов. Чем глуше местность, тем меньше риска поймать маслину. В некоторых городах уже форменный беспредел и мародеров, как грязи. Большая часть войск стягивается к Москве, по несколько подразделений расквартированы в крупных городах, введено чрезвычайное положение. До более мелких населенных пунктов, тем более деревень, сел и хуторов никому как-то нет дела. Хвала масс-медиа и общей теме зомби-апокалипсиса, распиаренной всеми кому только не лень. В сознании граждан уже четко сформировался план дальнейших событий — куча смертей, произвол, анархия и постап, суровый и беспощадный. То что мертвецов еще мало и их довольно браво отстреливают, как-то не особо успокаивает, по крайней мере тех, кого с пеленок отучили верить дяденькам с экранов телевизоров и людям в форме, да и в принципе людям, как биологическому виду. Последователи имени меня, уже во всю раздувают панику среди мирняка, дабы еще больше народа подтолкнуть к вере в меня.

Несколько одиночек, что шли ночью мы грохнули.

Просто натравил упырей, ибо нехер.

С одного перепало чутка качественного хабара. Военный рюкзак, набитый всем, что нужно для пары месяцев относительно комфортного пребывания в лесах, плюс еда. Добротный туристический топорик, замотанный в гляцевый журнал самиздат "Mein Kampf", пистолет Макарова с двумя обоймами и... мачете, нахуй. Вот прям качественное, профессионально сделанное на заказ мачете. Считаю бастард мощного тесака и одноручного меча. Полметра заточенной стали с зазубринами на тыльной стороне, хищные очертания, вороненная сталь, удобная прорезиненная рукоять. Гравировка с черепами и вычурной готической надписью "Blut und Ehre". Если мне не изменяет память, то с немецкого это переводится, как "Кровь и Честь", вроде как девиз гитлерюгент. Я чувствую кровь и смерть на клинке. Им минимум двоих завалили.

Приказал притащить труп к себе. Облегченный бронежилет скрытого ношения и камуфляжную ветровку уже сняли с тела, отдав наиболее развитым приближенным Умертвий. Пацанчик-то щеголял свастионами, лычками "СС" и колючей проволокой, что обвивала его бицепсы. Бля, а я думал, что таких уже не осталось. Ну, ка... Безвольные его перевернули на живот. Теперь уже на английском — "Blood and Honour", а чуть ниже "Jedem das Seine" — "Каждому свое".

Меня одного удивляет то, что настолько серьезные люди, которых не прирезали за подобные наколки, бегут из городов, а не месятся в них за власть? Или это разведчик? Изгой? Предатель? Перебежчик?

Соскреб когтем "Blut und Ehre". Воссоздал в руке связку Игл Смерти, на ходу трансформируя их в Иглы Крови. У нас другой девиз.

Не люблю нацистов, с чего какая-то группка людей решила, что она лучше всех остальных? Все люди, за крайне редкими исключениями, одинаково ничтожны по сравнению с мертвыми.

"Четыре бога. Три пути. Два шанса. Одна жизнь." — тускло сияющие магией Крови буквы тянутся вдоль всего клинка.

Всегда мечтал о своем мече.

Влад. Просто ебанутый Влад

Я знаю точно наперед, с егодня кто-нибудь умрет.

Я знаю где, я знаю как, я не гадалка я — маньяк!

— просто позитивненький трек

Владу нравилась боль.

Не своя.

Своя — это, как-то слишком неинтересно и... больно.

Но чужая боль... она манила, она возбуждала и она кипятила адреналином кровь в жилах. Влад пробовал секс, с девушками, парнями, животными и посторонними предметами. Пробовал алкоголь, варьирующийся от этилового спирта и самогона до выдержанного виски и коньяка. Пробовал наркотики, по крайней мере те, что мог достать без риска залететь на жесткие тюремные нары или сразу на тот свет от некачественного товара.

Влад много чего пробовал.

Его звал глас открывателя, исследователя. Он жаждал того удовольствия и наслаждения, каким грезил его разум, едва узнал, что означают эти слова. Но зачастую, то что он себе представлял было далеко ярче, красочнее реального положения дел.

Скорее всего это было не нормально.

Но кому какое дело до окружающих? Ну, помимо доносчиков, эти суки все пронюхают.

Владу нравилось кормить собак. Свежий хлеб, еще теплый, мягкий. Оторвать кусок, чувствуя как подушечки пальцев продавливают его не затвердевшую корочку, начинить мякоть битым стеклом, каменным крошечком и сапожными гвоздями, после чего швырнуть отошавшей псине.

Голод.

Он затуманивает разум.

Собаки ели сквозь боль, разодранные пасти и раздробленные клыки. Иссеченные языки и кровоточащие губы. Они просто хотели есть. Они выли, рычали, стонали и плакали.

Вы когда-нибудь видели как плачут собаки?

Владу нравилось.

Это лучшее, что происходило с ним в жизни.

Обустроить свое логово в пределах заброшенного завода не составило особого труда. Все уже давным-давно вынесли под чистую и особо ловить тут было нечего, даже вездесущая шпана и сталкеры сюда не совались, ибо просто скучно и не интересно. Металлическая дверь в подвал, сокрытая от посторонних взглядов в самом дальнем закутке подсобок. Влад и сам нашел ее по чистой случайности. Складские помещения или бомбоубежище, хрен поймешь. Извилистый и петляющий коридор с облезлыми и выцветшими стенами. Старые трубы, потеки ржавчины. Неровный, промерзлый пол. И наконец комнатка, три на четыре метра. Пустая. Коридор шел дальше еще метров двадцать, но кончался тяжелой завесой вони мочи и говна, а так же баррикадой из полусгнившего мусора.

Влад облазил помещение вдоль и поперек.

Оборудовал для своих нужд и просто развлекался.

Вы знаете сколько в среднем городе можно найти бродячих собак?

Когда счет окоченевших трупов перевалил за десятки, Влад начал чувствовать Голод. Почти тот же, какой и псы, давящиеся чистейшей болью под тонким налетом гастрономического удовольствия, фантомного насыщения и краткой передышкой, взятой у голодной смерти.

Градус наслаждения, приносимого муками умервщляемых собак и кошек, затаскиваемых в подвал, уверенно спадал. Это больше не горячило кровь, как прежде. Это стало рутиной, пресной, жалкой и не интересной.

Краски вернулись после первого бомжа.

Кто будет искать алкоголика, наркомана или бездомного? Вот именно, всем на все плевать.

Четыре трупа теперь висело на Владе.

Четыре человеческих трупа, что потеряли жизнь в его келье боли и что были распилены ножовкой на части, дабы потом, завернутыми в пакеты и фольгу, быть закопанными на пустырях.

Рано или поздно Влада поймали бы. Или ему бы это в конец надоело.

Но... очередная туша выпотрошенной собаки. Внутренности и несколько сломанных костей со слитой кровью в ведре под столом. Ничего необычного.

Чьи-то клыки сжались на его тщедушной шее, разрывая кожу, мышцы, кровеносные сосуды, кадык и гортань.

Кровь.

Восставшие псы, так и остались у его тела, обгладывая до костей, дабы в течении следующих дней, те собаки, что были похоронены в пределах прилегающих к заводу территорий, разрыли свои могилы, вернувшись на места смрачной, трагичной кончины.

И Влад восстал.

Вот только теперь, он был не Владом, а Хозяином Мертвой Стаи.

И его верные слуги, что уродовали своим существованием само определение жизни, пропитанные Смертью и Болью, рванули во все стороны волной ночного прилива насилия. Они рвали беззащитных смертных, смаковали их плоть, дробили и крошили кости. Они пожирали еще живых собратьев, дабы те присоединились к стае мертвецов. А Влад продолжал лежать на полу, недвижимая груда костной ткани в луже запекшейся крови, украшенной лохмотьями плоти, что не поглотили гниющие остовы домашних питомцев, что просто стали не нужны своим хозяевам.

Глава 23. Вера и честь

Для Виктора Земина последние несколько дней показались настоящим Адом на Земле.

Из его отряда выжил только он и "Ну че там, я попал?", которому повезло через балконы перебраться на крышу многоэтажки, где он и отсиделся, до боли в суставах вцепившись в винтовку, смотря через прицел на эту бойню. Остальные... лучше бы они просто кормили червей в комьях кладбищенской почвы.

Там было много тел. Много крови. Много боли.

Снайпер спустился со своей точки обзора, где проторчал несколько часов взывая о помощи на всех доступных частотах, когда увидел капитана. Несколько этажей бетонных плит под ним представляли собой чертов некрополь. Беспощадный рок восставших из своих могил тварей настиг всех, кому не повезло находится в квартирах. Женщины, дети, старики, инвалиды... теперь они все мертвы. У бойца Прямого, пока еще слабо, но вполне отчетливо проступало то самое выражение глаз. Когда террористы подрывают себя вместе с окружающими, опалая твое лицо жаром, сбивая с ног взрывной волной и брызжа в лицо ошметками человеческих потрохов... в тебе просыпается ненависть. Один вопрос — почему? Зачем? За что? Чтобы что? Интерпретаций его много, но смысл всегда один.

Он может слететь с резьбы. Если в ближайшее время произойдет еще нечто эквивалентное чернобыльским мутантам, разгуливающим среди бела дня, то у него окончательно сорвет чердак, а что будет после этого, можно лишь предполагать.

Рация не работала.

"Ну че там, я попал?", как самый молодой из их дуэта, выковырял из остывшего месива трупов треснувший телефон. Отзвонился в штаб.

Следующие дни размазались в единое, смутное и уродливое цветное пятно, из которого было попросту невозможно вычленивать какую-либо отдельную деталь.

Был морг. Перекинули туда всех, кого только могли.

Был автомат и бронежилет. Были нервные смешки снайпера, стоящего рядом с аналогичным набором, крутя в мелко дрожащих пальцах мятую сигарету. У "Ну че там, я попал?" никогда не было проблем с координацией и мелкой моторикой. К тому же, он не курил.

Не говорили.

О чем можно говорить в таких ситуациях?

О том, что все будет хорошо?

О памяти усопших?

О том, что мы живы, а тела братьев и тварей, что их убили, вскрывают мрачные патологоанатомы под чутким патронажем кого-то из государственников?

Просто молчали. Это молчание разъедало подкорку мозга непривычной тишиной, вызывающей в извилинах кровавые картинки растрескавшегося асфальта, которого было не видно под склизко-влажным ковром выпотрошенной мертвечины. Но даже так молчание было лучше неуклюжих и неуместных попыток отвлечь разум бессмысленным разговором о погоде или еще каком дерьме, мало занимающих даже в мирной жизни.

Земин был не самым последним человеком в системе, а посему номинально был приставлен к чекисту. Не хватало людей. В Метовск уже сплошными эшелонами двигают ребятки из спецслужб, доукомплектованные кучей крепких парней в полной боевой

экипировке.

Прямой смог рассмотреть монстров вблизи, внимательнее. Страх перед неизвестностью, отвращение, отторжение на генетическом уровне смешивалось с параноидально-нездоровым научным интересом. Как они устроены? Как работают их организмы? Откуда они появились? И, наконец, самый главный вопрос, к которому, по сути, все и сводилось — как их лучше всего убить?

Первому, наиболее сохранившемуся телу, снесло голову.

И при взгляде на этот труп, Виктор понял, что скорее всего чудовище, чуть не отправившее его в Рай, Ад или Вальгаллу с ненулевой вероятностью может являться прародителем "упырей", как их называли некоторые из солдат. Тот был куда опаснее, страшнее, быстрее и неистовее. Возможно, это просто выверт психики и по прошествии первого шока при взгляде на бездыханное существо, оно казалось менее опасным.

Ростом около 170–180 сантиметров. Болезненно-тощее и нездорово-бледное гуманоидное тело. Практически дистрофичное, каждая кость и малейшее ссохшееся мышечное волокно отчетливо проступают под шкурой, отдаленно напоминающей ороговевший эпидермис. Заметно вытянутая черепная коробка немногим выше узких щелей носа отсутствовала. Осколки костей, заляпанные сероватым мозговым веществом и черной кровью. По бокам этого образования, лопнувшего перезрелым арбузом, заостренные уши, мало чем напоминающие привычные человеческие раковины. Сверившись с головой второго, которого разнесло на части хаотично-панической стрельбой бойцов спецназа, исступленно давящих на гашетку, впав в ступор от появления ночного кошмара, воплотившегося в реальности, стал ясен их приблизительный облик. Морда перевернутым треугольником, лысая голова, тусклые точки затопленных беспросветной чернотой глаз глубоко запавших в темные провалы глазниц, кожа, почти рвущаяся костями скул и подбородка. Нижняя челюсть, чуть выступающая вперед, облепленная сухими, но удивительно мощными мышцами, приводящими ее в движение. Грязно-бурые десна, беспорядочно усеянные кривыми желтоватыми клыками с фалангу пальца.

Узкие запястья и худые лапы. Черные когти, три-пять сантиметров. Чуть загнутые, толстые, острые. Ногтевые пластины, сросшиеся с костями.

И как отметила заведующая патологоанатомическим отделением, крайне занимательным фактом, к тому же являлось то, что клыки и когти по прошествии довольно большого срока с момента смерти, продолжали вырабатывать некие специфические жидкости. Десна поблескивали от бесцветной слюны, уже стекающей по впалым щекам. А металл разделочного стола покрывался ржавчиной от бурого гноя, сочащегося из смертельного маникюрчика.

Но больше всего в этой твари пугало то, что оно было облачено во вполне нормальную одежду. Потертые джинсы, кеды, чьи носки порвали когти ног, пошарпанная темная мастерка и черная футболка с оскалом треснувшего черепа. Это... Земин не имел ученых степеней и высшего медицинского образования. Но когда-то это определенно было человеком, чьи оплывшие очертания еще можно было увидеть.

Что могло сделать такое?

Хотя, скорее уже не что, а кто.

Очень трудно скрывать от рядового состава новости от которых кипит весь Интернет и общественность.

Мертвый.

Все сводится к нему.

Была ночь.

Третья сигарета, что обжигает глотку и легкие никотином.

И вдруг раздались выстрелы.

А мертвые начали вставать со своих мест.

Артем. Охранник. Морг(другой город, не Метовск)

Артем Стригов, он же Тема, он же Артемка, он же Темыч, он же Стриг, он же "эй, ты" изначально не боялся мертвецов. Не было обмороков и рвотных позывов при виде трупа любой степени сохранности. Бледное, будто восковое тело, усохший жмурик, старые кости или конкретный "конструктор", ровным слоем размазанный по разделочному столу патологоанатома — абсолютно и беспросветно похуй.

Не стоит бояться мертвых. Бояться нужно живых.

И Тема был достаточно умен, чтобы выбросить из черепа суеверия, бабаек под кроватью, гороскопы и приметы. Если нет железобетонных доказательств чего бы то ни было, значит этого нет. Или есть, но человеческая цивилизация до этой ереси еще не доросла и в ближайшее время лучше к ней не приближаться.

Вполне здоровый подход.

Особенно для сторожа морга.

Работа ночью и в месте где собрано критическое количество чьих-то останков довольно быстро делает из тебя законченного похуиста, либо окончательно доламывает психику, превращая в параноящее на каждом шагу нечто относительно человекообразное.

Что самое страшное в работе на кладбище?

Смотреть порнуху.

Почему?

Ну, а ты прикинь, спокойно наярываешь себе и вдруг приходит уведомление — "горячие цыпочки в 100 метрах от вас хотят ласки".

И да, за неполные три года работы здесь Стриг постепенно мутировал в ходячий сборник чернушных анекдотов, так или иначе завязанных на тему смерти и моргов.

Вообще, работа с трупами вполне неплохая альтернатива остальным отраслям медицины. Два самых прибыльных способа эксплуатации земли — это сортиры и кладбища. Блять, надо с этим завязывать. Уже не шутки вылетают, а суровая действительность.

А охранником вообще лафа — даже в чьих-то потрохах копать не надо. Да и особо напрягаться тоже — какой долбоеб решит ограбить морг? Сатанистов и некрофилов вроде как тут не водилось, а если и числились отдельные индивидуумы, то максимум на что они были способны — это всухую надрачивать на гуру-арты из Интернетов. Ебанутые.

Еще Артему нравился медперсонал.

Ему люто подфартило и большая часть контактирующих с ним на месте работы людей делилась на три типа — старые бабки-врачи, постоянно его чем-нибудь подкармливающие. Суровые парни/мужики с безысходностью в глазах — другие охранники, врачи мужского пола или студенты на практике. От них Стриг анекдотов и нахватался, вместе с привычкой вдыхать никотин. Ну и самый любимый — студенточки. Не студентки, а именно студенточки, по другому называть их язык не поворачивался.

Артем прикатил в город из села.

Глухого, дремучего и прямо села, с коровами, курами и детскими палочными пострелушками на выпасе, чередуемые с облепливанием своими тушками махин тракторов. И в городских леди ему нравилась ровно одна вещь. Как назвать ее одним словом Артем не знал, но, побывав в разных частях страны, поддавшись зову приключений, пришел к выводу, что эта черта прямо пропорциональна густонаселенности населенного пункта, да, вот такой

каламбур. В той же Москве или Питере эта характеристика выкручена на максимум и похоже окончательно забыла о педали тормоза.

И нет, речь не о презрительно-высокомерных взглядах или высказываниях в сторону деревенщины, ввалившегося в "не резиновую" в обнимку с выходцами из Средней Азии и Дальнего Востока. Скорее... сказочность.

Такие люди бывают и в хуторах, но их заметно меньше. И среди городских подобные личности выделяются цветастыми попугаями на фоне кладбищенских ворон. Парадигма бытия Артема и большей части его знакомых строилась на том, что как таковых перспектив дальнейшего существования не сказать, что очень много. Несправедливость, нищета, алкоголизм, наркомания, повальная морально-нравственная деградация, расслоение общества и тому подобное. Друзья Стрига предпочли остаться там где и выросли, ибо, кому они нужны в столице? Некоторые туда мотались и обломали зубы об классовую неспособность прижиться в настолько быстром темпе жизни с постоянно мелькающим круговоротом новых лиц и дел.

А коренные... Артем знал, что точно не умрет долларовым миллионером, знал, что все у него в жизни будет плохо, если он не выгрызет у нее место под солнцем, знал, что рано или поздно умрут его родители, знал, что сам не надолго их переживет, знал, что существует опасно высокая вероятность спиться, сторчаться или повеситься. Жизнь — это исполинская куча говна, размазанная по высокоскоростном шоссе, а мы в ней копошащиеся глисты. Ты можешь идти по трупам, стать королем всех глистов, но по факту ты все так же живешь в говне и колесо любой тачки, что будет проезжать мимо может перетереть тебя в пыль, даже этого не заметив.

А тут ему удивительно часто начинают попадаться, скажем так, оптимисты.

Они верят, что все у них будет хорошо.

И деньги у них будут.

И здоровье.

И бизнес.

И крепкая семья.

И куча детей, которые не будут ни в чем нуждаться.

И работать до отключки не надо будет, лежи себе и отдыхай, получая неплохой барыш.

Все, одним словом, у них будет в шоколаде, даже напрягаться особо не надо. И если не нужно ничего делать, так почему бы не предаваться всем доступным благам молодости?

И это были не золотые мажорчики, а вполне себе выходцы из среднего класса.

Угадайте в ком подобной ветрености было по самые брови?

Студенточки.

В селе было слишком мало людей, каждый знал других в лицо, а посему опция "секс без обязательств" там отсутствовала, как данность.

К чему было это затянувшееся вступление?

Да хер его знает.

Итак, наша новая постоянная рубрика — насколько сильно удивился Артем, когда вернувшись для второго раунда с горячей стройной блондинкой, внезапно обнаружил, что ее потроха доедает чертов гуль?

Внимание, правильный ответ — он конкретно так охуел.

Глава 24. Свобода... Долг... идеи разные, но все одинаково ничтожные пред мощью Монолита!

Истинное Добро, прям настоящее, чистокровное и незамутненное — это когда на зло ты отвечаешь еще большим добром, чтобы показать этому человеку, что ты не такой и не придерживаешься догмата "кровь за кровь, смерть за смерть". Но это работает, в большинстве своем, только в ванильных цитатах и черепах молодых идеалистов, которым украшенным металлическими набойками берцем Судьбы еще не прилетало с разворота точно в морду, разбив губы, выбив зубы, сломав нос, помутнив сознание и вогнав осколки розовых очков в слезящиеся от боли и разочарования глазницы.

Безвольные Зомби — Смиренные Зомби — Верные Зомби — Послушные Зомби — Исполнительные Зомби — Трудолюбивые Зомби — Зомби-Клятвенники — Зомби-Слуги.

Примерно так выглядит схема развития моих наиболее многочисленных юнитов. На этапе Зомби-Слуги, если не сворачивать в сторону боевых характеристик, постепенно переводя их в категорию Зомби-Стражник, не углубляться в разнообразие каждой из модифицируемых некроконструкций, то получится более или менее автономный суррогат Искусственного Интеллекта с широким ассортиментом команд, возможностей и навыков в самостоятельное выполнение поставленных задач без подробного инструктажа. Согласитесь, довольно неплохо?

Рекруты, приставленные к Молодому, одному из Умертвий, телеграфируют о движении в лесу. Упыри, что для декоративного антуража разбросаны перед "воротами" в крови и грязи хладными трупами, плавно переходят из спящего режима в полуактивный с возможностью в кратчайшие сроки ввязаться в жесточайший замес со всем и вся.

Автомобильная колонна.

С десятков малолитражек, ведомых монстром Франкенштейна от мира АвтоВАЗ-а — забранный тентом кузов от вполне стандартной грузовой газели, приваренный к передней половине серой "буханки", что скалится чужим радиатором с выбитыми фарами и неизвестно как приваренной красной дверцей от "семерки", плюс, мощные колеса внедорожника на неродной подвеске. Я даже думать не хочу о том, как и зачем подобное появилось на свет. Набор автопарка довольно неплохой, помимо сшитого из разных запчастей грузовичка, в центре построения подпрыгивает на ухабах ГАЗ-66, оно же "шишига", с открытым кузовом, в котором на деревянных ящиках смолят самокрутки мрачные мужички при стволах. Из легковушек особого внимания заслуживал лишь чернявый "паджеро" в довольно неплохом состоянии, все остальное — отечественный металлолом, пара "япошек" качеством поуже и перегнанные через границу немецкие жестянки.

Ветераны, под чутким руководством Мента, второго Умертвия, выбираются из домов. У новичков в основном топоры, ножи, охотничьи ружья и пистолеты, а у опытных ребят, с которыми я работал после модернизации своего основного ударного ядра в виде Костяна, Рокера и Боксера, козыряли автоматами и бронежилетами, большую часть из которых привез мой самопровозглашенный апостол, чья паства сняла эту снаряду с хладных трупов. И да, парочку мертвецов они так же доставили ко мне.

Зомби в отличном состоянии, так-то я занимался их начинкой, плюс долепил пару

косметически-декоративных изменений. Это Костян с братией теперь щеголяют шипованным обвесом, а рядовой состав выглядит как довольно худощавые и бледноватые личности с минимум эмоций, проступающих на лицевых костях черепа.

Предводитель автомобильной стаи скрежетнул тормозными колодками.

Люди вроде как относительно тертые. В большинстве, дети и женщины, вперемешку с мужчинами, которые из оружия держали только канцелярские ножи, но боевой костяк виден — около десяти-пятнадцати человек, от двадцати до пятидесяти лет. Снаряжение практически идентично рекрутам. В машины загрузились пачками в обнимку с припасами и всем, что попало под руку — деньги, документы, одежда, оружие и прочее.

На радиаторах и бортах колымаг вмятины, царапины от когтей, пополам с кровавыми потеками.

Вылезший из "Франкенштейна" кряжистый бородач с бритым наголо черепом, подняв пустые руки вверх, делает осторожный шаг по направлению к нам. Боевой нож и АПС на широком солдатском поясе, камуфляжные штаны городской расцветки, легкий бронежилет и темная брезентовая куртка.

Повинуясь моей воле, строй новичков, стеной перегородивший ошетилившийся пока еще жидкими баррикадами узкий зазор между стенами, раздвигается в стороны. Да, ресурсов не хватило на нормальное подобие ворот и вообще, я не механик и не электрик. Заграждения из отвесного рва, земляного вала, на вершине которого в человеческий рост стена из металлолома, бетона, кирпичей, шлакоблоков и листов металла — тоже довольно неплохо, чай не Москва, где в пределах МКАД-а можно трехэтажный замок построить из стоящих в пробках автомобилей. Так что колья из заостренной арматуры и "противотанковые ежи" из того же материала смотрелись довольно неплохо, для полноты картины доукомплектованные моими слугами.

Молодой и двое ветеранов выходят наружу. АКМ, бронежилеты и армейская форма, мои орлы выглядят куда лучше на фоне городской голытьбы. Надо бы эмблему какую-нибудь с нашивками сделать. Стволы равнодушно смотрят в просохшую, растрескавшуюся землю. Но с предохранителей сняты — автоматическая стрельба.

Немного времени и умертвие рядом с фургоном, зомби чуть позади, пальцы на курках. Вроде неплохо отыгрываем роль параноидальных детей рассвета апокалипсиса.

Молодой молчит, предоставляя бородатому возможность говорить первым. Чуть помявшись, последний зачастил:

— Меня зовут Федор, мы простые люди и пришли с миром. В городах начинается ад, мертвые убивают живых. Мы шли туда, где меньше людей. С нами жены и дети. Мы...

Он старательно пытался казаться, хотя бы самому себе, более или менее уверенным. Но сбивчивая речевка и нервные взгляды на новехонькие калашы выдавали его с головой. Да, возможно, он служил или увлекался охотой, но... по моим исчислениям было отлично видно, что они готовы в любой момент всадить очередь в каждого из пришедших или вовсе забить голыми руками, чтобы не тратить патроны.

— Вам нужно укрытие? — Федор едва заметно вздрагивает от тембра голоса умертвия, чьими устами в данный момент говорил я.

— Да, у нас есть механики и стрелки...

Внимание, вопрос, загнать их в Купчино и положить силами упырей? Внезапность, помноженная на неопытность гражданских и откровенно хромающую амуницию, позволят заpastись материалом для дальнейших изыскательств на относительно продолжительный

срок. Хм... а почему бы мне не поиграть в здоровое общество?

— Мы предоставим жилье, защиту и еду взамен на вашу работу и верность. Условия приемлемые, с нормальным графиком, все сосредоточенно на выживании и убийстве монстров, — кивок в сторону "труса", — правила простые, цивилизованные. За убийство человека, саботаж, предательство или диверсию — расстрел. Обязанности наравне с остальными — рейды за припасами, запчастями и другими выжившими. Вопросы?

Чувачок заметно напрягся на моменте с расстрелом, как и его кореша в тачке, что прекрасно слышали весь диалог.

А еще их конкретно так поколебал бесконечный фатализм смысла сказанного. Сейчас перед ними группа вооруженных до зубов ублюдков, которые полностью и безоговорочно смирились с тем, что прежним мир уже не станет, как бы не пыжилась армия, полиция и отморозки, которым повезло запасть смертоубийственными прибрлудами и крепостью яиц, чтобы промышлять отстрелом живых мертвецов.

Но какой у них выбор?

— А расстрел...

— Один человек сошел с ума и из-за него погибли шестеро, обратились. Мы не повторяем ошибок, — вроде правдоподобно получилось.

Я буквально слышал треск разрываемого в их головах шаблона.

Они еще не привыкли к стремительно изменившимся реалиям.

Гуманизм, мораль и справедливость остались в прошлом — есть лишь слово Мертвого бога. То есть меня.

— С детьми и женщинами, как?

— Работают все, в пределах своих возможностей. Сверх меры не грузим, не гнобим и не эксплуатируем. Пока в конфликты с другими не вступали, если вас это интересует.

— Нас все устраивает.

— Тогда заезжайте, Мент подробнее ознакомит вас с правилами.

Умертвие развернулось и зашагало к воротам вместе с ветеранами. Рекруты уже растаскивали часть заграждений, давая возможность пройти машинам.

Люди въезжали под чуткими взорами автоматов часовых на "башенках", если так можно было назвать раскуроченные кузова автомобилей, водруженные на "стену"..

Ну и чтобы подыграть...

Один из замаскированных упырей, недвижимо лежащий под толстым маскировочным халатом земли и ветоши, срывается в спринт. Цель — хвост колонны, уже на половину вошедшей в пределы Купчино. Звон выбитого стекла. Когтистая лапа раздирает обшивку сидений, тянется к вопящей девушке, прижавшей к себе десятилетних близнецов — мальчика и девочку. Водила от испуга выворачивает баранку куда-то влево, пассажир на переднем сидении пытается выхватить древнего "Ярыгина" трясущимися руками.

Новоприбывшие не успели среагировать.

Сдвоенный лай автоматов.

Черная кровь брызжет на борт автомобиля. Шипит, пенится.

Молодой рядом с выгрузившимся Федором и его долговязым подручным, Сеней, мрачно сплевывает на землю:

— Воскресают, суки.

— И часто... это? — у помощника дрожит голос.

— Периодично, — пожимает плечами умертвие, — сталкивались с упырями?

— Видели мельком, — отвечает уже Федя, — один трех человек порвал.

— Эти уроды стаей роту на ленточки покрошат. А появится вурдалак, так с пулемета нужно гасить.

— Вурдалак?

Так-то да, сородичей Костяна еще нет. Упыри расползаются по области пока только путем слюнообмена тех, кого мы настрогали перед отъездом в Купчино и наиболее хорошо сохранившимися трупами. Пока еще редкость, в отличии от Голодных. Но скоро... очень скоро тут будет крайне весело. Каково приблизительное количество заключенных в этой стране? Хрен его знает, но полмиллиона точно наскребется. А упыри вылезают из трупов преступников. Пояснение общей мысли требуется?

— Такая же тварь, только больше и страшней.

— И вы...

— Одного вальнули, он со стаей пришел. Живучий, гандон. Мент!

— Я, — мое творение возникает рядом.

— Объясни правила приедем. Я втолкую парням, что делать, а что нет.

— Понял.

Вообще, это было довольно странно.

Впитывать своим мозговым веществом информацию, в режиме нон-стоп поступающую из десятков пар глаз и ушей. Я говорил разные слова несколькими ртами и совершал разные действия разными телами. Вот оно истинное мастерство некромантии, когда твои создания становятся продолжением твоих дланей. Я загнал свою физическую оболочку, сокрытую в подвале одного из домов, в полукоматозное состояние, сведя к минимуму общую активность в некромантическом спектре. По сути да, я заснул. И сном моим были мертвецы.

— Те из вас, кто может завалить, хотя бы Голодного, становится рекрутом, это как те парни у стен. Те кто нет, идут к гражданским. Ветераны — это элита. Они могут отдавать приказы и вы должны их выполнять, так же как мои, Молодого и Старшего. Но приказы без перегибов, так что ноль проблем, только по делу. Не борзеть и не выебываться. Из того, что категорически нельзя — бухать, драться, спать на посту, воровать, убивать, сливать инфу, ни хуя не делать и жрать в три горла, не слушать меня, Молодого и Старшего, и по мелочи. Наказание от урезания пайка, до изгнания или расстрела. Самые ущербные из ваших тачек разберем, Молодой говорил, что у вас механик есть.

— Да.

— Смотрел "Безумного Макса"?

— Нет.

— Я смотрел, — вскинулся Сеня.

— Вот и молодец, машины под них переделаем, скоро без такого даже за хлебом съездить не получится. Возражения?

— Ноль претензий, все понимаем.

— Ваше оружие остается при вас, но пользоваться им в лагере можно только на учениях или против мертвяков. Наши стволы нужно заслужить. Любой из гражданских может стать рекрутом, но после проверки на что он способен. Распределением обязанностей занимается Старший.

— Прошу прощения, со Старшим понятно, а Голодный — это?..

— Мертвяк, чуть круче Безвольного, но слабее упыря. Что Мертвого не смотрите?

— Кого?

— Ну это, типа, новый бог этого мира.

Не, ну, а почему бы и да? Вера смертных укрепляет меня.

Настройки игры выбраны максимально хардкорными.

Сколько сейчас людей на земном шарике? Уже перевалили за отметку в десять миллиардов? Нужно больше крови, смерти и кровякишкираспидорасило. Думаете все остановится на одной лишь нежити? Хуй там плавал. Прибудут демоны и ангелы, если уже не прибыли, шустрые ублюдки. Будет бойня и резня. Будет резкий всплеск рождаемости хомо сапиенсов с аномально быстрой скоростью взросления, несколько лет и текущий счетчик человеческих жизней удвоится, если не утроится. Но мы же Зло во плоти, а не погулять вышли, а посему конкретно так урежем итоговые цифры.

Первозданный Хаос придет в этот мир, воплотившись в невиданных тварях. Тысячи, десятки тысяч неописуемых монстров, приспособятся к расшатанной земной экосистеме и будут плодиться и размножаться. Сколопендры с перекошенными лицами младенцев, габаритами переваливающими за электричку, бабочки-убийцы-осьминоги размером с трамвай. И это я только наиболее лайтовых тварей назвал. Мне нужны собственные почитатели, последователи, как живые, так и мертвые.

Ибо без этого им не выжить, а мне не возвыситься.

Пора основать свой Монолит, с блэkdжеком и "S.T.A.L.K.E.R.".

Налейте наемникам полные чаши

Джон Харднер не мог назвать себя особо умным или удачливым. Но он умел убивать людей и этого вполне хватало для относительно сносной жизни.

Сын мелкого рыцаря с самых окраин славного Английского королевства, он с детства познал нужду и голод. Мать умерла при родах, а отца, входящего в свиту барона, часто вызывали из родного дома на поле брани — распоясавшиеся разбойничьи банды, совершающие налеты на торговцев, неутихающие склоки между молодыми баронетами с бурлящей кровью или очередная стычка с лягушатниками. Воспитанием Джона занимался верный друг Ричарда Харднера — Одноглазый Билл, что потерял глаз в пьяной сваре матросни и ногу на изрытой копытами коней земле Франции, отстояв честь короля и знати, ценой своей крови и жизнями сыновей. Билл был все еще бодр и полон сил, хоть его срок жизни и приближался к рубежу сорока зим, почти что старик.

Он научил Джона драться и убивать.

Стрелой, кулаком, топором, копьем и мечом.

Однажды Ричард снова откликнулся на зов барона. Спустя три месяца гонцы принесли весть, что он умер от проказы и предан чужой земле вместе с братьями по оружию.

Джону в то время исполнилось шестнадцать весен — возраст взрослого мужчины, когда ему пора взять в руку клинок или возложить ее на белую грудь будущей жены, что понесет ему наследников. Но послевоенная смута кованым сапогом вышибла его из родного поместья. Дома челяди сгорели дотла, а Билла и остальных повесили на воротах. Соседи вернули кровный долг за пограбленные села.

У Харднера не осталось крова и владений, лишь кольчуга и клинок.

И ненависть.

Один человек не имеет силы и власти.

Если, конечно, им не движет что-то темное, жуткое и зловещее, засевшее в подкорке мозга. Ярость, месть и жажда крови. Епископы и святые отцы проповедуют о пути Господа, о смирении, о второй щеке и очищении души от грехов. Но... времена меняются и прежде нерушимые идеалы рассыпаются невесомым прахом. Первого священника Джон прирезал спустя полтора месяца после пожара. Голая глыба жира на койке дрянного трактира, эти обвисшие тела насквозь провоняли дрянным пойлом и грязными чреслами блудницы, что согревала ему одеяло.

Ночь.

Луна.

Звезды.

Кинжал.

Они умерли быстро, безболезненно и не издав ни звука.

Спустя три дня к Божьему Суду преставился и молодой барон, не так давно занявший место своего отца. Убивать тех, кто считает себя неуязвимым за щитом денег и власти, порой даже легче, чем отнимать жизнь у полудохлых помойных крыс, вцепившихся в нее всеми лапами.

Долги розданы.

Дом сожжен.

Друзья мертвы.

Джона ничто больше не удерживает в пределах Англии.

Ударится в разбой на большой дороге?

Пойти на службу королю?

Пожалуй, он попытает счастья на чужих берегах. Возможно даже, припадет к костям своего пращура.

Харднеру повезло.

Его Величество и Их Сиятельства вновь затевали свару из-за пустяка, служащего лишь показушным поводом для попытки отгрызть лоскут чужой земли.

Одна из лучших валют всех времен и народов — люди, которые умеют убивать и калечить.

Его взяли в наемничью роту.

Были битвы, были стычки и были попойки.

Было много веселья о захваченной добыче и скорби по падшим.

Бойцы приходили из ниоткуда и уходили в кровавую грязь, что простирается до самого горизонта, перечерченного столбами жирного дыма от сожженных городов и деревень. У каждого была своя история и одинаковая смерть. Не важно в каком обличии она приходила — голод, стрела, клинок или болезнь. Наемники очень редко умирают в своих постелях и зачастую от кинжала убийцы, а не счастливой и обеспеченной старости. Деньги туманят рассудок и сами собой превращаются в выпивку и шлюх, покуда ты вновь не вернешься к тому, что у тебя есть лишь доспехи и оружие.

Была осада какого-то города.

Стрелы.

Крики.

Приказы.

Страх.

Ненависть.

Боль.

Все как и всегда.

Джон взбирается под дрожащей от его веса лестнице. Человек перед ним, кряжистый верзила с топором и примотанным к левому предплечью разрисованным щитом, уже на гребне стены, впрыгивая в гущу будущих трупов между обломанных зубцов бойниц. Топор вгрызается в чью-то шею, практически отделяя голову от тела.

Парень, лет семнадцати, с копьем на перевес.

Меч Харднера входит аккуратно ему под ребра. Одним движением вытащить его из трепыхающейся, агонизирующей и захлебывающейся кровью плоти. И внезапно осознать, что ты уже умер.

Джон не заметил смазанного росчерка тяжелой палицы.

Был удар.

Череп сминается выменем портовой шлюхи, хлюпает мозгом, кровью и студнем глазных яблок.

Боль.

Уже мертвое тело Харднера переваливается через каменное ограждение и летит вниз со стены.

Джон уже давно привык к смерти.

Жизнь наемника коротка и порой старуха с косой находится рядом с тобой слишком

большое количество времени, ожидая подходящего момента. Ей надоедает, что ты все не умеряешь. Никто не любит слишком везучих.

Он плыл во тьме. Непроглядной, густой и бездонной.

И он услышал голос. Точнее четыре голоса.

Боги предложили ему выбор.

И Джон выбрал то, что нравилось ему больше всего.

Покой.

Он вновь плыл во тьме. Убаюкиваемый шелестом ее незримых и неосязаемых волн, он уснул, надеясь больше никогда не проснуться, грезя греющими душу обрывками воспоминаний о тех временах, когда все было хорошо.

Но вдруг, спустя день или несколько столетий, тьма чуть расступилась, открывая его взору горизонты новой жизни.

Он был мертв.

Но это не мешает ему убивать.

Глава 25. Монолит здесь, среди нас

Разврат, блять. Фу, нахуй, звенящая пошлость. Понатыкали своих сисек и хуев на сраный танк. НА ТАНК, БЛЯТЬ! Вы в край ебанулись? Не, я, конечно, подрочу, но осуждающе.

— Нар Отец Монстров, Избранные Изречения

— Видишь? Вот это вурдалак, а это уже Голодный.

— Бля.

— Вот именно.

Мент затягивается найденной где-то в квартирах сигаретой. Ментоловая, да и с капсулой в фильтре, что после нажатия выблевывает тебе на язык никотин вперемешку с еще более отвратительными на вкус химикатами. Но умертвию так-то похер. Он, как и Безвольные, дышит лишь для вида.

Рекруты из числа новобранцев сноровисто машут топорами и отстреливают выданные цинки боеприпасов.

Каждый из них неплохо так подсократил популяцию мертвяков, тела которых ныне покоятся в разделочной Старшего, сухощавого деда, коего я выбрал, как номинального владыку близлежащих земель. Но мы-то все прекрасно понимаем, кому на самом деле принадлежат души этих людей. Некромантия вьет гнезда в трупах и краем своего погребального савана цепляется за умы тех, кому еще не удалось познать счастье смерти. Не его атрибутов в виде гниющего скафандра из слабой плоти, не слезы на глазах и не рассыпающиеся в ничто воспоминания о былых делах, а тот тонкий момент, когда человеческая суть отлетает в Чертоги Четверых.

Мозг начинает медленно вскипать от подобных вывертов. Это сложно. Мои слуги не настолько хороши, чтобы сами, без моего контроля могли бы мимикрировать под среднестатистических живых людей. Часть моего разума только тем и занимается, что держит в тонусе моделируемые поведенческие алгоритмы работы живых мертвецов. Упыри и Костян вместе с Рокером и Боксером, ставшими полноценными вурдалаками, почти полностью обесточиваются от моего пылающего в грудной клетке пламенем Смерти Дара некроманта. Анабиоз.

Смертные влились в наш коллектив довольно неплохо. Следы от бойни мы убрали, база обустроена, относительно укреплена и есть нормальное количество оружия — чего им опасаться? Мент и Молодой... точнее части моей личности, что управляя ими старательно отыгрывали разных людей, поделили обязанности между своими подразделениями и живыми юнитами. Будто в куклы играю...

Организовали стрельбище и учебный плац.

Рукопашка, физподготовка и освоение огнестрельного оружия. Вытащили все съестное из квартир, замутили склад в одной из квартир первого этажа, приставив к нему двух ветеранов. Остальные старички либо отдыхают, либо патрулируют внутренний периметр. За стены пока не лезем, по крайней мере большими группами. Небольшие отряды из новообразованного подразделения немертвых рейдеров, колесят в пределах ближайших десятков километров, время от времени срываясь в более глубокие выходы. Тащим в кузовах

тачек все, что только можно — медикоменты, стройматериалы, оружие, одежду. В такие моменты, активирую парочку упырей, доукомплектовывая бойцов убойной единицей ближнего боя. Кто упрекнет группу боевиков в том, что они просто смародерили хабар со зверски расчлененных нежитью тел? Командующему отрядом, то есть "офицеру", чьи мозговычислительные характеристики временно повышены и на процессор которого завязана координация действий рядовых членов разведывательно-фуражирной, иногда отправляется за поживой с зачаточными семенами некротических сгустков гулей, вшитых в его плоть. Несколько трупов и фигура, стоящая над ними, из-под ногтей которой срываются тяжелые капли крови, довольно жуткое зрелище. Какое-то время спустя по лесам и проселкам шатается Подземный Гуль, держа окружающий мирняк в тонусе. Одни плюсы.

Из-за агрессивного маркетинга и подобных приемчиков к нам стекается все больше беженцев, прослышавших об укрепленном аванпосте, что сдерживает алчущих плоти созданий. Как я и говорил, мелкие поселения разделяются на три типа — первые умирают, вскоре пополняя ряды мертвых, вторые укрепляются, ошетинившись во все стороны подручными предметами, а третьи срываются с места, здраво рассудив, что как-то в западло быть загрызенным в собственном сортире, вот в чужом — это уже совсем другой разговор.

Через какое-то время смертных будет тупо некуда селить. А перестройка укреплений — процесс далеко не быстрый. Есть, конечно, пара идей... но как отнесутся мои живые последователи, когда я зарежу с десятков их братьев, сыновей или отцов, дабы из их еще свежих тел попытаться создать кадавра по профилю, аналогичного экскаватору?

Мой пророк с несколькими ближайшими подручными, повинувшись мысленному приказу, прикатил в Купчино, в который раз свалив своих вассалов на Нефора, чьи Красноголовые уже представляли довольно серьезную опасность для неподготовленных формирований — примерно на уровне сомалийских пиратов или кубинских партизан. Все чаще в головах этого ответвления церкви Мертвого мелькают мыслишки о сращении религии с всегда актуальными идеями анархизма. Нет никакой власти, кроме Темных богов. А ведь неплохо же звучит?

В особо жестоких делишках общественностью отец Анатолий замечен не был, тем более на фоне жестяка, который творили ребята Глиста, так что он вполне себе влился в наши ряды. Его навык к управлению мертвецами, помноженный на мои ролики и предельно прозрачные намеки среди ветеранов знатно поколебали уверенность большинства обывателей в том, что они хоть что-то понимают в реалиях апокалипсиса.

Согласитесь, когда относительно харизматичный человек в силах чудодейственным способом избавить тебя от верной гибели, логического объяснения которой ты попросту не в силах найти, и за это просит лишь верность Мертвому богу... так устроена человеческая психология. Большинству обывателей просто нужен свой поводырь, кто решит все за них. И плевать этой толпе, что среди них полно тех, кто сам был бы непротив выбирать свою судьбу. Грани и рамки размываются. Мнение одиночки не играет ровным счетом ничего, если он не в силах положить с десятков мертвецов. Да и к тому же... вы смотрели социальные эксперименты на YouTube-е? Люди — глубоко стайные животные, большая часть поведенческих характеристик которых на прямую зависит от вроде как подавленных цивилизованностью инстинктов.

Сколько нужно времени среднестатистическому homo sapiens-у, чтобы сожрать своего друга, дабы не загнуться от голода? Как ничтожно мало требуется для того, чтобы ты взбирался к свету спасения по трупам своих горячо любимых детей, супругов и

родственников? Как легко находятся козлы отпущения, которые не при делах от слова "совсем"? Как просто люди начинают ненавидеть по-настоящему хороших личностей и буквально боготворят конченных ублюдков?

А вы тут собрались удивляться полуфанатичному культу во время нашествия зомби, которым руководит чувак со сверхъестественными способностями.

Некоторые из пришлых дистанцировались от осторожных проповедей и душевных разговоров, но не уходили, просто потому что ну куда? Под стенами гули пачками шаробятся, а из городов только и слышны панические выкрики о появлении новой неведомой твари, которую в душе не ебут как возвращать в грязь могилы. Но не стоит считать, что речи о Мертвом пролетают мимо их ушных раковин.

Вожак неумолимо продвигается к закупоренной в своем панцире Москве. Пока что он добрался лишь до окраинных окраин Архангельска, но мы в него верим. Глист перекинул удавку висельника своей деспотии на соседние районы и поселения. Некоторые паханы сами идут под его руку, увидев эффект Игл Смерти. Среди полуразобщенного криминального формирования, постепенно мутирующего в аналог военной структуры, затесались проповедники Анатолия. "Крестный отец" не возражал — не в его положении отказывать своему богу. Метод кнута и пряника — одно из величайших изобретений человечества, наряду с молотком и изолентой.

Я не забрал его жалкую и ничтожную жизнь овощеподобной срамной ошибки эволюции. Я дал ему силу, что возвела его на новую ступень иерархии преступного мира. Он почти что король, способный отнимать жизнь без оружия, одним взглядом и это дико повышает его авторитет. Я частично слился с его разумом и передал знание Укрепления Смертью вместе с некоторыми инструкциями. Спустя пять трупов и прядью седых волос он обзавелся руной защиты на всю грудь и причудливой вязью знаков поменьше, змеящихся вдоль предплечий. Аналог черномAGICеского бронезилета никогда не будет лишним.

И я же могу его убить.

Обращение дает очень большой простор для воображения, когда твою силу подпитывает вера искренне взывающих к тебе смертных. Я мог заставить его сердце остановиться, вскипятить кровь, взорвать череп, я мог делать с его жалким живым телом все что захочу и он об этом знает. Он знает, что вот эта власть, влияние, сила, деньги, наркотики, шлюхи и бухло появилось у него только благодаря мне и я же могу превратить его в пускающий слюну кусок мяса, который с удовольствием разорвут на части его же приближенные, прознав о падении тирана.

Карманный главарь банды поехавших беспредельщиков — это, скажу я вам, довольно серьезная заявочка.

Мое детище развивалось быстро, бурно. Хм... похоже демоны или иже с ними уже в нашем мире. Действие Кровавого Ливня работает прямо пропорционально входящему импульсу. Чем больше пришельцев прибыло в этот полузакрытый мирок, тем сильнее становятся его мертвые обитатели, дабы получить шанс отстоять свое по праву.

Интернет, хвала недавно изобретенной сети спутников, будет функционировать еще около двадцати лет, даже после того как вся поверхность планеты Земля превратится в спекшееся стекло, так что можно вдоволь потешить раздувшееся эго последними сводками.

Юг Африки кошмарят Полуночники. Лаборатория корейцев, что изучали яйца небезызвестной Чон Су ныне представляет собой сплошной некрополь. В Египте уже провели пару человеческих жертвоприношений. Эфиопия начала войну с Сомали или

Сирией. Или Афганистаном. Или всей Азией. Самый главный эфиоп чутка потек чердаком после того, как Погребенный-И-Восставший замочил всю его охрану, семью и соседей, а посему как-то трудно предсказать дальнейший вектор его политической деятельности. Западное побережье Америки раздирают пока еще редкие очаги стай Утопленников, что явились с волнами прилива. В Красных Штатах разгораются религиозные войны, последователи исковерканного и извращенного ответвления чтецов Библии, топящих за пришествие всадников Апокалипсиса, схлестнулись со спонтанно зародившимся культом... имени меня. Я теперь персоне нон-гранта во всех масс-медиа и законодательствах большей части стран. Люди молят меня о спасении и порой это происходит, ибо твари ночи, почувствовав отпечаток моей ауры, сквозящей в воздухе при воздаяниях Мертвому богу, отступают.

Вера в меня крепнет и это придает мне сил.

По ТВ крутят репортажи и интервью, больше напоминающие тот самый замес мочи с говном. Все как всегда — одни говорят, что все в ажуре, а другие оптимистично заявляют, что мы все умрем.

Количество нежити по соотношению с населением мира ничтожно мала, но информационный эффект они произвели круче, чем одиннадцатое сентября. Шутка ли, чертовы мертвецы, зомби, мать их, ходят среди живых. Мелькала пара роликов от чуваков, конкретно так фанатеющих по зомби-тематике, и кустарно ампутировавших себе конечности после тесного знакомства с зубами Голодных или Безвольных. Похвальный энтузиазм, но помимо стандартного комплекта осложнений, идущего с обычными укусами всевозможного зверья, осложнений не возникло бы — не тот вид мертвяков.

Во Франции и Италии происходят массовые беспорядки. Эмигранты и нелегалы, подначиваемые ячейками радикалов всех видов и мастей, жгут машины, разносят витрины магазинов, избивают мирных граждан и пересчитывают с полицией друг другу кости.

Ватикан в поддержке с родственными конфессиями корабельной сиреной вопит во все рупоры — мощи святых зашевелились!

Мексиканские наркокартели делают робкие попытки к объединению своих сил после смертельной "стрелки" с одним немертвым парнем с лезвиями вместо рук и занимательным фактом, что в ходе насильственной смерти мертвые встают быстрее и сильнее. Белое Братство под флагом расовой чистоты мутит воду в большинстве тюрем, до которых только может дотянуться. Коза Ностра временами скатывается в откровенный и неприкрытый беспредел. Якудза и братва делят сферы влияния после недавних потрясений. Курс валют скачет только так. Сгорают акции, разоряются компании и обваливается финансовый рынок.

Любое глобальное событие так или иначе затрагивает почти что всех смертных, которым есть что терять. А предсказанный всеми кому не лень Конец Света вполне себе тянет на глобальный катаклизм.

Противостояние скинхэдов и "черных" вышло на новый уровень. Трупы уже исчисляются десятками и зачастую тела всех "позорящих своим существованием чистоту крови" находят обугленными горками костей в городских парках и лесополосе. Есть предположения, что помимо избиения, глумления, пыток, расправы по расовому и национальному признаку имели место быть некие языческие ритуалы.

В Колумбии вообще какой-то пиздец происходит, причем настолько лютый, что нет даже его относительно внятных описаний. Просто пиздец и все.

В Испании затоптанный быком мотодор восстал и пробил животине череп, дабы

высосать оттуда мозг.

В Аргентине все заебись.

В Бельгии молодой и слабый Поводырь Мертвых сколотил крошечную банду из недавно откинувшихся на тот свет дедов, дабы они обрезками труб забили до смерти трех человек.

В том самом "Черном Дельфине" гуль задрал двух охранников.

В лесах Англии пропадают люди. Порой находят их обглоданные кости и разможенные черепные коробки.

В нескольких отсталых странах произошла череда вооруженных государственных переворотов, сменивших автократию на диктатуру, а диктатуру на военную хунту.

В сибирских исправительно-трудовых колониях почти одновременно совершили самоубийство от трех до пяти заключенных. Ревенанты прибавили тюрьмам пару вакантных мест.

Хер пойми где, у хлипкого подростка во время его избиения ремнем сорвало башню и он придушил родителей этим же ремнем. После чего расчленил топором поднявшихся из них Безвольных.

Школьный стрелок с многозарядным карабином, наверное, очень удивился, когда войдя в класс, собираясь показать всем старое доброе ультранасилие во всей его кровавой, извращенной красе, его сзади схватили руки вроде как мертвого охранника, нашедшего покой на полу с четырьмя входными отверстиями в грудной клетке под расплывающимися на форме красными пятнами.

Где-то неподалеку от Подмосковья в аудиторию университета вломился Голодный. Один из студентов не растерялся и браво сломал ему шею стулом, а потом еще раз не растерялся и браво почикал половину своих сокурсников складным ножиком, ибо пришла эпоха хаоса и правил больше не существует. Шесть трупов без учета мертвяка и препода.

Берлинского педофила живьем сожрали его же жертвы.

В Челябинске найдены двое зарезанных бомжей на территории заброшенного склада. По неподтвержденным данным на их телах была вырезана надпись: "Ничто не истина — все дозволено."

В Астане ведется расследование о пропаже семи первоклассников.

Конфликт Израиля и Палестины начинает набирать новые обороты.

Горячие парни из наиболее агрессивных и презираемых остальными мусульманами за жестокость и очернение страниц Корана ответвлений ислама объявили Джихад.

Организована преступная группировка "Череп", состоящая из сирот, беспризорников и трудных подростков, что бежали из приюта, воспользовавшись нападением малой стаи гулей. В приблизительной области их обитания заявлено о двадцати трех кражах, семи вооруженных налетах, двух убийствах и шести изнасилованиях.

Обдолбанный наркоман зарезал двух мужчин и беременную женщину.

В пределах юго-востока блока НАТО все чаще начинают попадаться кровавые надписи на стенах о гневе Мертвого бога, о Кровавом Ливне и пришествии Судного Дня. Этими же неустановленными злоумышленниками ведется агрессивная пропаганда в доступных средствах массовой информации и социальных сетях. Есть подозрения в как минимум пяти трупах и двух терактах с жертвами. Шантажируемые издатели и журналисты без остановки штампуют новые выпуски газет с кричащими заголовками о том, что лишь Мертвый бог спасет наши жалкие жизни.

Работе правоохранительных органов оказывают все большее сопротивление.

В некоторых местах введено чрезвычайное положение. задействована национальная гвардия и элитные подразделения специального назначения.

Вампир-педераст изнасиловал девять байкеров ради оргазма.

Говночист задушил сорок восемь шлюх.

Колдун-спидоносец изнасиловал сто двадцать туристок для создания высшей расы.

Хотя последние три новости это уже вырезки из желтушной прессы и имеют мало общего с реальностью.

Но найдутся и те, кто в это поверит.

Акулы плавники и какой-то hijo de puta

Андресс работал ловцом акул уже около двадцати лет и по привычке ко всякому mierda.

Акулы, живьем и относительно целыми тушами, их мясо и плавники стоят достаточно дорого. И всегда есть группа смельчаков, что готова пойти на любой риск.

Были штормы.

Были терки с bastardo-законниками и контрабандистами, шныряющими по наиболее богатыми угольями.

Были порванные рыболовные тралы и обломанные крюки.

Была скользкая палуба и было томительно-долгое, растянувшееся в разуме до непростительного длинного, падение к никогда не замирающей темно-синей глади.

Был нож и была tiburón. Один на один в соленой воде. И акула эта, исполосованная шрамами, страшная, клыкастая и матерая была далеко не той, что позволит богатеньким аквалангистам-мауог себя погладить по шкуре, больше напоминающей на ощупь наждак. За ней развивается кровавый шлейф от зацепившего лишь вскользь гарпуна. В треугольных клыках, идеально подходящих для того, чтобы рвать плоть, еще видны ошметки приманки. Это идеальный хищник в своей среде обитания. Ужас океана. Нужно ли объяснять насколько опасно пытаться строить из себя дрессировщика пополам с asesino profesional?

Amistad уже швыряют ему сверху веревку.

Одновременно с чем живая торпеда срывается с места.

Это было es terrible, очень страшно.

Colmillos исчадия морской пучины успели отхватить ему два dedo, но... повезло бы чуть меньше и cadáver Андресса уже обгладывали на дне. la Virgen хранила его грешную душу. И чем он отвечал ей за доброту? Alcohol y putas?

Cuchillo расплосовал треугольную морду и вошел в ее глаз, холодный глаз carnívoro, вышедшего на охоту.

Он выжил.

Пригоршней cicatrices больше или меньше, не важно. важно, что он vivo и может дальше salir al mar.

Ожерелье из клыков той рыбины он не снимал даже в burdel. Постоянное напоминание о том, что он смертен, как и все люди.

Но это...

Это выбивалось из привычной картины мира. Причем слишком сильно, чтобы списать на помутнение рассудка расплавившегося под прямыми лучами знойного Soles.

У этого было тело молодой gran tiburón blanco. Вытянутая морда cocodrilo, с идущими внахлест черными пластинками чешуи и роговыми наростами. Его ojera... они были цвета свежепролитой крови, крошечные точки в бездонных провалах глазниц. И мокрые patas de perro наполовину сросшиеся с передними плавниками.

Оно кружило вокруг их лодки, издавая низкие утробные звуки, пробирающие до самых huesos.

И самым страшным было, что ему ответили.

Один.

Два.

Три.

Семь идентичных голосов с разных сторон.

Что это за herejía?

Примечание автора:

Переведено на испанский Googl-ом, так что возможны косяки.

hijo de puta — долбоеб

tiburón — акула

bastardo — ублюдок

mierda — дерьмо/хуй/срань, да, я перебирал

mayor — мажор

asesino profesional — профессиональный убийца

amistad — друзья

es terrible — страшно

Colmillos — клыки

dedo — пальца

cadáver — труп

la Virgen — Дева Мария

Alcohol y putas? — бухлом и шлюхами?

Cuchillo — нож

carnívoro — хищника

cicatrices — шрамов

vivo — жив

salir al mar — выходить в море

burdel — борделе

Soles — Солнца

gran tiburón blanco — большой белой акулы

cocodrilo — крокодила

ojera — глаза

patas de perro — собачьи лапы

huesos — костей

herejía — ересь

Глава 26. Он смотрит на мир из ваших глаз...

— В чем главная разница между бедным и богатым?

— Никакой, кровь у всех одного цвета.

Нар Отец Монстров. Избранные Изречения

Стеклянное крошево хрустит под тяжелыми подошвами берцев.

Третий мог бы идти по месиву запекшейся крови, латунных гильз, осколков бетона и разбитых бутылок босиком. Боль не страшила его, ибо он не знал самого определения понятия "болевое ощущение". Он знал лишь, что "боль" ослабляет или наоборот усиливает смертных, которых он должен убивать. В зависимости от чего это работает его эквивалентное мозгу бродячей собаки сознание понять не могло, да и не особо хотело. Еще он знал, что если убьет достаточно много, то сможет впитывать боль порами своей кожи, становясь быстрее, сильнее, умнее и в разы опаснее.

На плечах сковывающий движения темный панцирь, в небольших полостях которого покоятся маленькие вытянутые коробочки, которые нужно вставлять в автомат, что он сейчас держит в руках, когда та коробочка, что сейчас находится в автомате закончится. Зачем это было нужно Третий не знал, он же не Первый и не настолько хорошо понимает мир. Он просто хочет убивать, а автомат не самое плохое средство для достижения подобных целей, пусть и не дает такого же удовольствия и внутреннего насыщения, как собственноручно вырванный кадык.

Смутное движение.

Переплетение хаотичных связок разрозненных мыслей и обрывков образов, составляющих саму внутреннюю суть Третьего, отодвигаются на задворки подкорки мозга, сменяясь полным контролем одного из алгоритмов Мертвого бога, завязанного на небьющемся сердце Первого.

Мертвец вскидывает АКМ, жмет на спусковой крючок.

Отдача бьет в плечо.

Короткая очередь скашивает живого. Пуля в грудь и две в живот.

Он еще жив.

Второй и Пятый вертят черепами.

Первый прикрывает.

Одиночка.

Третий уже рядом с умирающим куском мяса. Он хрипит и конвульсивно сокращает мышцы, захлебываясь собственной кровью от кусочка свинца, разворотившего часть его легких, расщепив кости ребра. Сухие губы, впалые щеки и пронзительные голубые глаза. Перекрестие прицела останавливается на изрезанном морщинами лбу. Выстрел. Тело перестает шевелиться.

Слишком мало крови и боли.

Третий хочет содрать плоть с его костей и запить это еще теплой водой жизни, что темными пятнами растекается по холодному бетону.

Но кто он такой чтобы перечить непререкаемому авторитету Мертвого бога, нависающего за плечами каждого воина Легиона? Дети Могил не прощают ошибок, плевать

жив ты или мертв, но воля посланника Темных богов будет исполнена. Чего бы это не стоило.

Другой Первый и другой Второй уже идут к ним.

Итого семь трупов за два часа, не самый плохой результат, особенно после бойни, учиненной выводком Костяна, что разогнала половину горожан.

— ГОРИТЕ В АДУ!!!

Он успевает лишь развернуть корпус на источник звука. Вспышка. Третьего безвольной куклой швыряет в сторону. Протаскивает по земле, обдирая одежду и кожу.

Выстрелы.

Третий уже на ногах.

Мертвецам плевать на содранную кожу, сломанные кости, растяжение мышц и вывихи. Это слегка мешает работе тела, но не затуманивает разум, сохраняя возможность мыслить все так же четко и рационально, обуздав порывы вцепиться кому-то в глотку.

Его зрачки еще не видят, роговица объята светом, сквозь пелену которого лишь просматриваются смутные силуэты и общие очертания окружения. Но Третий видит глазами Первого. Он видит себя и видит того, кто посмел бросить вызов сыновьям Мертвого.

Ливень низвергается с небосвода, затянутого кровавой пеной облаков. Багровые капли плевком бензина заставляют только начинающееся разгораться пламя вскинуться оголодавшим вурдалаком, перекидываясь на все и вся, что чисто гипотетически может сгореть.

Ориентируясь по чужим мыслям, Третий веером всаживает длинную очередь в предполагаемую сторону места дислокации еще одного куска мяса. Две пули входят в брюхо. Пистолет выпадает из пальцев и с лязгом падает на землю.

Живые слишком слабы, чтобы противостоять поступи мертвецов.

Плевки табельного пистолета Макарова так и остались не услышаны для слухового аппарата Третьего, фонащего белым шумом помех легкой контузии. Коленная чашечка, левая. Пуля превращает мениск в треснувший бублик, что покрывается тронутой гнилью глазурью черной крови, что не течет, а скорее прокисает в венах модернизированного Безвольного Зомби. Еще четыре кусочка металла бессильно расплющиваются об пластины бронежилета. И последние входят в неприкрытую воротником защитного панциря шею и черное пятно лица, сокрытого балаклавой, немного ниже потертого тактического шлема, снятого с чьего-то тела вместе со скальпом.

Один из самых распространенных стереотипов об огнестрельном оружии — это то, что выстрел в лицо с вероятностью в сто процентов конвертирует живого врага в состояние полезного для чернозема удобрения. Это так если ты стреляешь из чего-то относительно убойного, но с такими стволами уже плевать куда попал — с развороченной экспансивными пулями ногой или рукой твои шансы выжить стремятся к нулю без оказания первой медицинской помощи и последующего контакта с полевым госпиталем где работает верный последователь Виктора Франкенштейна. И то сохраняется немаленькая вероятность отправится к Четверым прямым рейсом. Сколько вояк загнулось на операционных столах? А сколько покоятся в сырой грязи, так до них и не добравшись?

Вернемся к теме, стандартный пистолет, если это не навороченная пукалка, во многом хорош. Компактный, удобный, надежный, точный.

Но...

Первая попала около скулы, брызнув в глазное яблоко кровью и раздробив лицевые

кости черепа. Пройдя сквозь костное вещество и холодную плоть, девять миллиметров смерти вышли из затылка Третьего. Вторая угодила в челюсть, содрав кусок щеки. С таким и живой человек, если повезет, не подойдет, особенно учитывая пару занимательных для медицины и анатомии случаев, например, как какому-то мужику насквозь пробило черепную коробку арматурой, а ему хоть бы что, только характер, по слухам, заметно изменился, ну да с кем не бывает.

Дуло автомата Калашникова наводится на нескладную фигуру молодого участкового, что решил впрячься за своих подопечных, которых валили какие-то залетные черти.

А вот последний "подарочек" определенно стал бы фатальным.

В теле человека очень много критически уязвимых точек — и шея одна из них.

Два выстрела.

Заляпанная кровью фуражка валится с белобрысой головы. Темные пятна расплываются на мешковатой форме. Тело медленно оседает на землю. Карие глаза, широко распахнутые, неверяще, удивленно, с почти детской обидой. На что он надеялся? Думал, что с пары обойм положит вооруженных до зубов ублюдков, оглушенных взрывом неведомо откуда откопанной противопехотной гранаты?

Глупо и самонадеянно.

Мертвецы из экипажа труповозки грузят тела в кузов, предварительно обшмонав карманы и приватизировав оружие. Охотничий нож, кобура с ПМ-ом и запасная обойма. Не густо.

Перекроенная под нужды Детей Могил "Газель" отчаливает в прекрасное далеко, покуда Первый закрепляется на местности. Города не пустеют, обезлюдывают только их районы, улицы и кварталы. Люди стекаются к центральным площадям. Возможно, в других местах все происходит как-то иначе. Третий этого не знал. Даже не предполагал. Он просто хотел есть.

Провинциальный городок за несколько дней их рейдов быстро мутировал в общину выживших из каких-нибудь Выжженных Пустошей Смерти. Очень сложно ничего не делать, когда по новостям и прочим СМИ передают о разгорающихся беспорядках которые ближе к крупным населенным пунктам успешно давят в зародыше силовые структуры, а у тебя под окнами шаробится ватага мутных ребят в полной военной амуниции, которая сразу же делает предупредительный выстрел в голову, после чего сгребает мертвецов и увозит в неизвестность.

Мотострелковая рота, истошным визгом местной администрации выдернутая из тлеющего конфликта с "братками", почувствовавшими воздух перемен, едва первые стражи правопорядка закачались на фонарных столбах собирателями падкого на мертвечину воронья, положила троих Голодных и знатно огребла от Боксера и Рокера. Какого-то более эффективного оружия против развитой нежити кроме тяжелых пулеметов и артиллерии придумано еще не было, а курируемые Мертвым вурдалаки исповедовали тактику скрытного ночного вырезания лагря, так что, увы... куча трупов, все как и всегда.

Во всех городах Российской Федерации вводится чрезвычайное положение. Без исключения. Два министра внутренних дел, которые были умерщвлены собственным телохранителем, что нарвался на заточку гопника в баре во время своего отпуска не дадут соврать. Ревенанты крайне опасные ребята и лучше не знать, чем же таким занимались эти высшие чины, что одержимый жаждой мести немертвый, раскрыл именно их грудные клетки, а не своего убийцы. По Москве уже свободно разъезжают танки. Комендантский час,

мобилизация всех полицейских и служащих. Срочников рассылают скорыми поездами по всей необъятной территории страны, затыкая их мясом бреша в тех местах, где местное руководство тупо не вывозит ситуации разряда "пиздецнахуйблять" подтипа "кромешный Ад и Израиль"..

На Балканском полуострове бушует революция.

А Третьему похуй.

Он "калаш" разбирает.

Как там говорилось?..

Оптимист учит английский язык.

Пессимист знакомится с китайским.

И только реалист изучает устройство автомата Калашникова.

Зомби не знал этого бородатого анекдота, да и в принципе смысл его "починка-осмотр" плавно ускользал от разума. Но если такова воля Ноля, то зачем перечить вестнику Мертвого бога?

Водила труповозки выруливает к лесополосе.

Во время девяностых-нулевых тут довольно часто хоронили людей, которые оказались не слишком сговорчивыми, чтобы добровольно подвинуться с хлебного места. Несколько из них уже разрыли безымянные могилы и кровожадными упырями рыщут по улицам в поисках тех самых успешных бизнесменов, что в то лихое время сколотил пару десятков гробов и первоначальный капитал на крови и смерти.

Похоронная бригада уже все сделала.

Глубина — два с половиной метра и в три каждая из сторон.

Яма доверху забита мертвецами.

Те из убитых, кто показался Мертвому богу наиболее перспективным уже покачиваются рядом в облике относительно человекоподобного подвида гулей — тощих лысых индивидов с пустыми глазницами, тремя сантиметрами клыков и аккуратным маникюром в виде зазубренных крючьев когтей. Темно-бурая шкура — наслоение выгоревших мышечных волокон, ссохшейся плоти и проступающих частей скелета, словно достаточно разложившийся труп как картошку запекали в исполинском костре.

Умертвие, что заведует всеми подразделениями, отвечающими за сбор, транспортировку и укладку тел, Ноль, стоит у самого края. Рядом несколько еще живых, что сдавленно мычат в кляпы из старых тряпок, давясь слезами и соплями. Ничтожества...

Мертвецов сноровисто выгружают, после чего не слишком-то аккуратно бросают на гребень рукотворного холмика остывающего мяса. Режутся глотки смертных и кровь под мерный речитатив Ноля низвергается на бледные, равнодушные ко всему и вся лица.

— СПАСИ, НО НЕ СОХРАНЯЙ.

Едва заклинание и молитва Темным богам завершилась "гробовщики", вооруженные лопатами, умело закидывают покойников комьями сырого чернозема, вперемешку с порубленными корнями, мусором, сгнившими листьями и травой.

Скоро, очень скоро, поддавшись разъедающему все и вся дыханию Смерти тела начнут плавиться подобно свечному воску, соединяясь в единое целое, чьи кости станут прочнее металла и которые по итогу вывернет наизнанку, образуя чудовищный шипастый панцирь мутировавшего моллюска-людоеда.

Мертвый пока не может контролировать тварей ранга Костяного Ужаса, но что мешает ему зародить семя рождения богомерзкого исчадия лабораторий некромантов с легкой,

полупрозрачной мыслью, что вот в том направлении есть еда?

Жди, Архангельск, к тебе уже идут.

Глава 27. За Монолит, братья!

Я слабое, ранимое, милое, незащищенное, романтическое и очень-очень скромное существо, которое вырежет всю твою семью, если ты не дашь мне спокойно погонять в GTA.

— Нар Отец Монстров

Рост в метр, узкоплечее и горбатое с узкими костяными лезвиями, проступающими сквозь блеклую шелушащуюся шкуру вдоль всего позвоночного столба. Сплюснутый бугристый череп с глубоко посаженными белесыми глазами и вытянутой вперед пастью, треугольные клыки. Гибкий хвост, вывернутые в обратную сторону коленные суставы и волочащиеся по земле худые передние лапы, украшенные хищными пауками растопыренных когтистых ладоней.

Когда-то это было собакой.

Евген до недавнего времени считал себя полностью адекватным, нормальным, вменяемым и психически стабильным представителем человеческого социума.

Что из особо интересного он мог о себе поведать?

Что может при случае и доле везения выбить особо наглым представителям урко-быдло контингента пару зубов?

Что ему нравятся продукты безумной фантазии японско-корейского мультипликационного конвейера?

Что имел рваную челку едко-зеленого цвета, двухкомнатную квартиру, татуировку в половину плечевого сустава и неплохо оплачиваемую дистанционную работу в не самом зашарпанном городе?

Что он любил слащаво-беззубую попсу вперемешку с кальяным рэпом?

Или может, что у него был лютый стояк на стройных мулаток, что на главной странице его аккаунта PornHub умело работали пухлыми губками?

Давайте будем честными, это все как-то меркло по сравнению с тем фактом, что его верный спутник жизни, добродушный и жизнерадостный песель Гусь, более известный, как "До вас доебусь", смешавший в своих венах древние родословные немецких и кавказских овчарок с грязной примесью особо лютых дворняг, отправился в Вальгаллу, пав в неравном бою от какой-то экзотической болячки, уничтожить которую не помогли даже дорогие прививки в вет-клинике.

Были слезы.

Была боль.

Была истерика.

И была сломана рука ублюдка двумя этажами ниже, что посмел в радиусе километра от Евгена спиздануть, что так этой шавке и надо.

Запомните, в мире не так много вещей из-за которых среднестатистический мужчина, воспитанный в скрепно-традиционном обществе, будет рыдать, как последняя сука. И хоть по Жеке не скажешь, что его напутствовали по большей части ремнем, ибо "нас вон били и ничего, нормальными людьми выросли", какой-то частью своего нутра он примыкал к этой

прослойке общества. И не приведи Темные боги, триггернуть их в такой момент. Последствия порой бывают куда страшнее, чем от обладателей пресловутого взгляда на две тысячи ярдов и вьетнамских флешбеков.

Родители и сестра собственноручно вычеркнуты из жизни еще пару лет назад.

Из относительно близких товарищей осталось лишь несколько человек, коих Судьба разбросала по разным городам.

И только Гусь всегда был рядом.

В любой, даже самый отчаянный, печальный и тоскливый момент жизни.

Настоящий друг.

Наверное, это не нормально, когда ты пьешь вискарь рядом с трупом своего домашнего питомца, хрипло подпевая нестареющей классике в лице "Две тысячи баксов за сигарету". Да, это не та музыка, которая нравилась Евгену, но... что подойдет лучше в настолько дерьмовый момент?

Мой старый друг, его со мной нет много лет,

Но память вдруг ударом в бок напомнит как

Он мог летать, когда смотрел на монитор,

Любил мечтать и на спор мог легко отдать...

2000 баксов за сигарету, и даже пол-жизни не жалко за это,

Чуть-чуть покурить, и до рассвета будем летать, чтобы снова отдать

2000 баксов за сигарету, и даже пол-жизни не жалко за это,

Чуть-чуть покурить, и до рассвета будем летать, чтобы снова отдать

2000 баксов за сигарету, и даже пол-жизни не жалко за это,

Чуть-чуть покурить, и до рассвета будем летать, чтобы снова отдать

2000 баксов, 2000 метров, 200 минут ещё до рассвета,

20 секунд чтобы решить, 20 секунд

Боль.

Тоска.

Печаль.

Уныние.

Опущенность.

Бессмысленность.

Безнадежность.

Безысходность.

Пустота.

Выгорание.

Суицид.

Но в какой-то момент...

Евген в начале подумал, что сходит с ума.

Но нет.

Гусь исчез, сменившись горкой выпавшей шерсти и этим лысым... *нечто*.

Парень был слишком в говно, чтобы внятно анализировать происходящее, а посему, спустя еще несколько глотков превращение своего четвероногого кореша в чертово исчадие Преисподней принял без вопросов. Даже поиграть с ним пробовал, что привело к ряду интересных открытий.

Во-первых, это так же, как и "До вас доебусь" воспринимал Евгена никак иначе, как маму, папу, братьев и детей в одном лице, стараясь всеми фибрами своего уродливого тела выказывать любовь и заботу, поднося банки с пивом, закусь и что-нибудь еще.

Во-вторых, на него по разному влияли жанры музыки. Тяжелая музыка уровня "Cannibal Corpse" приводил его в состояние нирваны. Что-то наподобие творения Варга Викенерса, к сожалению более известного сжиганием церквей, чем блэк-метал рубиловом, вводило существо во флегматичное состояние близкое к уныло-депрессивно-философской прострации. А вот попса и блатная рэпчина превращали его в чертов сгусток ультранасилия.

Ну и в последних.

Это было уже доказано не на практике, а скорее еще витало в области теоретических предположений. Но буквально весь вид "Гуся v2.0" явственно говорил, что он прекрасно подходит для того, чтобы убивать. И, кажется, проспиртованный мозг Евгена знал, как этим можно воспользоваться в своих грязных и корыстных целях.

Глава 28. Свобода!

— *НАДО ПОЛЕ ПРИТОПТАТЬ!!!*

— *Если этот поехавший еще раз появится на моей поляне с коноплей, я вырву его печень.*

Нар Отец Монстров. Избранные изречения

— *Добро пожаловать в мир упаковки, безрадостные и бездушные ублюдки. Вы сделали его таким. Свадьба важнее брака, похороны важнее покойника, а облицовка храмов важнее веры. Ваши боги отвернулись от вас еще до Кровавого Ливня и той смуты, что он принес. Где были они, когда мир сотрясали войны? Где они были, когда младенцы умирали в муках, вскоре после родов? Почему, если они такие справедливые и чистые, хорошие люди захлебывались в собственном дерьме, медленно гния заживо, а конченные ублюдки жрут лобстеров с черной икрой? Где они были, когда резались глотки в Крестовых Походах и Джихадах? Где они были, когда Третий Рейх, убивал людей миллионами? Где они были все это время? Где, мать вашу?!*

Вы, наверное, спросите, а где же был Мертвый?

Он еще не был рожден.

Но теперь, теперь пробил час возмездия и воздаяния за грехи.

Праведные обретут силу и бессмертие, а грязные грешники восполнят собой ряды пушечного мяса в Легионе Мертвецов. Вы слышите? Слышите гимны Детей Могил?

Они взывают к вашим душам.

Пора окунуться в праведное насилие над всеми, кто не примет порядок нового мира. Солнце Апокалипсиса краснеет на горизонте. Его лучи сожгут тех, кто не сможет приспособиться к изменившимся реалиям.

Четверо и Мертвый с нами, так не посрамите их внимание.

Ангелы воспоют нашим легионам "Алилуя" и демоны устроятся нашей поступи.

И помните, убийство, как роды. Я — отец и мать. Я открываю людям двери в новый мир. Дарую новую жизнь. Так идите же и откройте все двери, что только сможете, ибо имена этих гандонов уже занесены на страницы Книги Мертвых!

Примите дар Смерти из дланей Мертвого бога или же падите в кровавую грязь у его ног, где трупные черви обглодают ваши кости...

— **выжимка из проповедей святого отца Анатолия, основателя Церкви Мертвого бога и члена фракции "Дети Могил". Признан международным террористом.**

Глава 29. Долг!

— Бать, а скажи самую главную мудрость твоей жизни.

— В шутанах выбирай женских персонажей. У них моделька меньше и сложнее попасть.

— **Нар Отец Монстров. Избранные Изречения**

Петр Сотник, потомственный военный, вот уже больше пятнадцати лет, тянувший лямку контрактника в армии Российской Федерации, в жизни не держал в руках огнемёт. Только старый добрый огнестрел, варьирующийся от пистолета, до станкового пулемета и снайперской винтовки с редкими вкраплениями откровенно дерьмовой кустарщины, произведенной рукастыми партизанами-террористами. Но огнемёт... он вообще сильно сомневался, что у них в принципе имелись подобные приبلуды на вооружении. И даже если были, то скорее всего, это было нечто из документалок про Мировые войны — эдакий громоздкий баллон за спиной, от которого тянется шланг к куску металла в твоих руках, что узкой струей всежигающего огня брызжет метров на пятнадцать. Ну или что-то наподобие.

Но нет. Оказалось, что это дерьмо имелось на складах армии, ну или у кого-то из генералов, коим срочники дачи ремонтировали. Хотя ходили слухи, что к этому приложили лапу чекисты, подмявшие под себя все вопросы касательно разруливания ситуации с мертвецами, ибо чет как-то машинка-то по виду современная и недавно сошедшая с конвейера, да и никто до этого момента в принципе не знал о подобной модели. Даже всеведающий Google тактично промолчал.

С предплечье Сотника, раздутая железяка с относительно компактными емкостями, что нужно вставлять в специальное крепление под тупым рылом ствола, после чего миниатюрный дракончик делает пшш-шш-шш. А те, кому не повезло оказаться рядом громко, но не слишком долго вопят от боли и ужаса. Что-то напоминающую эту хуйню Петр видел только на мониторе компьютера своего сына, что в силу специфики их семьи имел юношеский разряд по боксу, стрельбе и непреодолимую тягу к спинномозговым зубодробительным шутерам, выдающим кроваво-сочную картинку на мощном игровом "железе". Эта штука неплохо показала себя в какой-то игре, где говорилось, что-то про безумие и сжигание конопли. Фар Край 3, вроде как. Петр даже сам пару раз прошел ту миссию. Вначале, чтобы просто еще сильнее сблизится с чадом, а потом ему зашла та адская рэпчина, всполохи огня и вопящие пираты Вааса в красных футболках с черепами. Последующие несколько дней его отпуска они с Димкой только и занимались, что крошили головорезов и наемников, предпочтя не говорить любящей жене и понимающей матери о сцене секасов с поехавшей жрицей татуированных аборигенов, дорвавшихся до оружия цивилизации XXI века.

Но одно дело компьютерные игры, а совсем другое реальная жизнь со все сильнее звучащими в голосах непосредственного начальства паническими нотками.

Изначально Сотник слабо верил, что мертвые действительно восстали.

Скорее всего, подобную информацию до рядовых и низших офицерских чинов принципиально не собирались доносить, чтобы пресечь панику и дезертирство. Но несколько десятков трупов, сотни раненых и ползущие из всех щелей слухи сложно остановить, когда трон шатается под разжиревшей задницей расслабившихся в своем

затхлолом болотце чинуш.

Даже пару инструктажей дали, подкрепленными видеороликами некоего Мертвого, парой шакального качества фотографий и видеозаписей гражданских очевидцев.

Но, давайте будем, честны, кто в это поверит?

Когда бушевал COVID-19 из-за того, что какой-то узкоглазый долбоеб сточил летучую мышь, не сказать, что все и вся повально начали вникать в хитросплетения нависнувшей над всеми проблемы мировой пандемии. Огромный пласт населения тупо не верил в это говно и на болте вертел призывы к медицинским маскам, дезинфекции, вакцинации и сохранении безопасного расстояния. А тут мертвяки полезли из могил. Seriously? Очередные горе-журналиги решили как следует хайпануть и навариться на заезженной теме грядущего Армагедонна. Относительно среднего заработка в богатых странах любительский грим стоит копейки, как и косметика. С их помощью можно вполне достоверно замутить, как зомби, так вампира и Ктулху во всей красе, косплееры не дадут соврать.

Но потом Петр столкнулся с **нежитью** лицом к лицу. Точнее ощеренным оскалом ненависти к пустым глазницам, впавшей щели носа и оскаленным зубам, лишенным кожурой сгнивших губ и щек. Такое бывало редко, но Сотник потерял контроль над собой и, поддавшись панике, всадил в *это* всю обойму, подобно зеленому срочнику потратив непозволительно много боеприпасов "в молоко".

Подобное дерьмо просто не должно существовать в реальном мире.

В видеоиграх, в анимационных роликах, в книгах, в песнях, в кинематографе — пожалуйста, конечно, да, сколько угодно.

Но в реальности...

Еще совсем недавно он мечтал о том, как пустит скупую мужскую слезу, когда его сын выиграет в чемпионате Подмосковья по боксу. Первое, второе, третье место — не важно. Даже если никакого не займет, Петр им бы гордился.

А сейчас он идет между надгробий Хованского кладбища, переступая через оградки, цветы и лавочки, утопляя все и вся, что не сокрыто гранитными плитами, в огне. А за ним мрачно пыхтят два крепких парня. У одного в руках пулемет Калашникова, а у второго иностранный дробовик, что может перемешать грудную клетку человека с изрядным куском его позвоночного столба в кровавое месиво.

А вокруг еще десятки подобных групп.

Где человечество свернуло не туда?

Конец первой книги и чутка клиффхенгерного насилия

Мой взор... застилает тьма...

— Нар Отец Монстров

БТР-80.

Тринадцать с половиной тонн.

Двести шестьдесят лошадок в движении.

Максимальная скорость в восемьдесят км/ч, плюс экипаж с десантом потянет на десять рыл, не считая тех, кто будет ехать просто на броне.

Из вооружения стволы бойцов внутри, 14,5-мм крупнокалиберный пулемёт Владимирова и 7,62-мм пулемет Калашникова танковый.

Мощная машинка.

Флагман колесной бронетехники, что рыхлит грязь в составе мотострелковых подразделениях сухопутных войск ряда стран СНГ и время от времени мелькает в африканских "банановых" республиках, когда какой-то особо ушлый торгаш умудрится спереть ее со старых складов и всучить местным царькам.

А с недавнего времени уничтожитель легкобронированных целей, противотанковых средств и живой силы противника стал, внезапный и очень остроумный каламбур, заслоном от неживой.

Большинство зомби складывались от одного точного выстрела из ПМ или достаточно удачного соприкосновения с ударно-дробящим. Но среди них попадались те, что мог без труда проглатывать очереди из "укоротов" и продолжать рваться к своей цели. Тут в дело вступает бронетехника и тяжелое оружие. Шипы, клыки и когти мертвецов оставляют шрамы на корпусе, но не способны добраться до живой начинки, управляющей стальным монстром. А пулеметы... каким живучим тебя бы не сделала некротическая эволюция, очень сложно продолжать убивать и калечить, когда твое тело конвертировали в состояние наиболее близкое к кусочку подтаявшего масла размазанного по куску хлеба. Только хлеб — это асфальт или стены многоэтажек, а масло — перемолотое свинцом в фарш перекрученное нечто, не имеющее ничего общего с привычной цепочкой ДНК.

Бронетранспортеры и танки поставили везде где только можно, обезопасив крупные населенные пункты тонкой скорлупой вояк, старательно окапывающих мешками с песком и колючей проволокой пулеметные гнезда и ячейки автоматчиков. Гражданских перекидывают ближе к центрам. Возводят баррикады, укрепления, заграждения и стены. Эвакуируют жителей ближайших поселений. Бьют тревогу чиновники, богачи и прочие мажоры. Криминал от самых низов до вершук областного масштаба со сворой прихлебателей с головой окунается в откровенный беспредел.

Но в большинстве своем армейцами и стихийно созданном ополчением курируются только площади, шоссе, главные улицы, крупные развязки и транспортные артерии. Мертвецы подобны крысам и имеют неприятную привычку просачиваться через любую брешь в обороне. Не так, как в зомби-ужастиках единой все сметающей волной, а по одному или небольшими группками, но... внезапно были выяснены три крайне неприятных факта,

заметно осложнив жизнь на фоне разгарающихся разборок со всевозможным сбродом, жестящим по старой программе "грабь, насилиуй, убивай".

Первый — зомби эволюционируют. И пугающе быстро, так что легкие и непринужденные пострелушки по кое-как переставляющим конечностями гниющим трупам продлятся недолго.

Второе — восстанут все мертвецы. Как с кладбищ, так и те, кто умер уже после того, как пошел Кровавый Ливень, что и породил этот хаос.

И третий — если живого убил мертвый, то он воскреснет с большей скоростью. А теперь представим какого-нибудь шустрого покойничка, что умудрился прошмыгнуть в один из торговых центров, что заполнен беженцами, стянутыми с районов где уже идет полномасштабная гражданская война? Вот именно.

Но...

Когда ты говоришь, что хуже быть не может или уже подготовился к наиболее пессимистическому, на твой взгляд, сценарию развития событий, что-то определенно идет в разы уебищнее, чем ожидалось изначально.

За секунду до того, как больше напоминающие лезвия кос когти твари, коей еще не видывал свет, порвали броню бронетранспортера, в свое время наводящего суету в Афганистане, как мокрую бумагу... за секунду до того, как рация захлебнется диким воплем чистейшего ужаса... за секунду до того, как умереть, мозг лейтенанта С. Г. Федорчука впитал в свою подкорку одну фразу, что словно вплавившейся в плоть кровью красовалась на бочкообразной груди Костяного Ужаса.

ИБО ТАКОВ ПУТЬ